

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

2/2012

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой стр. обложки: картина
С. Сусловой «Вечер на Иссык-Куле».

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Журнал издается при спонсорской поддержке
издательства «Турар»

Полку юбиляров-друзей «ЛК» прибыло. Выдающемуся историку, доктору исторических наук, профессору, академику

Владимиру Михайловичу ПЛОСКИХ

в этом году исполнилось 75 лет. Широкая общественность, славно отмечавшая его семидесятилетие, идя на поводу скромности юбиляра, оставила этот достойный

факт без должного внимания. Редакция «ЛК» решила все-таки восстановить справедливость хотя бы для того, чтобы напомнить нашим читателям, что сей именитый ученый муж, вице-президент Академии наук, к тому же еще и замечательный писатель, который десятки лет скрывался под псевдонимом Аман Газиев. Многие его исторические повести и новеллы – «На берегах Яксарта», «Пулат-хан», «Долгий путь к России» и другие – публиковались на страницах «Литературного Кыргызстана». Теперь вуаль псевдонима сброшена. В предисловии к изданному пятитомнику произведений Амана Газиева наконец-то названо имя истинного их создателя. Сам Владимир Плоских признался, что готовит еще и шестой том, где будут представлены собранные им киргизские легенды.

От всей души поздравляем дорогого Владимира Михайловича с юбилеем, желаем здоровья, счастья и новых творческих удач и открытий!

Редколлегия «ЛК»

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 2/2012

ПРОЗА

Владимир Медведев. Захок. Главы из романа	5
Ф. Шарип. Малик. Обед <i>Рассказы</i>	54
Александр Крячун. Заметки писателя – последнего топографа планеты	72
Вячеслав Шаповалов. «Прошлое увижу наяву»	90

ПОЭЗИЯ

Александр Никитенко. Театр истории. Стихи	107
Анэс Зарифьян. «Не дай мне, Бог, покоя...» <i>Стихи</i>	115
Ульяна Копытина. «Стояла роза на столе...» <i>Стихи</i>	130

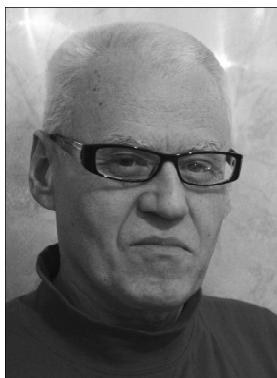
ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Князев. Обретенный суверенитет. Двадцать лет спустя	139
Людмила Жолмухамедова. Как я не стала героем апрельской революции	176

КУЛЬТУРА

Вилор Акчурун. Искусство быть добрым	191
Александр Иванов. Объять необъятное?	200
Марина Савина. Сюр в постпролетарском районе	206
Коротко об авторах	212

ПРОЗА

Владимир МЕДВЕДЕВ

ЗАХХОК

Главы из романа

Сегодня мало кто за пределами Таджикистана помнит о гражданской войне, разразившейся в этой стране после развала Советского Союза. Разве что в соседней Киргизии, где за последние пятнадцать лет не раз возникали ситуации, которые грозили перерасти в подобный кровавый междоусобный конфликт. Когда киргизстанцев подстерегала такая опасность, они, словно заклинание, повторяли: не приведи Аллах, чтобы у нас случилось, как в Таджикистане.

Роман, начальные главы которого вам предстоит прочитать, навеян одним из эпизодов этой войны: некий полевой командир захватил небольшую горную местность и создал в ней подобие своего собственного независимого государства. Просуществовало оно, разумеется, недолго — центральная власть обрушила на конкурента ударную мощь регулярных войск.

Что же побудило меня выстроить роман вокруг этого эпизода? Положение, когда “власть” и “подвластные” вступили в прямое общение. В большом государстве они обитают чуть ли не в разных мирах (недаром пословица: “До Бога высоко, до царя далеко” объединяет властителя и невидимую сущность из запредельных сфер). В царстве полевого командира жизнь ограничена малым пространством. Царь и смерд живут в соседних домах и каждый день встречаются лицом к лицу. Именно это прямое, непосредственное столкновение с “властителями”, с обнаженным, ничем не прикрытым властным насилием вынуждает каждого из действующих лиц романа постоянно

делать выбор — подчиниться или противостоять принуждению...

Основные события романа разворачиваются на Дарвазе, в отдаленном и почти изолированном горном ущелье на границе с Афганистаном. Это не просто государственное пограничье. Здесь, в труднодоступных горах, в экстремальных жизненных условиях с предельной четкостью проступают все границы. Граница между жизнью и смертью. Добром и злом. Реальным и воображаемым. Границы между культурами. Между этносами. Городом и деревней. Человеком и природой. Женщинами и мужчинами. Молодыми и старыми. Живыми и мертвыми. Своими и Чужими. И еще множество иных границ, перечислить которые нет возможности, поскольку для это пришлось бы дословно пересказать весь текст романа.

Глава I

Андрей

Налегаю на лопату и выворачиваю...

Ни хрена себе!

Человеческий череп.

Присаживаюсь на корточки, разглядываю. Ни разу не видел мертвецов. Но это и не мертвец. Кость. Тыква с кривыми зубами и дырами для глаз... И всё-таки зацепило меня по-чёрному. Такая, наглухо, вдруг печаль накатила...

Слышу:

– Чего сидишь?

Поднимаю голову. На краю котлована – пластиковые шлёпанцы «Найк». Из них босые пальцы торчат. Над ними – пижамные штаны в полоску. Ещё выше – круглое брюхо. А совсем уж в вышине, в утреннем небе – широченная байская ряха.

Ненавижу этих гадов. Не хозяин он мне – я только пашу на него. Дом строю. И все дела. А ведь тарашится, будто права на меня имеет. Будто я со всеми потрохами ему принадлежу.

– Почему не работаешь?

– Череп нашёл, – огрызаюсь. – Тут у вас что, кладбище?

Уставился, будто оценивает, потом говорит:

– Пословицу знаешь? Под каждым следом коня зарыты две сотни глаз.

Слышал. Таджикская народная мудрость. До нас, короче, столько прошло поколений, что где ни копни – везде лежат сто человек.

– Ты понял? – переспрашивает он вроде как с угрозой. И пальцем указывает: – Это... Сюда неси.

Терпеть ненавижу, когда приказывают. Я не бобик – прыгать из ямы с костью в зубах. Встал и швырнул ему череп баскетбольным броском. Он принял пас неожиданно чётко. Только глазом черным зыркнул:

– Работай давай... Чего стоишь? Копай.

Уходя, обернулся:

– Хорошо работай... Ты ведь Муродова сын? Смотри, хорошо землю копай. А то отца опозоришь.

Куражится: отец – уважаемый человек, а ты у меня в рабочих хрячишь. И ещё скалится. Повторил с кайфом:

– Отца не опозорь.

И отвалил, шлёпая «найками».

Я посмотрел-посмотрел, как он, держа череп у бедра, будто мяч, шествует по своей усадьбе к дому под виноградником. «Ах ты, басмач, – думаю. – Да гори оно огнём». Плюнул, вылез из ямы и пошёл в дальний конец двора, где Равиль и Карл сколачивали опалубку под фундамент. Иду и прикалываюсь: пузо выпятил, шаркаю кедами, как хозяин шлёпанцами. Подошёл и кричу ребятам:

– Эй, почему медленно работаете? Плохо молотком стучать будете, секир-башка вам исделим.

Равиль гвоздь в доску загнал, голову рыжую поднял и спрашивает:

– Чего ты ему пульнул?

– Башку твоего предшественника. Бугра, что старый дом строил. Вот с ним и расплатились...

Короче, рассказал я им про череп. Карл лишь буркнул:

– У каждого свои скелеты... Не в шкафу, так в яме. У кого их нет?

Равиль подхватил:

– Точняк. Только другие притыривают куда подальше, а я

свой при себе таскаю, – он постучал себя кулаком в грудь. – Так что, Андрюха, особо не заморачивайся.

Оба они слегка придуряются: нас эти дела не колышут.

– Я-то ду-умал, – протянул Равиль, – у тебя там кувшин с золотом...

А Карл не утерпел и как бы небрежно:

– А что за череп? С мясом, с волосами?

– Гладкий.

Карл плечами пожал:

– Тогда лет двадцать в земле лежит. Не меньше.

Равиль тут же ввязался:

– А миллион не хочешь? – и мне подмигивает: – Андрюха, да ты первого человека откопал. Могилу святого Деда Адама нашёл.

Карл пальцем у виска крутит:

– Думаешь, если Ватан – райцентр, так и рай здесь был?

Равиль языком цокает:

– Э-э, брат-джон, у тебя в голове, оказывается, совсем масла нет. Совсем не знаешь, где живёшь! В центре мира живёшь. Здесь у нас всё было. Райский сад был. Александр Македонский был. Товарищ Саидакрам Мирзорезоев из Совета министров тоже был...

Ну, понеслись стება́ться... Хлебом не корми – дай друг друга подколоть. Начинает всегда Равиль:

– Карл, а, Карл, все немцы уехали, ты почему не уехал?

– Должен же в Ватане остаться хоть один.

– На хрена он тут нужен?

– Вас, олухов, уму-разуму учить.

Равиль ухмыляется:

– Ничего, татары научат. В смысле – я, других теперь нет.

Ну, а ты чего? Из-за рыбалки? С удочкой на Ак-су... Слушай, а говорят, в Рейне тоже рыба водится.

– Там вода не звенит.

Наверное, он слегка сдвинутый, наш Карл. Рыбак-патриот! На его месте я рванул бы за бугор, не раздумывая. Это только таджика от места не отдерёшь. Родные горы, родная земля, родной кишлак и всё такое. Короче, родина. А вся она – одно-единственное ущелье. Жить в другом – в соседнем – его трактором не затащишь. Там, типа, уже не родина. Вот и Карл, выходит,

такой же – прилип к нашему задрипанному райцентру, название которого так и переводится с таджикского – родина. Для кого-то Ватан и впрямь родина, но не для меня, хоть я здесь родился... Нет, конечно, я тоже Ак-су люблю. Звенит вода по камешкам, переливается, холодная, прозрачная... И по выжженным солнцем адырам вокруг посёлка люблю бродить. И балдею от запаха трав ранней весной... А всё равно уехал бы. Мой адрес – Советский Союз... Но СССР уж почти два года как накрылся. Да ещё войнушка... Куда теперь? И здесь – невтерпёж. Кругом одни торгаши да бандиты. Вроде этого, нашего...

– Слушай, – спрашиваю Равиля, – зачем он черепушку уволок?

– Кто?

– Ну, этот... басмач... Хакбердыев.

– Не знаю. Спроси чего полегче. Может, похоронит. Националы любят хоронить – им за это Аллах грехи прощает.

– А кто он вообще такой? Бандит?

– Да ну!.. Просто торгаш.

– По мне, так все торгаши – бандиты.

Равиль усмехается:

– Хорош мудрить, Андрюха. Иди трудись, ищи остальные кости.

– Хорош приказывать, – огрызаюсь. – И так иду.

Ну, блин, тоже мне большой начальник.

Рою и думаю. С чего это торгаш так гнусно ухмыляется? “Отца не опозорь”. О чём это он? Отец ведь тоже собирался мне что-то сказать. Вчера по Интернациональной иду, а он – навстречу. Как всегда – в белой рубашке, отглаженных чёрных брюках. Гладко выбрит. Туфли блестят, будто только что – из операционной. Это на пыльной-то улице... И сразу толкует:

“Андрей, сынок, надо эту работу бросать”.

“А чего? Хорошая работа. На свежем воздухе. Физкультура. И деньги платят”.

“Пред людьми неудобно. Они видят, что сын Муродова – рабочий у Хакбердыева. Говорить будут: доктор о своих детях совсем не заботится. Нехорошо. В моём положении...”.

Так, да?! Я не стерпел:

“Моё личное дело, на кого работаю. А вы... вы не о нас... только о своём положении и думаете!”.

Никогда ему не грубил. А сейчас прорвало. Несправедли-

во, конечно. Он заботился. Маме с началом войнушки зарплату в библиотеке платить перестали. Националам-то легче – у каждого родня в кишлаке. Или огороды. А матушке прежде и в голову не приходило завести огород. Если б не отец, не знаю, как выжили бы... Это уже потом Равиль меня в бригаду взял...

Думал, отец рассердится. А он:

“Андрей, сейчас трудное время. Надо быть очень осторожным. Ты ещё многого не понимаешь. Знаешь, на каких людей работаешь?”

“Не знаю. Какая разница?”

“Плохие люди. Они любой зацепке рады, лишь бы мне навредить”.

“Откуда они узнают? Даже имени моего не спросили”.

“Ладно, нет времени объяснять. Вечером придут...”

Как всегда! Поговорили, называется, отец с сыном. Вечером я ждал его допоздна и ещё больше обиделся. Значит, и на этот раз – как всегда. Матушка тоже сердилась и переспрашивала: “Так он сказал тебе, что придёт?”

На лице её застыло выражение, которое появляется, когда она ревнует отца к медицинским сестричкам. Матушка напекла пирожков с картошкой. Убеждена, он их любит. Я-то знаю: он их терпеть не может. Она укутала блюдо чистым полотенцем, чтобы пирожки оставались горячими. Но они всё-таки остыли...

И тут до меня доходит: отец прав. Торгаш знает... “Ты ведь Муродова сын”. Вот и хорошо! Пусть отцу совестно станет. Я ему простить не могу, что не понимает, как я к нему тянусь. Раньше даже плакал по ночам из-за того, что он меня не замечает.

Слышу, на улице за забором кто-то сигналил будто ненормальный. И орёт:

– Андрей! Эй, Андрей!

Вылезаю из ямы, подхожу к забору. Ну, кто там ещё? Белый фургон «Скорая помощь». За рулём – чёрт худой, усатый, черномазый. Али, водитель больничный, которого все Аликом зовут. Мы с ним вроде как кореша. Кричит из окна кабины:

– Андрей, садись быстро. Поехали!

Он всегда как на пожар. Всю дорогу одно: “быстро-быстро”, “давай по-быстрому”. А меня злость разбирает. Вчера отец времени для меня не нашёл, а сегодня даже машину прислал. Бросай, сынок, все дела и – к нему. Быстро-быстро!

– У тебя, – спрашиваю, – лёд что ль в жопе загорелся?
– Братан, кончай базарить, – Алик кричит. – Времени нет!
Ништяк себе заход...

– Ну ты, Эйнштейн, пространство-то хоть осталось? – спрашиваю.

С юмором у Али – всю дорогу проблемы. Не врубается.

– Эй, садись, говорю!

– А дальше что? Лекцию про время прочитаешь?

– Отца твоего убили.

Я сразу не понял. Он по-новой кричит:

– Твоего отца! Убили!

Я понял, но не поверил, а когда поверил, время исчезло. И пространство, наверное, тоже, потому что пока мы ехали, за ветровым стеклом висела мутная пелена, в которой растворились и глухие глинобитные заборы на окраине посёлка, и высокие тополя вдоль пыльной дороги, и поля, расстилавшиеся до дальних гор. Я будто оглох и онемел. Голос Алика доносился до меня откуда-то со стороны, из другого измерения: ...главврач приказ дал... туда ехать... тело забрать... крюк сделал... за тобой заехал...

Остановились на краю какого-то солончака. Кучка людей. Рядом – чёрная «волга». Я выпрыгнул из кабины. Они оглянулись, расступились.

Отец лежал на спине. Одежда его была в пыли. Пыль на одежде. Пыль и репейники, словно его тащили по земле. Лицо перепачкано землёй. Кровоподтёк на пол-лица.

Я будто ослеп. Не видел ближних холмов и дальних гор. Не видел поля, залитого солнцем. Не видел стоящих вокруг людей. Видел только борозду поперёк его шеи. Тонкую борозду, прорезающую вспухшую плоть. Не слышал, как шуршит горячий ветер. Не слышал, как шепчутся стоящие вокруг. Потом рядом, как бы за какой-то стеной, кто-то сказал:

– Ну что ж! Надо тело забрать.

Сначала я даже не понял смысла. Захлёстывало чувство страшной непоправимости. Вытерпеть не было мочи. Меня будто на куски разрывало. Кажется, я зарычал или застонал. Я озирался, словно искал что-то, чего найти не мог. Взгляд наткнулся на районного прокурора. Он внимательно на меня смотрел, будто следил.

– Большое горе, Андрей... Очень тебе сочувствую. Крепись. Теперь что поделаешь?

Кивнул Алику:

– Давай, грузи.

Алик распахнул задние дверцы фургона, выволок раскладные брезентовые носилки и разложил их рядом с отцом. И тут я будто очнулся.

– А следствие?!

– Разберёмся, – сказал прокурор. – Следствие проведём обязательно. Но сразу тебе скажу: дело очень трудное. Никто не видел. Свидетелей нет. Очень трудное дело.

Я сразу понял – врёт! Никакого следствия не будет. У него на морде лица было написано большими буквами: НИКАКОГО СЛЕДСТВИЯ. Я закричал:

– Почему здесь все топтались? Следы затёрли. Даже собака не найдёт.

– Андрей, – мягко сказал прокурор, – собака в таких случаях ни к чему.

Его глаза будто закрыты сзади какой-то заслонкой. Как таджики говорят, на лицо ослиную шкуру натянул. Я обвёл глазами стоящих вокруг людей. Я знаю нашего следователя (все в посёлке знают). Его здесь не было.

– Где следователь?! Где фотограф?

– Андрей, – мягко сказал прокурор, – не учи меня, как надо работать.

– Почему не начинаете следствия?!

– Зачем так говоришь? Обязательно начнем. Проведём следствие, всё выясним... Обязательно, обязательно.

– Ничего вы не начнете! Вы... всё так оставите.

– Андрей, я сейчас тебя прощаю. Ты нехорошие слова сказал, но понимаю, что чувствуешь. Мне тоже очень горько. Твой отец моим другом был. Очень хорошим другом...

Но у меня от бешенства сорвало крышу, и я плохо соображал, что говорю.

– Не хотите, да? Мне самому, что ли, расследование проводить?

Прокурор перебил меня по-русски:

– Не надо ничего расследовать! Ты умный парень. Не делай

глупостей. Сам знаешь, время сейчас опасное. Очень опасное. Не надо такие слова говорить. Потом сам пожалеешь...

– Угрожаете?

– Ты кто такой, чтоб я тебе угрожал?!

Жабры раздул, и дерьмо из него так и попёрло:

– Ты кто такой?! Учишь, как следствие вести. Научись сначала со старшими разговаривать! Что ты вообще знаешь? Тебе брюхо распори, в нём и буквы «алеф» не найдёшь... Ты как твой отец! Тот хоть людей лечил, потому его и терпели... А тебя за что терпеть?!

И тут я окончательно взорвался:

– Отца вы терпели?! Если бы не мой отец... если бы отец вас не лечил, вы все бы здесь передохли! От обжорства. Я сам найду, кто его убил! Здесь ничего не добьюсь, в Душанбе поеду. Пусть пришлют бригаду. Я ваш гадюшник разворошу. Я всё равно найду, кто...

Он глаза выкатил, смотрит на меня, будто сожрать хочет. Потом пересилил себя, отвернулся. Скомандовал, ни на кого не глядя:

– Забирайте.

Никто даже не шевельнулся.

Меня трясло, но я не хотел, чтобы чужие к нему прикасались. Чтобы несли чужие. Я подошёл к отцу, нагнулся и взял его за плечи. Потом взглянул на Алика... Он поколебался, подошёл и неохотно взялся за ноги. Вдвоём мы приподняли тело. Оно было очень тяжёлым и прогибалось в поясе.

– Сафаров, помоги, – приказал прокурор.

Водитель прокурорской «волги» подошёл, просунул пальцы под ремень отцовых брюк и потянул. Мы подняли тело повыше. Голова отца откинулась назад. Мы передвинули тело к носилкам, и я постарался опустить его так, чтобы голова не стукнулась о брезент. Вдвоём с Аликом мы взяли за ручки носилок, отнесли их к «скорой помощи» и задвинули в фургон. Я сел рядом с носилками. «Скорая» тронулась. Я придерживал отца, чтобы его не мотало на ухабах. Только тут я заметил на смуглых и крепких руках отца ссадины и синяки. Следы чьих-то рук. Его держали. Он был сильным. Один человек с ним бы не справился. Их было несколько. Я гнал от себя страшные картины того, как отца убивают. Я гасил их, но они вспыхивали вновь и вновь.

Очнулся я, когда щёлкнул замок. Алик раскрыл дверцы.

– Брат, давай вынесем...

Я вытер сухие, без слёз глаза и взялся за ручки носилок. Брезентовое ложе, лязгая нижними скобами, поехало по металлическим полозьям. К настезь распахнутой “скорой” подскочили парни в белых халатах. Санитары. Перехватили носилки, понесли.

Спрыгиваю на землю. Домик, белёный извёсткой, в глубине больничного двора. Морг. Люди у входа. Застыли неподвижно. Молча. Как тени. Отец на носилках уплывает в раскрытую дверь морга.

Я вхожу. Комната какая-то. Отец лежит на высоком узком столе, покрытом клеёнкой. По ту сторону стола – врачи. Перешёптываются тихо. Один – впереди. Главврач. Остальные – за ним, чуть позади. Как на утреннем обходе.

Отцу в лицо не смотрю. Не могу. Чёрные туфли покрыты пылью. Лезу в карман, достаю платок. Хочу пыль смахнуть. Как это отец так умеет, чтоб на обуви – ни пылинки? Всегда. Или никогда? Всегда ни пылинки. Никогда ни пылинки...

Кто-то что-то говорит... Главврач. Негромко.

– Большое горе, товарищи... но наш коллектив... проводить достойно... товарищ Шарипов займётся...

Врач в белом ему на ухо шепчет. Главврач кивает:

– Да, товарищи, мы родственникам в кишлак сообщили. Они очень просили вскрытие не делать. Это, конечно, старый предрассудок, пережиток прошлого, но из уважения... Потом неудобно получится, обижаться будут... Прокуратура тоже не возражает...

Чувствую чью-то руку на плече. Мама. Не услышал, как вошла. Тяжело оперлась на меня. Замерла, глядя на отца. Я маму крепко обхватываю. Чтобы почувствовала, что я рядом. Что я с ней. Живой. Держу её...

Мама глубоко вздохнула. Слегка повела плечами, высвобождаясь. Коснулась моей руки ласково: “Спасибо, я держусь”. Ещё раз вздохнула. Шагнула вперёд, к столу. Постояла, глядя отцу в лицо. Поправила воротник рубашки, завернувшийся, измазанный пылью. Нежно провела пальцами по щеке отца. Подняла глаза на главврача.

– Я заберу его. Дайте мне, пожалуйста, машину.

Главврач изумился:

– Куда заберёте?

– Домой.

Главврач на маму смотрит подозрительно. Недоумевает.

– Зачем домой? Похоронить надо.

Мама будто не слышит.

– И если можно, скажите плотнику дяде Васе, чтобы сколотил гроб. Я заплачу за работу.

Главврач понял, наконец.

– Вера, вы нас обижаете... Мы сами похороним. Не беспокойтесь, сделаем как надо. Я сейчас pošлю санитаров рыть могилу. До вечера времени ещё много...

Мама говорит ровно, без выражения:

– Он должен провести ночь дома.

Главврач хмурится. Знаю, что он думает. “Моя больница. Мой персонал. Я здесь главный. Я начальник. Мне решать, как работать. Как хоронить. Откуда русской женщине знать, как положено погребать? Не по советскому закону. Не по русскому. По нашему закону. Может, и знает. Но не ей решать...”

Но вслух другое произносит:

– Вера-джон, национальные традиции тоже уважать надо...

Знаю, о чём он думает. “Что люди в посёлке скажут, если я позволю не по закону похоронить? Скажут, Хакимов совсем никакого авторитета не имеет. А может, Хакимов не знает, как правильно? Может, его не учили? – скажут”.

Тот врач, что прежде ему на ухо шептал, опять шепчет. Главврач молчит, думает. О чём – не знаю. Что шептун ему посоветовал? Что им известно такое, чего мы не знаем?! Главврач продолжает:

– Вера-джон... – Помолчал, потом на шептуна кивнул: – Акмол Ходжиевич правильно говорит. Вот вы... Вы столько лет с покойным Умаром вместе жили... Его сын тут стоит... Конечно, правильно будет, если вы сами его похороните...

Почему? Почему он так быстро, так легко уступил? И что шептун опять ему шепчет?

Главврач приказывает:

– Дядю Васю позовите.

Кто-то из врачей огибает стол, мимо нас проскальзывает... Все молчат. Мама вдруг меня спрашивает тревожно:

– Где твоя рубашка, Андрей?

– Какая рубашка?

– Почему ты голый?

Смотрю и вижу: на мне нет рубашки.

– Не знаю...

– Почему ты раздет?! Что случилось? Где ты был?

– Я копал...

У мамы в глазах ужас:

– Копал?.. Что ты копал?!

– Мама, я на работе... Фундамент...

Она дух перевела. Какой-то странный, незнакомый жест у неё появился – рукой по своей щеке проводит, будто что-то с лица стирает.

– Слава богу... Я подумала... Ах, не знаю... – Потом строго:

– Андрей, надо одеться.

– Во что?

– Не спорь со мной! Сейчас же оденься!! Ты слышал? Сейчас же.

– Мама!!!

Она будто опомнилась:

– Ах, да, конечно...

Потом вошёл дядя Вася. Перекрестился. Я слежу, как он разматывает складной плотницкий метр, и думаю, почему он измеряет стол, а не отца? Зачем берёт так широко?

– Почему не записываешь? – строго спросил главврач.

– Голова-то пока на плечах. К вечеру сделаем, – буркнул дядя Вася и ушёл.

Санитары перенесли отца назад, в «скорую», Алик завел двигатель, мама села рядом с ним, а я – в фургон возле отца, и мы тронулись.

Дома мама велела разложить мне в большой комнате стол, за которым мы обычно обедаем, когда приходит отец. Алик помог внести отца в дом и уложить на стол. Потом он уехал. Мама велела мне нагреть воду в ведрах. Прилетела из школы Заринка, они с мамой обнялись и зарыдали.

Мама выгнала нас с Зариной из комнаты и сама обмыла тело. Я хотел помочь, но она резко меня оборвала. Я только под-

таскивал к закрытой двери ведра с горячей водой и выплёскивал на улицу таз, который она выставляла.

Примчался Равиль.

– Пошли, выйдем.

Мы вышли на крыльцо. Он зашептал:

– Куда ты полез? Камикадзе. Лётчик, блин, герой Гастелло. Надо было тихо-тихо промолчать. Затаиться, как Ленин в мавзолее. Тихо-тихо всё разузнать. Матушку с сестрой вывезти. Потом кого надо тихо-тихо замочить. И тихо, блин, смыться. Войнушка всё прикроет. Так и батю твоего кончили.

– Кто?! Ты знаешь!

– Ни хрена я не знаю.

– Знаешь!

– За кого ты меня держишь? Кто я по-твоему?! Шорох идёт. И ничего конкретного. Первый день, что ли, здесь живёшь? Бздит народ. Никто вслух не скажет. Так, шуршат разное...

– Кто? Хакбердыев, торгаш, да?

– Слушай, на твоего пахана многие зуб точили...

– Но почему?! Почему? Что он им сделал?!

– Андрюха, уезжать надо. Всё равно вам теперь в Ватане не жить. Рвите когти и побыстрее. В темпе.

– Хрен им в...!

– Псих! Замочат же. Думаешь, только тебя? Всех троих порешат, и ни одна собака кругом не пикнет.

– Некуда, Равиль. Некуда. И денег ни копя.

Он – кулаком о перила:

– Вот блин! – Потёр лицо ладонями. – Андрюха, я у Хакбердыева аванс попрошу. Ты не приходи. Вообще, сиди дома, как мышка. Похороните и втихаря слиняете.

– Я матушке ещё ничего не говорил. Она не знает.

– Тебя, дурака, не жалко. Матушку твою и сестру жаль. Распустил язык... Да им по барабану – что в Душанбе жалуйся, что в Москву, что в Париж. Но они не прощают. У нас тут звери и за меньшее убивали.

Опять – они. Знает он, татарин ушлый, знает!

– Равиль, как брата прошу, кто?

– Хорош геройствовать. О матери, о матери думай... Ну, ладно, Андрюха, держись. Прорвёмся. Если что, кликни – я тут

же... Сейчас бежать надо, извини. Завтра с утра – я у тебя. Как штык. Отпросимся с Карлом у кровососа... Не отпустит – долбись он конём, сами уйдём.

Обнял меня, лбом ко лбу прислонился и убыл. Я не в обиде. Знаю, остался бы, если б мог.

Наконец мама выложила в коридор груды мокрых простыней и поставила пустые вёдра. Когда она позвала нас, отец лежал на столе со сложенными на груди руками, одетый в териленовый костюм, который обычно висит у нас в шифоньере. Воротник рубашки был поднят и уголки зашпилены булавкой, чтобы скрыть рубец на шее. Стол накрыт нашей лучшей – праздничной – скатертью. Не представляю, как мама одна управилась.

Она сидела, низко склонившись, в изголовье.

– Дети, вы, наверное, проголодались. Зарина, приготовь для вас что-нибудь, – сказала, не поднимая головы.

– Мам, мы не хотим, – Зарина подошла к маме и крепко обняла её.

– Андрюша, поставь стулья для себя и Зарины, – сказала мама. – И принеси с кухни свечей.

Я поставил два стула. Зарина присела на краешек.

Входная дверь – раскрыта настежь. Заходили поглядеть соседские женщины. Пару раз я выходил на крыльцо и видел, что какие-то незнакомые парни слоняются вокруг нашего дома. Один бес заглянул из коридора в комнату, где мы сидели у стола.

– Чего надо? – спросил я грубо.

Он покосился злобно, но молча ушёл.

Потом дядя Вася привёз громадный гроб, обитый черным сатином. Они с Аликом внесли сначала домовину, потом крышку. На крышке – крест из белых матерчатых полос. Мама сухо спросила:

– А крест зачем?

– Так вы ж, вроде, эт самое... по-нашему будете погребать...

Мама глянула на него как-то странно и отрезала:

– Нет, не по-нашему.

Дядя Вася озадачился:

– И то правда. Покойник-то не крещённый. Мне бы раньше сообразить... Так что ж теперь? Снимать? А то, может, оставим? Хоть и не нашей веры, а всё же... На всякий случай.

– Какая теперь разница, – сказала мама. – Если хотите, оставьте.

Дядя Вася обрадовался:

– Так-то оно лучше. Всё на том свете полегче придётся. Может, его там за своего примут, если с крестом. Глядишь, там с ним и встретитесь...

– Нет, – сказала мама. – Теперь уже никогда.

Я знал, о чём она думает. Подслушал однажды её разговор с отцом. “Глупости! Ты врач, образованный человек... Откуда у тебя эти варварские идеи?”. “Э-э, Вера, наука ещё не всё знает”. Мама сказала: “Девяносто процентов воды и пригоршня химических элементов. Вода испаряется, остальное переходит к червячкам, травам и прочим микроорганизмам. Остаётся только одно – память о человеке. Пока его хоть кто-нибудь помнит. И всё. Извини, дорогой, но, как ни печально, у меня нет для тебя другой реальности”. “У бога, наверное, есть, если он есть”, – сказал отец, на том они и закончили, заговорили о чём-то ином...

Мы, дядя Вася, Алик и я, установили гроб на две табуретки, перенесли в него отца и водрузили на стол. Они уехали. Начало темнеть. Я закрыл входную дверь и задвинул засов. Хотел зажечь свет, но мама сказала: не надо. Лампочку она оставила только в коридоре, а большую комнату освещали четыре свечи на столе, по две с каждой стороны гроба. В темноте они казались очень яркими. Мы сидели у стола. Вдруг погасла светлая полоса, которая падала в комнату из коридора.

– Так я и знала. Опять отключили электричество, – мама загасила две свечи. – До утра, наверное, не хватит...

Я подошёл к наглухо закупоренному окну. Мама сказала, что нельзя, чтоб сквозняк, от сквозняка лицо темнеет. У соседей светились окна. Значит, не во всём посёлке отключили, а у нас какая-то сволочь отрезала... И вдруг к стеклу, с той стороны, прилипли три расплывчатые рожи. Кто-то со двора к нам заглядывал. Уверен, те же бесы, что днём кружили вокруг. Лиц не различить. Да я их всех и не запомнил – только того, что совался в комнату. Я опустил шторы. Они погалдели и затихли. Ушли?

Я тайком принёс из кухни топор и незаметно пристроил возле ножи моего стола.

Мама вдруг начала напевно, но как-то нерешительно:

Закатилось ясно солнышко,
Догорели светлы звёздочки,
Провожая твою душеньку
В дальний путь за темну реченьку...

Потом громче. Уверенно и будто забывшись:

Пусть идёт она по бережку,
Переходит вброд по камешкам,
Пусть плывёт чрез воды чистые
На заветную ту сторону.

Она его провожала. Я не знал, как проститься. Не верил, что больше с ним не увижусь. Гроб мы зароем, а потом когда-нибудь, не сегодня, не завтра, а когда-нибудь потом, я увижу на улице, как идёт он в отглаженной рубаше и начищенных до блеска туфлях, словно только что вышел из операционной, и может быть, тогда нам удастся с ним наконец поговорить. И я смогу всё ему сказать...

Там забудешь муку смертную,
Позабудешь здесь оставшихся...

Мама вздохнула:

– Ах, глупости всё это...

Мы сидели, молчали, я прислушивался, но за окнами пока было тихо.

– Идите, поспите немного, – сказала мама. – Завтра трудный день.

– Мам, мы не хотим, – сказала Заринка. – Я с тобой посижу.

– Иди, иди... Ты совсем измучена. И ещё... мне хочется побыть с ним наедине. Поспи часок, потом придёшь.

Зарина молча кивнула мне, мы зажгли свечу и вышли на кухню.

– Папа любил здесь сидеть, – сказала Зарина. – Мама, когда он приходил, всегда в большой комнате накрывала. А ему здесь нравилось...

– Откуда ты знаешь?

– Он мне сам сказал.

– Конечно! Ты же его любимица! “Ай, Зариночка-джон, дух-тараки ман”. С тобой-то он разговаривал...

– Как тебе не стыдно! Он тебя любил. И его все любили...

Как же! Всеобщий любимец! Я-то видел – матушка приводила в больницу, когда мы болели, – как вокруг него вьются медсестрички. “Ах, Умар Мирбобоевич!”. “Да, Умар Мирбобоевич!”. Даже мне перепало: “Ах, Андрюшечка, ах, Умара Мирбобоевича сынок. Ах, какой симпатичный – весь в папочку”. На матушку, понятно, – ноль внимания. Будто её и нет. Он и жил-то отдельно от нас, в своей квартире. В двухэтажках. Кочевал – то от нас к себе, то от себя к нам. Когда он у нас не ночевал, матушка нам объясняла: “Срочная операция. Ночное дежурство”. Это я уже потом стал догадываться, что за ночные дежурства. Иногда, конечно, на самом деле дежурил. Не знаю, почему он нас не бросил. Всё же верным был. Как-то в нём сочетались ветреность и постоянство. Да и второй такой русской женщины, как наша матушка, в Ватане днём с огнём не найдёшь...

Я сказал:

– Да, точняк, любили! Залюбили до смерти.

– Уважали и любили. По-настоящему... А ты... Почему ты так говоришь? Будто папу осуждаешь.

– Мы же о нём ничего не знаем.

– Это ты не знаешь! Я всё знаю.

– Расскажи тогда, почему... Ты про дружков-то его хоть слышала, с кем он дружбу водил? Со свиньями жирными, с прокурорами, торгашами... Какие у него с ними были дела? Расскажи! Ты же всё знаешь! Или, может, он с чьей-нибудь женой...

– Дурак! – крикнула Зарина. – Не смей так говорить о папе! Вскочила и ушла. Заперлась в своей комнате.

Я вернулся к отцу и вновь погрузился в темноту и неподвижное время. Времени не было. Время – это яркое пламя свечи, неподвижно тянущееся вверх в чёрном неподвижном воздухе. Свеча – как прямой ствол какого-то мертвенного растения, на верхушке которого – один-единственный огненный листок, вытянувшийся вверх в чёрном неподвижном воздухе. Ствол убывает, будто опускается, уходит в крышку стола, истекает струйками парафиновой застывающей смолы.

Свечи догорели. Я зажёл две новые, и тут услышал, что к нашему дому подъезжает машина. Грузовик. Остановился. Хлопнули дверцы. Голоса. Потом в дверь громко постучали.

Началось!

Мама подняла голову, проговорила устало, рассеяно:

– Открой, Андрюша.

– Мама, подожди! Я должен тебе рассказать...

– Потом, потом... Иди и узнай, кто там.

– Мамоchка, не надо! Понимаешь, сегодня, когда... Ну, когда я туда приехал...

– Андрей, не время сейчас. Ты же слышишь...

Постучали опять. Она нетерпеливо встала.

– Я сама открою.

Мама взяла свечу и, прикрывая ладонью пламя, чтоб не погасло на ходу, двинулась на стук.

– Мама, не отпирай!

Я схватил топор, выскочил в коридор прежде неё и заслонил дорогу.

– Это пришли... за нами...

– Почему за нами? К нам.

В дверь опять постучали. Громче и настойчивей.

Я крикнул:

– Нас убить!

– Андрюшенька, я понимаю... На тебя такое свалилось. На всех нас... Теперь тебе чудятся всякие страхи...

– Мама, выслушай же меня!

Стук. Ещё! Пока только стучат. Потом дверь начнут ломать.

– Отойди, Андрей, – сказала она строго. – Там ждут.

Я выкрикнул:

– Кто ждёт?! Да ты знаешь, кто?!

– Милиция... Телеграмма...

Она протянула руку, чтобы отодвинуть меня и пройти. Я упёрся.

– Андрей! Господи, да что с ним творится?

Гневно и раздельно:

– Сей-час же про-пусти! Драться с тобой прикажешь?

Я понял: она не отступится. И слушать не станет.

– А ну-ка марш с дороги!

Ненавижу! Ненавижу это слово. А ну-ка марш спать... А ну-ка марш мыть руки... А ну-ка марш делать уроки... Всю жизнь только одно и слышу: марш, марш, марш... Я что, солдат? Я что, кукла, чтоб она меня дёргала за верёвочки? И всё равно: дёрнет – я делаю. Как собачка Павлова. Да гори оно всё огнём! Марш, да?! Так точно! Слушаюсь! Служу Советскому Союзу! Назло врагам, на счастье маме... Я зло и чётко развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Андрюшка, не открывай! – крикнула сзади Заринка.

Всё равно ничего не изменишь. Прятаться бесполезно. Пождут дом. Вышибут дверь. Выбьют окна. Лучше сразу. Лицом к лицу. Заслоню. Положу, сколько смогу, а там... Я шагнул к двери. В правой руке – наготове топор. Левой откинул в сторону засов...

– Что ты делаешь! – закричала Зарина.

...и распахнул дверь. На пороге стоял отец.

Меня как током ударило. В голове загудело и затрещало, словно включился мощный трансформатор. Топорище выскользнуло из ладони, и топор глухо стукнул об пол где-то далеко внизу, в подземном мире. Меня бросило к отцу – обнять (я не обнимал его уже много лет – с тех пор, как вырос), но страшная тяжесть удержала на месте. Я не мог шевельнуться. Просто стоял и смотрел на него. Я знал, что он вернётся! Тело, что лежит на столе – позади, за моей спиной, в тёмной комнате со свечами, – это не отец. Кто-то чужой, незнакомый. А сам он – здесь, на крыльце. Живой. Я знал, что только так и должно быть. С самого начала был уверен. Не ждал, что так скоро.

На улице перед нашим домом стоял грузовик и светил фарами в спину отцу. Одет он был в свой лёгкий чапан из бекасаба, который всегда надевал у себя дома. Блестящая ткань светилась узкой полоской по контуру его фигуры, окружая её сияющим ореолом. Лицо – в тени. Но я угадывал черты, знакомые, родные... И лишь одно было чужим и страшным – усы! Откуда у него усы? Когда они успели вырасти? Где-то в стороне возникла мысль, как бы подуманная кем-то другим: у мёртвых продолжают расти волосы... Но почему они выросли так быстро?

Я сказал:

– Папа...

Давным-давно уже не обращаюсь к нему так. Сейчас само вырвалось. Беззвучно. Отец шагнул вперёд и обнял меня. Я закричал. Это был не отец. От отца всегда пахло ароматной туалетной водой и еле уловимым запахом лекарств. Тот, кто крепко обхватил меня, пахнул совсем по-другому. Дымом, молоком, сухим навозом, горными травами, бензином и пылью.

Я рванулся назад и услышал, как сзади мама произнесла нерешительно:

– Джоруб?..

Свеча сзади поднялась и осветила лицо обнимавшего меня человека. Он сказал:

– Вера, Вера-джон...

– Да, Джоруб, – ответила мама. – Да, его нет..

И я понял, кто это. Отцов младший брат. Я его давно уже не видел – тысячу лет он в Ватан не приезжал. На отца совсем не похож. Нет, похож, конечно. Очень сильно похож. Сразу понятно, что родные братья. Короче, не знаю...

Он отпустил меня, я посторонился, он вошёл. Теперь я увидел, что на крыльце стоит какой-то старик. Сухой, невысокий, с белой бородкой, с кучей медалей на груди. Я догадался, что это дед. Я его и не помнил почти.

Дед и Джоруб, войдя в дом, остановились у стола с гробом и заплакали, обнявшись. Плакали легко и свободно, как дети. Всклипывая и утирая слёзы. Обнимаясь, поддерживая друг друга. Затем, Джоруб широким движением схватил меня и притянул к себе. Мне не хотелось, к нему подходить. Я не хотел, чтобы он меня обнимал. Было как-то неприятно после того, как я его за отца принял. Но я вытерпел. Только ждал, когда он, наконец, отпустит. Но вдруг что-то отпустило внутри меня. Я так и не мог заплакать за весь этот день. В их тесном круге я вдруг зарыдал, легко и свободно. Так мы стояли и плакали. Я обнял деда и прижался к нему. Слышал, как он шепчет. Говорит как бы сам с собой. Или с отцом.

– Бедный мой сын. Бедный, бедный. Горестный мой сын. Так красиво началась твоя жизнь. Стал учёным человеком. Лечил людей. Все тебя уважали. И так несчастно закончилась твоя жизнь... – Он словно забыл о нас, стоящих рядом. – Если тебя захотели убить, почему не ударили ножом?

Потом вошёл высокий стройный мужик, горный орёл, и остановился у двери. Шофёр, который их привёз.

– Джоруб, наверное, ехать пора. Путь долгий, днём жарко будет...

Дед, утирая слёзы, сказал по-русски:

– Доченька, надо в дорогу его собрать.

– Я собрала, – сказала мама. – Обмыла, обрядила. И вот гроб...

– Спасибо, доченька, – сказал дед. – Но гроба не надо. Зачем гроб? Закутаем его.

– Шер, ты тоже нам помоги, – сказал Джоруб шофёру.

Мама молча раскрыла дверцу шифоньера и выложила на стул стопку чистого постельного белья. Взяла верхнюю накрахмаленную простыню и начала её разворачивать.

– Как же так? – проговорила она вдруг. – Если без гроба, то на грязном полу?

Она сунула простыню Джорубу и решительно потянула со стены большой ковёр, который отец притащил на новоселье, когда лет десять назад выбил для нас типовой совхозный домик на окраине... Ковёр не поддавался. Мама рванула, сдёрнула грузное полотнище с гвоздей, и оно обрушилось, тяжело складываясь наискось. Полетели с комода на пол вазочки, статуэтки.

– Постелите в кузове.

Шер, горный орёл, подлетел, присел, помог маме скатать ковёр, взвалил его на плечо и вышел, Потом он вернулся, и мы все – мама и Зарина тоже, – накренили гроб, и как муравьи тяжёлую личинку, приподняли отца, переложили на простыню, расстеленную рядом, и укутали с головы до ног.

Никогда не думал, что выносить мёртвых – это тоже работа. Что-то, вроде перетаскивания вещей при переезде. Также сноровка нужна, тоже кто-то распоряжается, как тащить, куда нести и где класть или ставить.

Мама с Зариной потянулись было к длинному белому свёртку, лежащему на столе.

– Женщинам нельзя, – застенчиво распорядился дед. – Только мужчинам разрешено.

Подняли вчетвером – дед, хоть и старый, тоже помогал.

– Вы не так несёте! – вскрикнула мама. – Надо ногами. Ногами вперёд.

Я приостановился было, но дед сказал:

– Человек, когда рождается, выходит из утробы головой вперёд. И когда умирает, из дома должен выходить так же – вперёд головой.

Мы пронесли отца через дверь навстречу ослепительно сияющим фарам. Мама с Зариной шли следом. Потом мы уложили отца на ковёр, на пол кузова, и все встали у откинутого заднего борта, глядя на белеющий в темноте кокон. Потом отошли, я помог Шеру поднять борт. Вот и всё. Отец уезжает от меня. Навсегда.

Только что нас было много, и кипела какая-то работа, похожая на переезд в новое жильё, и все были заняты делом, и вдруг всё остановилось, всё кончилось, и делать уже было больше нечего, наступила внезапная тишина, сейчас они уедут, а мы останемся одни на тёмной улице, в тёмном опустевшем доме. Я внезапно понял, что с их приездом почувствовал: мы в безопасности, а теперь это временное чувство разом улетучилось, и я спиной ощутил взгляды следивших за нами из темноты врагов. Может быть, они бросятся на нас, едва отъедет машина, а мы не успеем даже вбежать в дом. Мама ни за что не побежит, она ни о чём не подозревает.

– Ну что ж, Джоруб, поезжайте с богом, – сказала она. – Может быть, даже и хорошо, что вы его забираете. Наверное, так лучше...

Он протянул ей руку, прощаясь.

– Эх, Вера...

Шер перебил его:

– Джоруб, видишь, те стоят? Вы в дом вошли, они к машине подошли. Один на подножку запрыгнул. “Что, братан? Откуда приехал?”. Я сказал. Он говорит: “Ладно. К вам, кишлячным, претензий нет. Берите, уезжайте быстрее. Мы сами разберёмся”. Я ничего не знал тогда. Не знал, что покойного Умара убили, спросил: “В чём разбираться? Человек умер, значит, так Бог захотел”. Он говорит: “С этими русскими разберёмся”. Что, Джоруб, делать будем? Их много.

Джоруб оглянулся.

– Вера, зайдём в дом. – Водителю: – Шер, посиди. Если что, крикни...

Горный орёл открыл дверцу, пошарил под сиденьем и вытащил кривую заводную ручку.

– Здесь постою. Посмотрю, чтобы сзади в кузов не забрались...

Мы все – наша семья и дед с Джорубом – вошли в дом. Пол в тёмной большой комнате пересекала световая полоса от фар, бьющих с улицы прямо в коридор. Холщевая завеса на дверце шифоньера сорвалась, повисла на кончике, и зеркало в полутьме мерцало призрачным светом, как волшебная дверь.

Мама подняла опрокинутый стул, спросила устало:

– Ну что там ещё?.. Джоруб, что тебе сказал водитель? – таджикского-то она не знает.

Джоруб замаялся – сам ещё толком не понимал обстановку. Тогда я сказал:

– Мама, я объясню... – и выложил всё как было.

– Уезжать надо, – сказал Джоруб. – С нами. В кишлаке не останутся.

Я думал, мама откажется, но Джоруб с дедом её уговорили. Она совсем растерялась. Вещи мы собрали быстро. Нищему одеться, только подпоясаться.

– Много не берите, – сказал Джоруб. – Дома всё есть.

Вышли на крыльцо, таща сумки. Мама и Зарина – в чёрном, в чёрных платочках.

– Запри, Андрюша, – сказала мама, протягивая мне ключи.

Я запер входную дверь пустого дома. Опустевшей утробы.

Мама с дедом сели в кабину. Зарина, я и Джоруб опустились на пол у передней стенки кузова, в головах белого кокона. Грузовик сдал назад, мазнул светом фар по кучке бесов, издали следивших за нашим бегством, и поплыл по тёмным улицам Ватана, по Карла Маркса, по Колхозной, Резо Резоева, Розы Люксембург, по Чорчинор и выехал на мост через Ак-Су. От моста дорога пошла на подъём. Ватан развернулся передо мной от края до края, тёмное смутное пространство, кое-где обозначенное тусклыми огоньками. Я покидал его без радости и без сожаления. Я вообще перестал что-либо чувствовать. Ни о чём не ду-

мал. Будто спал наяву. Мне чудилось, что и я, как покойник, вместе с отцом уплываю во тьму вперёд головой, спиной вперёд...

Не знаю, сколько прошло времени. Несколько раз нас оставляли, какие-то люди с оружием заглядывали в кузов, вскарабкавшись на борт, светили фонариками, о чём-то спрашивали... Я не вникал и не интересовался, кто... Боевики, погранцы – какая мне разница? Джоруб прыгивал на землю, дед выходил из кабины, о чём-то толковали с военными... Пусть разбираются сами... Потом встречный ветер похолодел, небо начало светлеть, обрисовались две гряды вершин по обе стороны дороги, и вскоре можно было уже различить реку – далеко внизу, слева, под обрывом.

Начала болеть голова. Подташнивало. Я знал, что это называется тутак, горная болезнь. Но мне было всё равно.

– Замёрз, Андрюшка? – спросила Зарина и обняла меня, чтобы согреть.

Глава II

Зарина

В полусне мне чудилось, что папа пришёл к нам домой. Он живой, весёлый, но почему-то очень странно одет. В белую ночную рубашку. Длинную, до пят, накрахмаленную и отглаженную...

Сквозь дрему я услышала, как дядя Джоруб сказал:

– Талхак.

Он смотрел вперёд, стоя во весь рост и держась за передний борт кузова. Я вскочила на ноги, примостилась с ним рядом и увидела, что уже светло, и мы въезжаем в широкое ущелье. После дороги, стиснутой скалами, оно показалось мне очень просторным. Горы раздвинулись. Солнце ярко освещало левый склон. Верх его был крутым, почти отвесным, а низ широкими ступенями спускался к реке на дне ущелья, и там, на пологом откосе, среди нежно-зелёных прозрачных деревьев и крохотных распаханых полей теснились домики с плоскими крышами... Правый склон ущелья оставался серым и холодным. У его подножия, на другой стороне реки, смутно виднелись дворы и домики. Утрен-

няя тень делила кишлак вдоль по реке на две половины – светлую и тёмную.

Солнечная сторона выглядела как волшебное селение из сказки. Я с детства воображала, как здесь побываю. Забиралась к папе на колени: “Папочка, а когда мы поедем в Талхак?”.

Он смеялся и гладил меня по голове: “Станешь большая – повезу тебя в Талхак, всем покажу, какая у меня дочка”.

Он по-русски чисто говорил, только с небольшим акцентом. Мне это ужасно нравилось и казалось очень милым. Никто на свете не умеет говорить как мой папа. Я всё спрашивала его:

“Ну когда же поедем? Когда?”.

А потом мама однажды строго приказала:

“Не приставай к отцу с такими просьбами”.

“Ну почему?! Мне так туда хочется...”.

“Он занят на работе. У него нет ни минутки свободной”.

Мама всегда нам так говорила. Особенно, когда папа вдруг куда-то пропадал и долго не приходил. А потом однажды мы с Андрюшкой случайно узнали, что у папы в кишлаке есть другая семья. Значит, у нас есть сестрички и братишки! Папины дети. Другие дети. Я часто пыталась представить, какие они. Сможем ли мы с ними подружиться? Мне ужасно хотелось, чтобы папа про них рассказал. Но ни разу не попросила. Хоть и несмыслёныш, а чувствовала: маму обидит, что папа будет о них рассказывать. Почему? Что в этом обидного? Когда была маленькой, не понимала. Теперь, кажется, понимаю. Я ведь тоже одно время ревновала папу к этим незнакомым мне детям. А потом начала их жалеть. К нам-то с Андрюшкой папа приходил часто, а они видели его раз в год. Как они, наверное, по нему скучали... Теперь я о нём тоскую. Так, что сердце разрывается... Я не заплакала. Это ледяной ветер бил в лицо и вышибал из глаз слёзы.

А тут ещё Шер, наш шофёр, добавил – загудел во всю мочь. Хотел людей в кишлаке предупредить, что мы приехали, а вышло, словно грузовик завыл от горя. Так с рёвом и воем мы промчались по мосту через речку и остановились на площади – вернее, площадке – перед небольшим зданием из грубого камня с куполом на плоской крыше. Видимо, это была мечеть.

Нас встретили несколько человек. Они, наверное, ждали, когда привезут нашего папу... Откинули задний борт кузова. Мы

– дядя Джоруб, Андрюшка и я – спрыгнули на землю, а мама с дедушкой вышли из кабины. Здешние люди стали подходить к дедушке и дяде Джорубу и обнимать их. Многие плакали. Похоже, папу здесь любили. Они и Андрея затащили в свой круг и тоже его обнимали.

Мы с мамой стояли в сторонке. Мама крепко меня обхватила:

– Ты совсем ледяная.

Я действительно вся дрожала. Не знаю лишь, от холода или от волнения. Потом стали подходить ещё люди, одни только мужчины, и вскоре собралась небольшая толпа. Один – маленький, тощий, хромоногий и весь какой-то чёрный – особенно суетился:

– Носилки надо, носилки... Без носилок не донесём. Улица узкая, неудобно... И покойник, наверное, ещё не закоченел...

Мне стало обидно, что про папу говорят, словно про какой-то груз, но за него вступился высокий, широкоплечий старик с большой белой бородой. Я с первого взгляда его приметил – ну прямо Илья Муромец! Вот он и проговорил степенно:

– Гостя в дом на носилках не несут. На носилках его выносят.

И все с ним согласились:

– Почтенный Додихудо верно сказал.

А чёрный обиделся, скривился и пробормотал, словно про себя, но так, чтоб услышали:

– Этого гостя из города привезли. Ему, наверное, уже всё равно...

Все деликатно сделали вид, что не слышали. Несколько мужчин залезли в кузов, подняли папу и передали стоявшим внизу, а те целой гурьбой – человек, наверное, десять – подняли на плечи и побежали по извилистой улочке, круто идущей вверх. Мы подхватили сумки и поспешили за толпой. Потом я оглянулась и увидела, что дедушка сильно отстал от нас. Ему было трудно идти на подъём. Я остановилась и подождала его. Мы шли по узкому проходу между низкими заборами, сложенными из камня, и молчали. Что тут скажешь? Бедный, бедный папочка...

Когда мы, наконец, подошли к папиному дому – бывшему

его дому! – дверь в заборе была распахнута, а возле, на улочке, толпились люди. Они расступились, и мы с дедушкой вошли во двор. Там тоже стояли люди, молча. Никто из них, пока мы шли к дому, даже не кивнул дедушке. Будто не видели его. На похоронах нельзя здороваться...

Я бросила сумку на глиняном полу веранды... Ну, не совсем веранды – не знаю, как точно назвать по-русски: перед домом, во всю его ширину, тянулся навес на столбах – по-таджикски пешток. Мы с дедушкой там разулись...

Папа лежал на полу в низкой полутёмной комнате, освещённой глиняными светильниками. Два огонька – справа, на крышке буфета. Два огонька – слева, на подоконнике маленького окошка. Мебели почти никакой. Буфет с парадной посудой да пара сундуков. На сундуках – высокие стопки красных ватных одеял. Ни стола, ни стульев. Пол застлан ковром. Посередине – папочка, завёрнутый в белое. Люди, сидевшие вокруг, тихо плакали. Я глазами нашла среди них Андрюшку. Рядом с дядей Джорубом. Мама сидела в полутьме с другими женщинами, справа у стены.

Дедушка вошёл, но никто не поднялся. Это похоронный обычай – не вставать, когда входит кто-то, даже старший. Один из мужчин отодвинулся в сторону, чтобы дедушка мог сесть возле папы. Дедушка тяжело опустился на войлочный палас и тут же обнял Андрюшку. Похоже, Андрей ему папу напоминает. А я пробралась к маме. Она подняла на меня измученный взгляд и молча кивнула. Женщина в синем платье, сидевшая рядом с мамой, встала, и я сразу догадалась, кто она. Папина другая жена! Я её такой себе и представляла. Настоящая царица. Высокая, стройная. Светильник освещал её лицо, которое показалось мне очень красивым. Прямой нос с горбинкой, большие глаза, брови дугой... Она обняла меня.

– Бедная девочка, сирота...

Потом мы сели. Я примостилась между мамой и этой ласковой царицей. Затем в дверь заглянул какой-то человек и негромко сказал:

– Выносите гостя. Обмывальщики пришли.

Дядя Джоруб встал на ноги, за ним поднялись все остальные. Мужчины – и Андрей тоже – подняли нашего папу, закутанного в простыню, и унесли. Женщины зарыдали в голос. Я хоте-

ла встать и пойти за папой, но одна тётка, сидевшая сзади, прошептала, всхлипывая:

– Нельзя, доченька... Женщинам запрещено смотреть, как мужчину обмывают.

Мама взяла меня за руку. А та же задняя тётенька – тихонько:

– Доченька, скажи своей маме... Если хочет, то, может быть, платок снимет...

Я шёпотом перевела мамочке её слова.

– Зачем? – спросила мама и потуже затянула узел своей чёрной косынки.

Все женщины в комнате были покрыты платками. Все, кроме здешней папиной жены. У неё и длинные чёрные волосы были распущены. Мама огляделась вокруг и, кажется, сама поняла. Она пожала плечами и сняла косынку. Тётушка, сидевшая позади, опять прошептала – теперь уже маме:

– Невестка, может, волосы захотите распустить?

Я перевела.

– Ах, меня, кажется, принимают в клуб законных вдов, – проговорила мама, но принялась вытаскивать заколки из тугого узла своих льняных волос, которыми я всегда люблюсь.

Потом нас позвали. Я увидела, что перед домом лежит штурковина, на вид похожая на грубо сколоченную лестницу, приподнятую над землёй на невысоких подставках. Это были погребальные носилки, и на них укладывали папу, обряженного в белый саван. Его лицо было по-прежнему закрыто.

Тётя Бахшанда сошла с веранды и медленно двинулась к носилкам. Я не могла оторвать от неё взгляда. Мне сначала даже казалось, что она ничуть не горюет, а просто идёт посмотреть на то, что лежит на носилках, как если бы ей принесли... ну, не знаю... ну, как если бы во двор притащили мешок муки... Неужели, она совсем не любила нашего папу?

И вдруг она будто ожила и заголосила:

О, дом мой, дом мой! Дом мой, разрушенный дом...

Я уже видела недавно... У нас в Ватане: так причитала одна женщина, у которой умер муж. Тогда я даже представить не мог-

ла: скоро, очень скоро кто-то завопит это древнее причитание над моим папой, а наш дом будет разрушен...

О, дом мой, дом мой, без крыши четыре стены.
Царь мой ушёл, остался дутор без струны,
Кувшин без воды, душа без тела.
Дом мой, дом мой, дом опустелый.

Тётя Бахшанда била себя в грудь и царапала лицо:

Гости пришли, не встанешь, не скажешь: «Салом»,
Заждался тебя твой конь под седлом,
Твоя чаша средь лета покрылась льдом.
Дом мой, дом мой, разрушенный дом.

Она причитала так яростно и отчаянно, что у меня побежали по коже мурашки и навернулись на глаза слёзы. Потом человек в белой чалме – видимо, мулло – оглядел двор и сказал:

– Сын... Пусть сын тоже понесёт.

Андрюшка, мрачный, поднялся из угла, где сидел, опустив голову на колени, и подошёл к носилкам. Вместе с другими мужчинами – и дядей Джорубом тоже – понёс на плечах нашего папу. Мулло пошёл впереди. Какая-то девочка побежала следом. Мы, женщины, остались во дворе. Все чего-то ждали...

Наконец девчонки, стоящие на плоской крыше дома, закричали:

– Мулло джанозу читает!

Мне позже объяснили, что одну из моих сводных сестриц послали на пригорок, с которого открывается вид и на дом, и на кладбище, чтобы она подала знак, когда начнётся заупокойная молитва. Все женщины во дворе присели на корточки и забормotalи отходную по моему папе.

А потом закипела бурная деятельность – подготовка к поминкам. Но не в нашем дворе, а в соседском.

– В доме, где покойник лежал, нельзя еду готовить.

– Еда нечистой делается. Осквернится.

Меня обидело, что они так говорят. Словно папа, пусть даже мёртвый, – какой-то заразный. Но я понимала... Это как если бы

он заболел какой-нибудь опасной болезнью. И хоть мы его сильно любим, а всё равно боялись бы инфекции... Понимала, но было обидно. Хотелось остаться одной, но меня никто никуда и не тащил. Мама ушла вместе со всеми, а я прошла через дом на задний двор, где тупо уставилась на овец в загоне. Они были живыми, и я опять заплакала. А потом побрела к соседям. По улице мне навстречу какой-то дядька тащил на верёвке маленькую тощую корову.

– Эй, девушка, позови свою старшую мать.

Это он про тётю Бахшанду! Она, конечно, замечательная, я полюбила её с первого взгляда, но чтоб назвать мамой... Никогда! Я сказала сердито:

– Мама у меня только одна. Нет ни старшей, ни младшей.

Дядька сказал по-русски:

– Эх, девочка, теперь не в городе живёшь. Здесь у нас немного по-другому. Тебе потихоньку привыкать надо.

– У вас тут что... – я замялась и вдруг ляпнула словно пионерка (не нашла слов, чтобы по-другому спросить про то, что имела в виду): – У вас тут что, разве не советская власть?

Дядька вздохнул:

– Не знаю, что тебе сказать. Наверное, уже не советская... Россия от нас ушла, и советская власть пропала. Теперь не знаю, в каком веке живём.

Он еще раз вздохнул:

– Вообще-то Зухуршо теперь власть.

Из вежливости я спросила:

– Кто это?

– Э, девочка, в голову не бери. Тебе зачем знать?

А я и не брала. Я и про наше-то районное начальство толком не знала, кто из них кто. Я и Ватане-то не знала, кто там среди них начальство. А здесь мне и подавно не интересно, что за Зухуршо такой. Меня это не касается.

Я отправилась искать тётю Бахшанду. Не нашла, зато наткнулась на ту женщину с неприметным добрым лицом, что посоветовала маме распусть волосы.

– Там корову привели...

– Иди, дочка, скажи, чтоб на задний двор отвели.

Я заколебалась.

- Может, лучше... у тётки Бахшанды спросить...
- Не стоит её утруждать. Мы с тобой и сами решим.
- Да? А вы...
- Я жена твоего дяди. Дильбар меня зовут.

Стало немного проясняться, кто здесь кто. Возможно, и коровий дяденька – тоже из наших.

– А этот человек с коровой? Такой статный, лихой, с усами...

В это время я увидела, что лихой и усатый, не дождавшись указаний, заводит коровёнку во двор.

– Нет, он нам не родня, – сказала тётка Дильбар. – Это Гиёз, парторг.

Он же сам бурёнку зарезал и разделал. Мясо сварили с лапшей в огромном закопчённом котле, и мы до ночи таскали в наш двор деревянные блюда с “похлёбкой смерти”, как здесь называют поминальную еду. Поминавшие сидели на разостланных на земле паласах и кошмах, и накормили мы, наверное, весь кишлак.

Умаялись до смерти. Спать нас с мамой уложили в маленькой каморке в пристройке на заднем дворе. Кажется, это было что-то, вроде кладовой. Бросили на земляной пол палас, а на него – тонкие матрасики, курпачи, и одеяла. Мы упали на них, но долго не могли уснуть...

Утром, когда мама ещё спала, я вышла во двор и увидела в дверях курятника тётку Бахшанду с рыжим петухом в руках. Разлетелась к ней, воскликнула радостно:

– Доброе утро, тётушка!

Она холодно глянула на меня, молча кивнула и пошла мимо. Я сначала оторопела, а потом выругала себя: человек от горя не отошёл, а ты лезешь к нему с радостными приветствиями. Потом подумала: а у меня, разве, не горе?! Может, я обращением её обидела? А как её называть?.. Тётушка – так и к родным тёткам, и к любимым вообще старшим женщинам обращаются. А она мне кто? Если по-русски, то мачеха. Но ведь мачеха – это когда мамы нет. А на таджикский лад? Нет, так я тоже не хочу! Выходит, что с какой стороны ни посмотри, Бахшанда – мне чужая. Но я-то помню, как вчера, при первой встрече она меня приласкала. Со-

всем как родная... И всё же обидно. Придётся вести себя по-сдержаннее...

Она остановилась, сунула мне петуха и приказала сухо:

– Идём.

Я поплелась за ней. На переднем дворе нас ждала небольшая компания – тётя Дильбар и две соседки, которые вчера особенно хлопотали на поминках. Одна – полная тётенька в коричневом платье – была похожа на большую кубышку из тёмной глины с круглыми боками. Я про себя сразу так и стала её называть – тётушка Кубышка. Другая – низенькая, пышная, белая. На вид – точь-в-точь мягкая лепёшечка из сдобного теста. Тётушка Лепёшка.

Тётя Бахшанда приказала мне:

– Позови брата.

Андрей ночевал в пристройке для гостей, мехмонхоне, стоявшей здесь же, во дворе. Прижимая к себе петуха, я постучала в дверь. Братец выглянул мрачный, встрёпанный...

– Эй, парень, иди сюда. Отрубишь петуху голову, – крикнула ему тётя Бахшанда.

Он буркнул:

– Сами рубите.

Тётя Бахшанда бровь заломила, но объяснила сквозь зубы:

– Женщинам убивать запрещено. Твой дядя ушёл, в доме – одни женщины. А ты... всё же мужского полу.

– Убивать не стану!

И захлопнул дверь. Бедный Андрей! Никак не может с собой совладать. Ходит мрачнее тучи, на всех огрызается. Будто он один на всём свете страдает. Я поспешила на его защиту.

– Брат очень переживает...

Соседки тактично потупились – показывали тёте Бахшанде, что не заметили, как Андрюшка ей нагрубил. Тётушка Кубышка сказала:

– Дом надо очистить.

– Надо в нём кровь пролить, чтобы от скверны смерти избавиться, – добавила тётушка Лепёшка.

– Если обряды не соблюсти, покойник вредить будет, – сообщила тётушка Кубышка.

Тётя Дильбар ничего не сказала и куда-то ушла. Тётя Бахшанда грозно молчала.

– Подождём, пока дядя Джоруб вернётся, – предложила я.
– Давай-ка, девочка, свяжем петуху ноги, – сказала тётушка Кубышка. – Наверное, сестрица Дильбар сделает мужскую работу.

Пришлось мне держать бедную птицу, а пока мы возились с верёвочкой, вернулась тётя Дильбар с большой морковкой в руке. Рядом с центральным столбом веранды стоял чурбачок, на который положен был топор. Петушья плаха. Тётя Дильбар подошла к чурбачку и задрала до пояса подол своего красного платья. Мне бросилось в глаза, что верх длинных атласных шальвар пошит из грубого серого карбоса. Тётя Дильбар сунула себе в промежность морковку, зажала её между ногами и взяла топор.

– Поддай петуха, доченька.

Я подошла к ней вплотную, прижимая к груди несчастного петела. Тётя Дильбар ухватила затрепыхавшегося петуха и...

Одним словом, отрубила ему голову.

Я теперь, наверное, всякий раз при виде морковки буду вспоминать, как хлопал крыльями, замирая, петух, подвешенный на центральном столбе за связанные ноги, и как дёргался обрубок его шеи и брызгала оттуда чёрная кровь... Но больше всего меня поразило, что тётя Дильбар убивала петуха так деловито и равнодушно, словно дёргала репу из грядки. Бесчувственная она, что ли?

А у меня было смутно на душе. Прежде я уже видела, как убивают животных. Наши соседи в Ватане готовились к свадьбе, и мы, дети, смотрели, как режут барана. Было страшно, но я решила: раз взрослые делают такое, то, наверное... ну, наверное, так надо, что ли... Тогда я о смерти вообще не задумывалась. Теперь только о ней и думаю. Когда папу убили, мне стала отвратительна любая смерть. Петух был такой глупый и беззащитный... Андрюшка хоть грубиян, но молодец, что отказался. А я? Смалодушничала. Пошла у тётушек на поводу. Я мысленно дала себе слово – больше никогда в жизни никому не поддаваться. А то, что папа может нам навредить, – это глупость какая-то. Соседкам простительно – им папа чужой. Но тётя Бахшанда...

Я потом к ней подошла и прямо спросила, верит ли она в эту ерунду. Она неохотно, но всё-таки ответила:

– Покойный, да не передаст ему земля мои слова, мало семьёй интересовался. Не думаю, что его дух будет о нас поминать. Если и навредит, то разве что случайно.

Нет, она папу не любила! Да и с нами почему-то не слишком любезна. Вечером я нечаянно подслушала её разговор с дядей Джорубом.

Мне не хотелось никого видеть. Даже маму или Андрея. Я забралась на плоскую глиняную крышу нашей пристройки, легла на спину и стала смотреть в небо. В Ватане никогда не бывает такого чёрного, глубокого неба и столько звёзд. Крыша была очень холодной. Здесь, в горах, даже днём: на солнце – как в бане, в тени – как в холодильнике. “Крыша одна, погоды две. С этой стороны крыши – холод, с другой – зной”. Это тётя Дильбар сказала. Пословица здешняя.

Я насмерть продрогла, но так было даже лучше – я пыталась представить, что умерла. Каково это быть мёртвым? Потом стала думать о папе. Он сейчас тоже лежит, смотрит вверх невидящими глазами. Только над ним не звёздное небо, а чёрный глухой слой земли. Наверное, земля – это небо мёртвых. Не могу понять, что такое смерть. Она никак не укладывалась у меня в голове. Я никак не могла с ней согласиться. Было очень горько и одиноко.

Внизу, на земле, слышались чьи-то шаги, шуршало сено. Видимо, кто-то бросал корм овцам в загончике. Потом я услышала, как тётя Бахшанда сказала:

– Ако Джоруб, зачем вы этих людей к нам привезли?

Дядя Джоруб вздохнул:

– Нам они родные. Там, в городе, их убить собирались. Кто, кроме нас, детей покойного Умара защитит?

А она:

– Э, ако... Может, вам эта его джалаб приглянулась?

Маму проституткой назвала! Я хотела соскочить с крыши и заорать: “Не смейте говорить такое о моей маме!”. Но хватило ума сдержаться. Подумала: ну, сейчас дядя Джоруб ей выдаст! И вдруг услышала, как он мямлит:

– Не надо так говорить... Вера – хорошая женщина. Теперь, когда жизнь моего брата сломалась, у тебя и причины-то нет с ней враждовать...

А она:

– Дети! Дети – причина. Моим детям придётся с её детьми хлеб делить, которого и так не хватает. Эта джалаб будет мой хлеб есть.

– Не беда, – залопотал дядя Джоруб. – Они работать станут. Ты сама знаешь: много людей – много работников.

А она:

– Работники? Эти русские из города ничего не умеют. – Помолчала и спросила: – Задумали их с нами жить оставить?

– Куда они поедут? Сама, невестка, подумай – война. Они по дороге и десяти километров не проедут. Остановят, ограбят, убьют... Такое сделают, что и говорить страшно. Пусть с нами живут, пока в мире спокойно не станет. А там – как Бог захочет...

Она помолчала, потом сказала резко:

– Верхнее поле. Надо расчистить и распахать. Едоков стало больше, и земли нужно больше. Прежде хватало, покойный деньги присылал. А теперь и вам в совхозе ничего не платят. Покойный ушёл, так что нужно искать, откуда хлеб брать. Я давно о том думала, но рук не хватало. Пусть работают. Только вы, ако, сами ей скажите. Я с ней разговаривать не желаю...

Дядя Джоруб:

– Эх, невестка, не для женщины и подростков эта работа. Для сильных мужиков.

– В этом доме нет ни одного мужика, – отрезала Бахшанда, и я услышала лёгкие решительные шаги. Она ушла.

Лягнула бы она такое моему папе. Уж он бы ей рога обломал! Нет, не зря у дяди Джоруба такое глупое и смешное имя. По-таджикски оно означает просто “веник”. Видимо, у бабушки умирали несколько младенцев подряд, вот и дали новорождённому дядюшке такое имя, чтобы обмануть болезнь. Называют веником, значит, он – не ребёнок, а просто пучок веток, метёлка. К веникам болезнь не цепляется. К ним цепляются злые невестки. Подметают ими как хотят.

Назавтра дядя Джоруб – он же дядя Веник или, ещё лучше, Метёлка – повёл нас на поле. Мы поднялись по тропе в гору и вышли к скале, под которой я увидела площадку, размером с баскетбольную. Ну, может быть, чуть побольше.

– Вот земля, – сказал дядя Метёлка. – Верхнее поле.

И это поле?! Если здесь что и росло, то только камни. Обломки скалы. Маленькие, побольше и очень большие. Настолько было завалено так называемое поле, что и трава пробивалась лишь кое-где.

Дядюшка Метёлка произнёс: “Йо, бисмилло”, нагнулся, поднял большой угловатый камень и уложил его на самом краю баскетбольной площадки. Оказывается, он очень сильный, наш дядюшка... Его даже уважать можно. Ухватил другую глыбу, подтащил и положил рядом с первой. Андрюшка скинул рубашку и тоже принялся за дело. Подключились и мы с мамой...

Теперь понятно, почему здешние поля со всех сторон окружены сложенными из камней заборами. Не очень высокими – едва в половину человеческого роста. Наш-то наверняка получится повыше.

Потом дядя Джоруб ушёл. Мы перекусили лепёшками с водой и продолжали работать. Кучка камней росла. Забор будем выкладывать позже. И я представила, каким он будет. Вот я уже забираюсь Андрею на плечи, чтобы дотянуться и положить камень в верхний ряд. А забор растёт и растёт. И вот он высотой до самого неба. Мы приставляем к нему хлипкие самодельные лестницы и карабкаемся по ним вверх, а камни на поле всё не убывают...

Через несколько дней я поняла, что время измеряется не сутками, часами и минутами, а камнями. Прошла одна куча. Другая. Третья... Славно было, приходя к скале, окидывать взглядом наш каменный календарь. Вот только если б Бахшанда не лютовала! Она маму невзлюбила и придирается ко всякой мелочи. Не туда воду после стирки вылила. Не так села. Не так встала. Перечислять противно. Недавно – не помню точно, в какую именно кучу, – опять завела:

– Вера, ты хоть какое-нибудь дело хорошо сделать умеешь? Опять всё испортила. Сказали верблюду: “Подмигни”, а он огород разорил.

Я вступилась:

– Тётушка, не говорите так с моей мамой.

Она и ухом не повела:

– Ты, Вера, даже дочь не сумела научить, как со старшими разговаривать.

Я сказала:

– Если чем-то недовольны, меня ругайте. Маму не троньте. Она упёрла руки в бока.

– Эге, корова легла, телёнок встал.

Я крикнула:

– И она вам не корова!

Она рукой махнула:

– Ты как твоя мать. Неумелая, невоспитанная...

Дядя Джоруб попытался её урезонить:

– Женщина, оставь девочку в покое. Хоть с детьми не воюй.

Она как с цепи сорвалась:

– Дети?! Что ты про детей знаешь? Если чего не узнал, у своей бесплодной жены спроси. Ты, коровий врач, тысячи коров осеменил... Почему жену осеменить не можешь?

Я думала, дядя Джоруб её убьёт. Побледнел, кулаки сжал, но сдержался, повернулся и ушёл. Она крикнула ему вслед:

– Или эту белую русскую корову оплодотвори. Пусть ещё одного невоспитанного ублюдка родит.

Как хорошо, что мама не понимает по-таджикски.

Глава III

Джоруб

Слышал я – старики рассказывают, – что в древности овцы могли говорить как люди. Пас их святой пророк Ибрагим, а пастбища в те времена были райские – ведь и экология тогда была совсем не такой, как сейчас... Говорят, овцы спустились к людям с небес, так что они – животные из рая. Может быть, так, но они даже райской экологией были недовольны. Хором кричали: “Трава невкусная. Вода солёная”. И святой пророк вёл их в другую долину, а они и там кричали: “Плохо, всё плохо! Найди для нас пастбище получше”. В конце концов, святой Ибрагим устал слушать бесконечные жалобы и в гневе лишил овец дара речи.

Честное слово, иногда сожалею, что язык не отобрали и у женщин. Уши болят от их свар.

Когда я решил увезти Веру с детьми к нам в Талхак, то помыслить не мог, что жены покойного брата начнут меж собой войну. Что им теперь между собой делить? Но как сказал наш великий поэт Валиддин Хирс-зод, соловей Талхака:

Если ревности пламя охватит покорную пери,
Берегитесь той девы и люди, и дикие звери.

Бахшанда покорной не была никогда, а ревнивой – всегда. Прежде с Дильбар воевала за женское главенство в доме. Теперь Вера появилась, началась новая война. Я такое много раз наблюдал, когда в коровье стадо новенькую пускают. Коровы толкаются, трутся боками, пока не выяснят, какое место ей занять. Пастухи не вмешиваются — среди коров партсобрание не проведёшь, им не прикажешь: “Вот эту уважаемую корову к нам из района прислали. Теперь она у вас раисом будет” или “Эта тёлка – дочка одного большого быка, уступите ей хорошее местечко”. Иной раз долго война идёт... Поэтому я в женские розни не встречаю. Женщины сами разберутся. Не зря сказано: ссоры меж родственниками – что весеннее облако.

Но может быть, облака рассеются скорее, чем мы ожидаем. Вчера приходили сваты от Гиёза, парторга. Сам раис за него Бахшанду сватал. Собрались старейшины нашего кауна. Главный – мой отец, но по такому случаю обращались не к нему, а к папаше невесты, старому Бехбуду. Раис произнёс торжественно:

– Время прошло, душа Умара успокоилась, забыла о земных делах. Хотим посватать его вдову, почтенную Бахшанду.

Старый Бехбуд – человек весёлый, слова без шутки не скажет, но ответил серьёзно:

– Согласно шариату следует подождать четыре месяца и десять дней. Надо убедиться, что вдова не ждёт ребёнка.

– Это верно, – согласился раис. – Однако все мы знаем, что покойный Умар целый год отсутствовал. Откуда взяться ребёнку?

– Ваша правда, но закон есть закон.

– Может, мулло даст разрешение, учитывая обстоятельства.

Старый Бехбуд вежливо удивился:

– О каких обстоятельствах говорите? Почему такая спешка?

– Ваша дочь – женщина видная. Хотелось бы заранее договориться...

Опасаются, что кто-нибудь опередит. Смешно! Неужто вдовцы Талхака наперебой бросятся нашу покорную пери сватать?

– Мы бы сейчас с вами условились, а брак заключим потом, когда пройдет положенный срок.

Старый Бехбуд задумался.

– Иншалло. Как Бог захочет.

Не решился обещать. Хоть и дочь, а тоже её побаивается. Будет, как она решит.

Так проходят наши дни. А сегодня утром Ибод, мой племянник, закричал во дворе:

– Дядя Джоруб! Эй, дядя Джоруб!

Я вышел к нему. Ибод стоял в воротах, опершись на длинный посох из дерева иргай, закалённый огнём и отполированный временем. Красавец парень – в младшую мою сестричку. Лицо смуглое, гладкое, солнцем и ветром как пастушьья палка вылощенное. Под глазом – огромный синяк. Я встревожился:

– Что случилось?

– Ничего не случилось. Мы овец пригнали.

Я крикнул:

– Эй, женщина, принеси сумку.

Наедине зову жену по имени, но приличия даже при родном племяннике соблюдать следует. Дильбар вынесла кофр с медикаментами. Ибод сумку перехватил:

– Дайте, дядя, я понесу.

Повесил кофр на шею, мы вышли из кишлака и двинулись вверх по тропе, ведущей к Саробораи-Пушти-Санг, большому летнему пастбищу нашего кишлака. Племянник шёл впереди быстрым размеренным шагом, по пастушьей привычке положив на плечи посох и закинув на него руки.

– С кем подрался?

Он не оборачиваясь:

– Ни с кем.

Не хочет рассказывать – не надо.

– Как шли?

С холодами мы отгоняем овец на зимовку в Дангару, за сотни километров от наших мест, а весной возвращаем обратно. Перегон – дело трудное и для пастухов, и для овец.

– Хорошо шли, дядюшка, – буркнул на ходу Ибод, не оборачиваясь. По голосу слышно, что смущён.

– Сколько потеряли?

– Восемнадцать... Пятнадцать маток. Трёх ягнят.

– Многовато...

– Люди Саидмурода отняли. Встретили за Хабурбадом, десять маток забрали.

– Сколько их было?

– Семеро.

– Дрался с ними?

– Нет. Убили бы. Смеялись, когда угоняли...

Теперь я понял, почему парень мрачен. Стыдно ему. Чувствует себя униженным. Ровесники, такие же, как он, крестьянские парни, обросшие молодой бородой, с оружием, с зелёными повязками на голове отняли овец, перешучиваясь и усмехаясь. И в придачу побили деревенщину.

Значит, война к нам перекечевала. До сих пор в нашей глуши спокойно было. Слишком уж далеко до больших дорог. Но теперь правительство вытеснило оппозицию из центральных районов, и вооружённые отряды и банды отступили на Дарваз. В нашем ущелье Зухуршо расположился со своими людьми.

Если взглянуть с высоты – а прежде, когда самолёты ещё летали с Дарваза в Душанбе, Куляб и Дангару, можно было из кабины маленького чешского самолётика окинуть одним взглядом наши горы и увидеть, что в каменных складках словно бы лежит огромное дерево. Ствол – река Оби-Санг, Каменная вода, текущая по дну длинного каньона Санговар, то есть Каменного ущелья. У её корней, в начале ущелья расположился кишлак по названию Пастак, то есть Нижний. От середины ствола как ветка отходит на запад Талх-дара, Горькое ущелье, по дну которого течёт речка Оби-Талх. Единственный плод украшает эту ветку – селение наше Талхак. На самой вершине дерева, у истоков Каменной воды, притулился кишлак Дехаи-Боло, Верхнее селение. А в стороне, в горах раскинулось пастбище как драгоценный зелёный ковёр.

Когда-то наши предки договорились пользоваться пастбищем сообща и попеременно. Один год паслись стада Талхака, а на следующий – скот Дехаи-Боло. Но потом во времена эмира Музаффера некий богач из верхнего селения силой завладел общей землёй, объявил своей собственностью и даже, говорят, ездил в Бухару, чтобы выправить на неё бумаги.

Звали его Подшокулом, но прозывали Торбой. Рассказывают, что приехал Торба в столицу и – прямо к воротам Арка, эмирского дворца. Начальник караула кричит: “Куда прёшь, деревенщина?!”. Торба приосанился гордо: “Иди и скажи эмиру, что к нему Подшокул из Дехаи-Боло прибыл”. Начальник удивился, послал аскера во дворец с донесением.

Сказка, конечно. Бюрократия тогда была не слабее нынешней. Знающий учёный человек, историк из Душанбе, кандидат наук, говорил, что там, в Бухаре, окно имелось, откуда рука высовывалась, и надо было в эту руку деньги вложить и прошение сунуть. А затем уж шло оно по всем тамошним инстанциям...

Дальше рассказывают, что аскер к воротам вернулся и повёл Торбу во дворец, в палату к самому государю. Эмир Торбу увидел, обрадовался: “Добро пожаловать, дорогой Подшокул. Как живёшь? Как жена? Как дети? Сам здоров ли?”. Почести ему оказал и спросил: “Ну, какое у тебя к нам дело?”. Торба рассказал, эмир задумался: “Сложное дело, очень сложное. Но не беспокойся, мы решим его по всей справедливости. И уж, конечно, такого, как ты, уважаемого человека, нашего верного слугу, не обделить постараемся”.

Торба обрадовался, а эмир тем временем из серебряного чайника в китайскую фарфоровую пиалу чаю налил и Торбе протянул. Торба пиалу принял, к губам поднёс... Что такое?! Раз понюхал, ещё раз понюхал, в третий раз понюхал... Отхлебнуть не решился, и спросить боязно, не лошадиной ли мочей его потчуют. А эмир нахмурился грозно: “Что же не пьёшь? Не по вкусу тебе наше угощение?”.

Торба залебезил: “Вкус отменный, и благоухает как весенний сад. Мы, грубые мужики, такие драгоценные чаи распивать недостойны. Осмелюсь спросить, из каких дальних стран такой замечательный напиток?”.

Нахмурился эмир: “Забыл ты, что писал древний поэт:

Глупец, за чужестранным не гонись,
Ты на своё, родное, оглянись.

Чай этот не из Хитоя, не из Хиндустона привезён, из наших монарших конюшен доставлен, от любимого нашего жеребца”.

У Торбы руки задрожали, драгоценный чай выплеснулся, по парадному чапану потёк. А эмир, то заметив, окончательно разгневался: “Вижу, брезгуешь нашим гостеприимством”. Хлопнул в ладоши, тут же вбежал наукар с саблей. Эмир приказал: “Руби голову этому неблагодарному смерду! Только в сторону его отведи, чтобы наш царский дастархон мужицкой кровью не осквернить”.

Поставили Торбу на колени. Он закричал: “Пощадите! Выпью, выпью этот чай!”. Правда, его односельчане, люди из Дехаи-боло, по-иному передают: Торба, мол, сказал: “Чем опозоренным быть, лучше вообще не жить”.

Так или не так сказал, но эмир подал знак: “Руби”. Палач саблю занёс, Торба в мыслях с жизнью простился, глаза закрыл, и тут ковёр на стене откинулся, и в зал вошёл некий благородный муж в золотом халате, в белой чалме, с большой бородой, а за ним – огромная свита. Оказалось, подшутили над Торбой, послали к нему шута эмирского, одетого по-царски. А сам эмир Музаффар, его военачальники, придворные, улемы и все знатные люди Бухары сидели в соседнем покое и смотрели в щёлку, как Торба пастбище себе добывает.

Говорят, он не только одну пиалу, а целый чайник лошадиной мочи вылакал, и эмир Музаффар так развеселился, что Торбе пастбище отдал. Односельчане Торбы говорят: он пить отказался, эмир за мужество ему пастбище пожаловал и даже чином наградил. Другие говорят: визиром, министром назначил. Мы поэтому их, людей из верхнего кишлака Дехаи-Боло, “визирами”, царскими министрами, зовём, а кишлаку имя Визирон присвоили.

Было - не было, однако Торба пастбищем завладел и стал брать плату с тех, кто пас там свой скот. Только после революции справедливость была восстановлена, пастбище нашему кишлаку в полную собственность отдали. Оно потому и называется Саробораи-Пушти-Санг, что на краю его лежит огромный камень, обломок скалы, обросший чешуйками мха, живого и мёртвого.

Но и сквозь мох проступают загадочные рисунки и знаки, которые выбили наши древние предки. Ныне никто уже не знает, о чём те знаки говорят...

К середине дня мы с Ибодом поднялись к камню. Слева, почти притулившись к нему, стоит домик, сложенный из скальных обломков. Рядом на траве расстелен дастархон, валяются перемётные сумы, не разобранные после дороги. Овцы паслись невдалеке на обширном пологом склоне. На каменном очаге установлен большой котёл, и Гул, пастух, шурует в нём шумовкой. Завидев меня, поспешил навстречу.

– Хорошо, что пришли, муаллим. Неладные дела. Кто-то гонит сюда свою отару. Джав поехал посмотреть, кто такие. Муаллим, что делать будем?

– Пойдём навстречу.

Мы спешно двинулись к верхнему, восточному краю. Потом я увидел, что из-за среза возвышения, ограничивающего пастбище, вылетел всадник. Это был Джав, один из наших чабанов. Подскакав, крикнул, не сходя с лошади:

– Визиронцы идут!

И тут из-за гребня выскочили три собаки. Наши псы молча ринулись к ним. Впереди летел Джангал, огромный алабай-волкодав без ушей и хвоста, за ним – молодой кобель. Наши псы встретились с чужаками, обнюхали взаимно друг друга и разошлись шагов на десять. Каждая стая отступила в сторону своей отары. Будь силы равны, начали бы драться. Но чужаки без драки признали превосходство наших собак. Джангал поднял ногу и помочился. Показал: вот граница моей территории. И сел охранять рубеж. Чужой вожак обозначил свою границу, за ней уселся его отряд.

Мы поравнялись с несущим стражу Джангалом, и в это время на гребне показались фигура человека, за ней – бараны. Отара сползала вниз по пологому склону, как стекает густая патока, если накренишь деревянное блюдо.

Человек, шагавший впереди овечьего гурта, был мне знаком. Ёр, пятидесятилетний мужик, силач, богач, прямой праправнук Подшокула, того самого Торбы. Удивительно, что столь богатый и уважаемый человек шёл с овцами как простой пастух.

– Здравствуй, Ёр, – крикнул я.

– Ва-а-лейкум, – мрачно ответил Ёр и продолжал шагать, пока не остановился прямо передо мной.

– Уйди с дороги.

– Не спеши, Ёр, – сказал я. – Давай поговорим.

– Говорить не о чем. Гони с нашей земли своих баранов. Тех и этих, – он кивнул на нашу отару, а потом на чабанов, стоящих рядом со мной.

– Мы не бараны! – крикнул мой племянник Ибод. – Это вы – навозники, конскую мочу пьёте.

– Уйми щенка, – угрожающе произнёс Ёр.

Тем временем стекающая по откосу отара захлестнула нас, и мы оказались как бы островке среди блеющего потока. Подоспели визиронские чабаны и встали рядом с Ёром. Он вёл с собой целое войско. Был меж ними, как на беду, несчастный Малах, немой от рождения. Говорить он не умел, только мычал. Овцы и собаки хорошо его понимали.

– Это наша земля, не ваша, – сказал я.

– Испокон веков была нашей, – сказал Ёр.

Немой неистово загугукал, размахивая пастушьим посохом. – Эта земля испокон веков наша, – повторил Ёр. – Но когда ваш Саид-камбагал стал ревкомом в Калаи-хумбе, он отнял её у нас и отдал вам, талхакцам. Но нынче, хвала Аллаху, настало наконец-то время справедливости...

Я понял, к чему он клонит. Неделю назад Зухуршо взял в жёны девушку из верхнего селения. Сила теперь на их стороне. Но я не сдавался. Обернулся и указал на нижний край пастбища:

– Ёр, посмотри, где лежит камень. Сам Бог его положил, чтобы люди знали: отсюда начинается пастбище Талхака.

– Голову не морочь, – ответил Ёр. – Всевышний положил камень, чтобы закрыть вам дорогу на эту землю.

Я сменил тактику:

– Нет, Ёр, наши и ваши деды понимали этот Божий знак по-иному: в справедливости будьте тверды как камень. Давай вернёмся к дедовским заветам, поделим пастбище. На этот раз мы пришли раньше вас. Право первенства за нами. Если не согласен, собрем стариков из обоих кишлаков, пусть рассудят очередность. А не то разделим пастбище на две половины – и нам, и вам. На целое лето не хватит, но позже что-нибудь придумаем...

Я не хотел столкновения. Человеческая неразумность виной тому, что началась стычка.

– Ёр, что с ними говорить! – загалдели визиронцы. – Дурака словом не проймёшь, камня гвоздём не пробьёшь.

– Пробьём! Мы всегда их били.

Это неправда. В прошлых войнах из-за пастбища иногда мы визиронов побивали, иногда они нас...

– Вы, талхакцы, охочи до чужого! – кричали визиронцы.

– И жёны ваши за чужим кером охотятся...

Немой Малах тоже не молчал. Мычал и замахивался палкой. Один Бог знает, что он хотел высказать. Наверное: “Братья, разойдёмся с миром”.

Напротив него стоял Ибод, мой племянник. Бедный парень – опять новая несправедливость, новое унижение: отняли овец, теперь отнимают пастбище. Немой вновь замахнулся, Ибод не выдержал, кулаком ударил его в лицо.

– Зачем бьёшь?! – закричали визиронцы.

Но сражение ещё не началось. Немой от удара отшатнулся, утёрся левой рукой, увидел на ней кровь, замычал, перехватил палку покрепче, размахнулся и шарахнул Ибода по голове. Пастушьи посохи из кизила закаляют в огне, мажут маслом и долго держат на солнце, отчего они становятся твёрдыми как железо. Ибод упал.

– Эй, чего творишь?! – закричали наши.

И все же я убеждал себя, что надо во что бы то ни стало избежать драки, и крикнул Ёру:

– Останови своих, а я уйму наших.

Он презрительно хмыкнул и с силой толкнул меня в грудь. И тут же сзади вылетел Джангал и вцепился ему в руку. Ёр попятился, запнулся, упал. Джангал молча встал над ним, не выпуская руки из пасти.

– Э-э, пёс! – заорал я.

Джангал отпустил Ёра. И тут же на нашего пса бросился чужой вожак. Волкодавы сцепились в схватке. Овцы шарахнулись в стороны, освободив круг для боя...

Только тот, кто не знаком с животным миром, считает, что овцы – тупые создания, равнодушные ко всему, кроме корма. На самом деле, они очень любопытны и предаются зрелищам с тем

же бескорыстным интересом, что и люди. Столпившись вокруг, они наблюдали, как бьются собаки и люди.

Визиронцев было много, нас мало. Они одолели, мы отступили. Мы отбежали шагов на десять и остановились. Визиронцы погнались было вслед, но тоже встали. Овцы продолжали глать, как, визжа и рыча, дерутся собаки. Я оглядел наших ребят и спросил, тяжело дыша:

– Где Ибод?

Потом клубок дерущихся собак откатился в сторону, и я увидел Ибода. Его спину, видневшуюся из травы. Я пошёл к нему. Поднял обе руки вверх и закричал:

– Сулх! Сулх! Мир!

Визиронцы смотрели на меня с ненавистью. Ёр сидел на земле, держался за руку.

– Куда идёшь? – сказал он. – Убирайтесь с нашей земли.

– Там Ибод, мой племянник, лежит.

– Поднимется.

Но пропустили, я подошёл к Ибоду. Бедный юноша лежал ничком, уткнувшись лицом в куст югана. Я перевернул племянника на спину и увидел, что он мёртв. Меня охватил гнев, я сел и сжал голову руками. И только когда наконец почувствовал, что могу владеть собой, встал и пошёл к визиронцам. Ёр по-прежнему сидел, завернув до плеча рукав чапана. Один из парней, присев на корточки, накладывал на рану размятые листья подорожника. Немой Малах держал наготове полосу ткани, оторванную от подола рубахи.

Я сказал:

– Ёр, вы человека убили. Сына моей сестры.

– Он первым ударил, – ответил Ёр. На меня он не смотрел – опустив глаза, следил, как немой неловко накладывает повязку.

Я был не в силах тут же, на месте, отомстить визиронцам за смерть Ибода, но был обязан позаботиться об отаре.

– Дай-ка мне, – я присел, размотал тряпку на руке Ёра и начал бинтовать заново. Справедливости нет в этом мире. Приходится лечить врага, чтобы его задобрить. Говорят: врага убивай сахаром. – Ёр, разреши оставить овец и отвезти покойного домой. Ты мусульманин, позволь достойно похоронить человека...

Ёр опустил рукав на повязку.

– Заприте отару в загоне. А после похорон – долой с нашего пастбища.

Мы отнесли тело Ибода к камню, завернули в кошму, перекинули через седло и повезли в Талхак.

К полуночи мы с Джавом, который вёл лошадь за уздцы, вышли на крутой спуск, ведущий к кишлаку. Сердце всегда радуется, когда ночью спускаешься с гор и видишь: внизу, в тёплой домашней темноте рассыпались огоньки. Оттуда поднимаются сладкие запахи дыма, коровьего кизяка, соломы... Кишлак дремлет в ущелье как дитя в утробе. Но сейчас меня не обрадовал даже вид родного селения. Как сказал наш великий поэт Валиддин Хирс-зод:

Отраднее влачить сундук с песком в пустыне,
Чем матери нести весть скорбную о сыне.

По тёмным улицам мы добрались до дома, где живёт моя сестра Бозигуль, и остановились у калитки в заборе.

– Дядя Сангин! Эй, дядя Сангин! – закричал Джав.

Мой зять Сангин вышел в портках и длинной рубахе, неподоясанный, с керосиновой лампой в руке. Увидел меня, хитро ухмыльнулся:

– Эк! Я думал – бык забрёл, мычит... Оказалось – шурин. Наверное, по той русской белой женщине соскучился. Ночью, чтоб никто не видел, пришёл...

Я молчал.

– Не угадал? – продолжал Сангин. – Тогда, наверное, пару совхозных баранов тайком зарезал. Одного мне привёз.

Он шагнул к лошади и протянул лампу, чтобы разглядеть свёрток, перекинутый через седло. Я крепко обнял его и сказал:

– Сангин, брат... это Ибод.

Он окаменел под моими руками. Слабо прошептал:

– Плохая шутка, брат... Нельзя так шутить.

Я обнял его ещё крепче. Он проронил:

– Богом клянусь, так не может быть!

Я сказал:

– Брат, Аллах лучше знает.

Он выронил лампу, стекло разбилось, огонь погас. Сангин обхватил меня, прижался лбом к моему плечу и заплакал. Так мы стояли. Что я мог ему сказать? Чем утешить? Сангин поднял голову:

– Как он умер?

– Визиры его убили. На пастбище.

Я ощущал, как напряглись его мышцы. Он грубо и злобно сжимал меня, как борец противника, но я понимал, что борется он со своей яростью. Потом Сангин оттолкнул меня, подошёл к калитке, распахнул и сказал буднично:

– Заводите.

Джав потянул за узду и завёл лошадь во двор. Мы начали развязывать шерстяную верёвку, которая притягивала тело Ибода к седлу. Сангин стоял, скрестив руки на груди, и смотрел, как мы работаем. В это время из дома высунулся малыш, младший сын моей сестры, которого все называют Воробышком, и подбежал к Сангину:

– Дадо, а что это? Что нам привезли?

Сангин словно не слышал. Стоял как каменный. Воробышек дёрнул его за полу и закричал нетерпеливо:

– Эй, дадо! Что нам привезли?!

Сангин опустил глаза, погладил малыша по голове.

– Беги, приведи мать.

Воробышек побежал в дом, то и дело оглядываясь. Мы сняли свёрток с лошади. Сангин сказал:

– Кладите здесь, – и указал место посреди двора.

И тут я услышал крик, который ожёг сердце как огнём. Сестра моя Бозигуль кричала. Она вышла из дома, увидела Ибода, лежащего на попоне. Бросилась к сыну, к телу приникла и кричала без слов как раненный зверь. Все женщины, бывшие в доме – старая мать Сангина, сестра, жена его брата, две дочери, – высочили во двор и завыли, как всегда воют по покойнику.

– Ой, во-о-о-ой! Вайдод!

На крик во двор Сангина, как всегда, когда в чей-то дом приходит смерть, начали собираться ближние соседи, рыдая и спрашивая:

– Как умер бедный Ибод?

И Джав объяснял:

– Визиронцы его убили. Пастбище Сарбораи-пушти-Санг отобрали...

Так весть о том, что случилось, прошла по всем гузарам. Вскоре явились уважаемые люди: мулло Ёдгор, раис, Гиёз-парторг, старый Додихудо... Мужики сбежались – Шер, Назар, Дахмарда, Барфак, Табар, хромой Забардаст и другие – столпились у забора в мрачном молчании. Многие не поместились и с тёмной улицы заглядывали в освещённый керосиновыми лампами двор. Сангин время от времени оглядывал приходивших, будто чего-то ждал. Мулло Ёдгор подошёл к моей сестре, сказал мягко:

– Закон не велит слишком сильно горевать по ушедшим. Это грех. Нельзя Божьей воле противиться.

Женщины подоспели, отняли мою сестру Бозигуль от Ибода, отвели в сторону. Бозигуль ударила себя по лицу, разодрала ногтями щёки и разорвала ворот платья. Тогда мой шурин Сангин вышел вперёд и, став над телом, закричал:

– Люди, посмотрите на моего сына! На мёртвого посмотрите. Вы знаете, кто его убийцы. Позволим ли, чтобы визиронцы убивали наших детей? Мужчины мы или трусы?!

Мужики вспыхнули как солома от искры:

– Мечь! Мечь!

– Нельзя стерпеть!

– В тот раз Зирака покалечили, теперь Ибода жизни лишили!

– Прогоним их с нашего пастбища.

– Война!

МАЛИК

Рассказ

Малик продрал глаза. Слез с кровати, стараясь не наступить на спавших на полу детей. Жена храпела так, что ее рыхлое тело ходуном ходило, а сальные щеки как будто выделявали утреннюю гимнастику – впали, надулись; впали, надулись. Малик накинул рубашку и вышел на крыльцо. После душной маленькой комнаты, да еще набитой людьми, он чуть не задохнулся от свежего утреннего воздуха. Хотел приоткрыть дверь, запустить прохладу в дом, но побоялся – дети разгоряченные, спят на полу, еще продует. Жене-то ничего не будет, толстуха, а вот дети...

Последнее время Малику не спалось. Все было плохо: семья ютилась на квартире, в маленькой комнатухе, работы не было, денег тоже. У знакомых, у родственников – у всех, у кого только можно, - Малик позанимал уже по несколько раз, и больше никто не давал. Но сегодня было как-то особенно противно. Хозяйке задолжали уже за два месяца, и лучше не показываться ей на глаза – поэтому Малику и не спалось, он старался встать пораньше и уйти из дома на целый день, а там жена пусть отдувается, как хочет. При мысли о жене глухое раздражение начало закипать в нем – вот уж беспечный человек, ни за что не переживает, где сядет, там и спит. Один раз в жизни летели с ней в самолете, в Караганду, на свадьбу к племяннице, так она всю дорогу проспала – напрасно Малик старался, тормошил ее, уговаривал ее полюбоваться на виды из окошка – как только втиснула свою тушу в кресло, так сразу же почти и уснула, но вот в туалет сходила, не побоялась, не то, что Малик.

Малик постоял в раздумье на крыльце – куда бы сегодня

податься, и вдруг вспомнил, кажется, жена говорила ему вчера перед сном (раньше ночи он редко появлялся дома), что приезжает ее мать, т.е. теща Малика, юркая сухая старушка, не в пример своей дочери. Еще Кадиша говорила что-то насчет глаз, будто у матери большие глаза, и надо показать ее врачу – для этого она и приезжает. Сначала мысль о теще расстроила Малика: приезжает первый раз, и надо же, как не вовремя! Уже год Малик живет с семьей в Алма-Ате, а ни квартиры, ни работы, ни денег – вопреки всем планам, которые они строили с Кадишой, собираясь переезжать в столицу. Говорила Малику мать – не уезжай из аула, никто тебя не ждет в Алма-Ате, умрешь там с голоду и детей погубишь – и откуда она только знала! Но Малик не послушался, и вот уже больше года живет в столице, т.е. пытается выжить. И мать теперь называет Малика не иначе, как Малик-дурак.

А вот теща другое дело. Теща должна быть ему благодарна, что взял ее дочь, а то может и обратно отдать. В Алма-Ате такого добра пруд пруди, и даже его безденежье не помеха. Чем больше Малик думал о теще, тем настроение его улучшалось. Теща привезет мясо, и масло, и сметану – да что перечислять, у нее большое хозяйство! Мука в доме есть, и вечером Кадиша приготовит бешбармак – эта толстая лентяйка хоть готовит хорошо, вкусно.

Итак, теперь ему надо раздобыть денег, чтобы поставить перед бешбармаком на стол бутылку, чтобы теща не подумала, будто он впал в нищету, что он бедно живет. Ничего, что она не пьет, главное, чтобы водка была, а там кто знает, может, и хлопнет она рюмочку, для аппетита. А если деньги останутся, так купить сахару и печенюшек каких-нибудь к чаю.

Эти гастрономические мысли прервались у Малика из-за жены, которая оказалась на пороге – растрепанная, в засаленном халате, с серым обрюзгим лицом и калошах на босу ногу. Эти калоши поразили Малика; «Из дома в калошах вышла, - подумал он и сказал: - ты что, в калошах спала?» «Нет, - засмеялась жена добрым раскатистым смехом, и ее живот под грязным халатом плавно заколыхался, - сейчас надела. Дурак ты, что ли? Малик, сахара нет. Мамка приезжает, надо хоть сахар купить, как чай пить будем? Заварку не покупай, у меня еще осталось. И

печенье надо. Ты куда сейчас? Сходи к тете Фае, попроси, скажи, отработаешь». Малику не понравилось, что жена перечисляет ему его же мысли, и он прервал ее тоном хозяина дома, главы семьи: «Ты, давай, не спи больше; порядок наведи. Днем спишь, ночью спишь; убери все. И телевизор не смотри, а то уснешь». «Ой, телевизор, - опять добродушно рассмеялась Кадиша, - не усну я. Сейчас дети встанут, будет тебе порядок. Все кверху тор-машками». «Ну, я пошел, - сказал Малик, - делай чего-нибудь, не спи!» Он уже открыл калитку, как его догнал крик жены: «Ты смотри, не напейся... сразу приходи! Мамка уже скоро придет, встречать пойдем!» Малик хлопнул калиткой так, что она еще долго дрожала и дребезжала, и сказал злобно, про себя: «Вот дура! Молчи!» - и быстро зашагал по улице, испытывая жгучее желание вернуться и врезать жене по роже.

Как только он ушел, Кадиша еще потопталась какое-то время на крыльце, пытаясь одолеть сон, но зевота замучила ее, да и что делать в такую рань? А кровать так манила... прилегла ненадолго, и через секунду уже храпела, колыхаясь всем своим большим телом и сотрясая и воздух, и кровать.

А Малика ноги сами понесли туда, где была надежда получить деньги. Хотя голова говорила ему, что он всего три дня назад уже был здесь и брал деньги, но ногам Малик доверял куда больше, чем голове. Раз ноги несут его туда, значит, так и надо. Ноги Малика никогда не подводили, не то, что голова.

Где-то через полчаса Малик уже подходил к знакомой калитке; заглянул в щелку, прислушался. По атмосфере во дворе можно было догадаться, перепадет ему что-нибудь или нет. Атмосфера была хорошая – кипела работа, хозяйка грузила в пирожковоз коробки, много коробок, которые ей подносил сынишка, еще маловатый таскать такие грузы – значит, заказы есть, заказов много, а отсюда следует, что настроение у хозяйки хорошее. Малик открыл калитку проволочкой, которая всегда была у него в кармане, и вошел. «А что вы сами грузите, а где ваш водитель? – радостно начал он, улыбаясь, - давайте, я помогу, я сам все загружу. Вот это все грузить?» «Да, это все грузить, - сказала хозяйка, распрямляясь и переводя дух, - привет, Малик! Что так рано? Что, не спится тебе? Кадиша твоя что делает?» Малик решил взять быка за рога. «Тетья Фая, деньги нужны. Я знаю, я

должен...Я отдам... или отработаю. Теща приезжает, Кадиши мамка. Глаза болят. Надо ее на такси, туда-сюда, к врачу, в больницу. Выручите!» Хозяйка и так догадалась, зачем пришел Малик в такую рань. Но настроение у нее сегодня было хорошее, и она только спросила: «Сколько?» Малик задохнулся от неожиданности, от радости, что не надо долго просить, по нескольку раз, и не мог сразу сообразить, и растерялся: «Пятьсот... лучше тысячу. Вообще мне две надо». Хозяйка действительно была в хорошем расположении духа, и тут же вынесла ему две тысячи. Малик взял деньги, скрывая дрожь в руках, и спрятал в карман. «Все, - сказал он, пристроив в пирожковоз последнюю коробку, - все погрузил, - и добавил от всей души, - чтоб все продали, чтоб заказов у вас было много!» «Вот спасибо, - тоже от души поблагодарила его хозяйка, - ты давай, на работу устраивайся. А Кадиша что делает? Пусть хоть в столовой где-нибудь картошку чистит. Как так жить-то?» «Не будет она работать, не привыкла. Никогда не работала. Спит все время, пусть лучше дома, хоть кушать сварит». «Дело ваше, вам жить. Просто детей жалко. Они растут, их кормить надо». «Я кормлю, еда есть. Ну, я пойду, тещу надо встречать. До свидания». И он ушел.

Кадиша спала недолго. Проснулась, с трудом приподняла свое грузное тело. Разлепила веки и увидела, что трое ее детей сидят среди одеял на полу и смотрят телевизор, и таращат и трут заспанные глаза. Кадиша поглядела на часы – часа через два уже нужно будет идти на автовокзал, встретить мамку. Автовокзал рядом, пешком пойдет, возьмет с собой сына, чтобы помог нести мамкины вещи.

Старушка приехала такая нагруженная, что пол-автобуса помогало ей выставлять сумки, пакеты, узлы, которые подхватывали Кадиша с сыном, и Кадиша даже пожалела, что не взяла с собой и девчонок на подмогу. Когда, наконец, все привезенное сложили рядышком в кучу, Кадиша расцеловалась с матерью, потом бабушка расцеловалась с внуком. Обратная дорога показалась длинной, ой какой длинной, хотя старушка ковыляла бодро – отдохнули ноги за долгий путь в автобусе. Но зато, когда пришли домой, когда бабушка раскутала свою шаль (хотя на дворе было лето), когда зашумел чайник, зашумел празднично, радостно, и начали выставлять банки со сметаной, мешочки с

куртом, и творог, и вяленое мясо, и даже холодец, твердый, как камень, завернутый в тряпку – да что все перечислять! – и бутылки с молоком приехали, а чтобы молоко не прокисло в дороге, его прокипятили и остудили, прежде чем налить в бутылки, и такое масло сбилось в них от тряски в автобусе, что молоко никак не хотело выливаться в ковшик, т.е. никак не могло, пока толстый слой масла не проткнули длинной палочкой. Дети страсть как захотели облизать эту палочку, и затеяли возню за нее, и пришлось Кадише уgomонить их, дав лизнуть каждому. Чайник закипел, Кадиша не пожалела заварки, и вскоре пятеро родных людей с блаженством пили густой ароматный чай с желтым домашним молоком, и дети за обе щеки уплетали еще свежие лепешки, которые тоже привезла бабушка.

«А Малик где? На работе?» – спросила старушка, когда дорожные тревоги, наконец, ее покинули. «На работе, - согласилась Кадиша, - ищет работу. Работу трудно найти. Везде мало платят. Сейчас придет он. Пошел узнать насчет больницы, где глаза лечат, завтра чтоб с утра к врачу записаться». Бабушку до слез тронула такая забота. «Вот спасибо, ай, Малик! Совсем глаза плохие стали. Этот-то ничего, а этот совсем закрываться стал. Ой, боюсь, как без глаз-то? Только и прошу Аллаха – пусть зрение не лишает на старости лет. Ой-ей-ей-ей», - причитала старушка.

Чай пили до тех пор, пока не выжали последнюю каплю из чайника. Все разомлели. У бабушки начали слипаться глаза; старый, что малый, - поест, и сразу на бочок. Кадиша деловито взбила подушки на кровати, обтряхнула простыню и уложила бабулю, сняв с нее мягкие сапоги. Бабуля легла, не раздеваясь, и через минуту уже спала. Сытые дети тоже притихли; в школу еще никто не ходил – должен был прошлой осенью пойти старший мальчик, но решили пока в школу его не отдавать, надеясь, что за год как-нибудь утрясется с жильем, но год уже почти прошел, а своего жилья все еще не видать да не видать, как... Кадиша хлопотала по хозяйству, стараясь не шуметь: достала большой казан, налила в него воды и поставила вариться мясо, привезенное матерью. Пиалки сгребла в кучу и накрыла кухонным полотенцем – от мух. Дети включили телевизор, но тихо-тихо, чтобы не разбудить бабушку; им было плохо слышно, и они начали вытягивать шеи и

спрашивать друг у друга громким шепотом: «Че, че? Че он сказал?» «Сказал, что ты дура!» «Нет, он сказал, что ты дурак! Вон, вон, слышишь, говорят: Кайрат-дурак!» - и девчонка стукнула брата по голове. Быть бы драке, если бы Кадиша не вмешалась и не вытолкала всех троих на улицу; потом Кадиша присела на табуретку возле плиты, подперла рукой подбородок и стала ждать, когда закипит казан. Тогда она убавит огонь и замесит тесто - пусть отстаивается. И ей стало хорошо от этих мыслей: кто никогда не сидел без куска хлеба, тот не поймет, какое это счастье - варить мясо, месить тесто. Она смотрела на спящую старушку, и в ее душе окончательно воцарился покой.

Но старушка спала совсем недолго, и то беспокоино, вздрагивая и охая - не спалось старушке. Открыла глаза и села на кровати, зевая и шепча молитву. «Малик пришел?» - был ее первый вопрос. «Нет еще, - сказала Кадиша, - что так мало спали, отдохали бы». «Нету сна, нету, - ответила бабуля, - сердце ноет. Что делать? И больницы боюсь, и без больницы боюсь. Скорей бы Малик пришел, что он скажет?»

Кадиша снова поставила чайник, слегка ополоснула пиалки, а в казане уже булькало и кипело, и аппетитный запах плыл по комнате. «Пойдемте чай пить», - сказала Кадиша, и бабуля, кряхтя, слезла с кровати. Вы видели старушку, которая отказалась бы от чая? Снова пили чай, и снова с домашним молоком, густой, ароматный, и снова макали в чай лепешку, и так было хорошо. Потом Кадиша замесила тесто, накрыла его чашкой и начала прибираться в комнате: собрала с пола детскую постель и сложила в угол; разровняла одеяло на кровати; подобрала кое-какие вещи; взяла веник и энергично подмела старенький, истертый палас; включила для бабушки телевизор и сама уселась смотреть вместе с ней. Они сидели рядышком на полу; бабуля - обложенная подушками, которые снова перекочевали из угла на свое постоянное место, а Кадиша - рядом с нею, чувствуя ее родное тепло. Они беседовали; и телевизор был сам по себе, а они сами по себе.

Кадиша с жадным любопытством расспрашивала о жизни на селе. Ой, сколько уехало! Вся почти молодежь уехала. Школу даже подумывают закрыть - детей не хватает. У соседки три дочки - и все трое в Алма-Ате. Работают в столовой на базаре, ман-

ты лепят. «Недавно приезжала самая младшая, Аружан, - рассказывала старушка, - у матери-то, у Айсулу, ноги сильно болят, уже совсем ходить не может, вот Аружан и приехала за ней смотреть; тоже хотят ее в больницу в Алма-Ату. Восемь человек, говорит, живем в одной комнате, приходим, говорит, только ночью, поспать, а спим, говорит, все на полу – ни кроватей, ничего нет, дома даже чай не пьют – это разве дом? Айналайн, Аружан, - продолжала старушка, - зачем так жить, - говорю я ей, - вон какой дом, какой огород у вас, и мать одна, осталась бы в ауле, спала бы на своей кровати, а она смеется. Нет, говорит, уеду в Алма-Ату. Про тебя спрашивала, как, говорит, Кадиша живет? Купили дом или нет? А я и не знаю. Это чей дом-то? Ваш?» «Нет еще, - натянуто отвечала Кадиша (это была самая больная тема), - мы не купили еще, Малик не работает же. Это хозяйкин дом, мы на квартире живем. Кайрату в школу осенью, надо квартиру по-лучше найти, и чтоб школа поближе была, а хорошая квартира дорого стоит». Услышав, сколько Кадиша с Маликом платят за квартиру, старушка лишилась дара речи, только причитала: «Ой-ей, ой-ей», - и качала головой. «Надо вам дом скорее купить, - наконец сказала она, - дом сколько стоит в Алма-Ате?» Услышав, сколько стоит дом, она и причитать не могла, молчала, опу-стив голову. Долго так сидела бабушка, и грустные мысли клони-ли ее голову ниже и ниже. Обдумав все как следует, она распря-милась и вынесла вердикт – уж лучше в селе жить, все корова, все хозяйство, а это и молоко, и масло, и сметана, и яйца, - го-лодным не будешь, а тут отдавай такие деньги ни за что ни про что, и пей целый день из крана воду, и то без сахара, а про хлеб и не вспоминай – все увидела своими зоркими, хоть и большими глазами старушка. И говорила она Кадише – вернулись бы в аул, трое детей у вас, а это три ученика, и другие бы вернулись, и школу бы не закрыли. И отцу уже нужна подмога, ему все тяже-лее и тяжелее садиться на лошадь.

А Кадиша и сама не могла бы толком объяснить, почему она так страстно хотела жить в Алма-Ате. Пусть жуткая нищета, пусть безденежье, но впереди – какая-то надежда, лучик света. А вдруг Малик завтра (а вдруг сегодня!) найдет работу, да такую, что через год (она слышала про такое!) они уже купят дом, и Кадиша уже видела себя хозяйкой собственного дома, а там машина, да не какая-нибудь, а иномарка, а еще Малик обещал

купить ей шубу. Детей – в институт, но это уже потом... А что в селе? Утром – корова, вечером – корова, и вся жизнь. И никакой мечты, и никакой надежды.

Кадиша раскатывала тесто, а дети забежали домой и тянули носом воздух, напоенный ароматом вареного мяса: «Когда?» - нетерпеливо спрашивали они, - они хотели есть. «Сейчас Малик придет, - говорила Кадиша, видя, что мать совсем поникла, а сердце у самой подозрительно екало, - может, работу хорошую нашел, и не отпускают, может...»

Уже бешбармак был готов, и большое блюдо с изумительно вкусным дымящимся мясом, тестом, сверху луком, политое жирным бульоном было поставлено на середину скатерти, разостланной на полу. Дети уже сидели кругом, не решаясь схватить кусок вперед бабушки и толкая друг дружку локтями. Бабушка прочитала короткую молитву. «Кушайте, кушайте, - сказала она, ложкой подвигая мясо ближе к внукам, - кушайте», - и все начали кушать. Сегодня в этом доме был настоящий праздник.

Тут дверь отворилась, и на пороге показался Малик, улыбающийся, развязный. В первую секунду мозг Кадиши сделал вывод, что Малик ничего не принес домой – руки у него были пустые. Вторая секунда потребовалась на то, чтобы убедиться, что Малик пьян; третья – что деньги он все-таки раздобыл и пропил. «Ты где был? Ты где напился? Ты у кого деньги взял? – спрашивала Кадиша надрывным голосом, и чувствовала, как весь съеденный бешбармак подступает у нее к горлу, - деньги остались или все пропил? Как мамку завтра в больницу повезем?» «Ой, теща моя, - Малик склонился над старушкой, обдавая ее перегаром, - хорошая у меня теща, вот только дочка дура. Не пил я, только чуть-чуть выпил, потому что насчет работы договаривался. А ты хоть копейку когда-нибудь заработала, чтобы меня учить? Еще рот откроешь, я тебе все зубы выбью! Молчи, дура!» «Малик, садись, кушай, кушай, - говорила теща, потихоньку сбрасывая руку Малика со своей спины, - садись, а то остынет, кушай». «Эх, я же вам бутылку нес, хотел ваш приезд обмыть, - говорил Малик, не прикасаясь к еде, - и что глаза болят, все врачи знают, все ждут завтра, договорился, вылечат, вези, говорят, бабушку, все сделаем, будет видеть, как новорожденная, т.е. как молодая. А дочка ваша дура». «Кушай, Малик, кушай, - бормотала старушка, и на ее глаза навертывались слезы, - кушай!»

«Кольку встретил, - не слушая, продолжал Малик, - он сказал, электрики нужны, где он раньше работал. На бумажке мне адрес написал, завтра пойду. Где бумажка? – и начал шарить у себя по карманам, и ничего не нашел, - потерял бумажку!» «Лучше бы ты башку свою дурную потерял, - не выдержала Кадиша, - нашел, кому верить – Кольке! Алкашу еще хуже тебя!» «Встать! – вдруг закричал Малик, внезапно озверев. - А ну давай, бокс! Кто кого?» - и начал махать кулаками перед лицом помертвевшей старушки. Кадиша, за десять лет семейной жизни и не такое видевшая, отошла поближе к двери и закричала: «Вот я сейчас милицию вызову, алкаш, пусть заберут тебя!» «Что?» - бешено рывкнул Малик и рванулся к Кадише, но она выскочила в дверь, и только и слышно было, как ее ноги затарабанили по дорожке под окном. Малик пулею вылетел за ней. «Ой, что будет? Ой, убьет он ее! – запричитала и заплакала старушка, - ой, Аллах, спаси, помоги». «Ничего не будет, - успокаивали старушку дети, - не догонит он ее. Никогда не догоняет. Он сам говорит – толстая, ноги короткие, а бегаёт быстро. Не плачь, бабушка, ничего не будет».

Но бабушка не могла успокоиться. Она вздрагивала от каждого шороха. Она молилась без перерыва и вытирала слезы. Она не хотела уже ничего – ни врачей, ни больницы, ни здоровых глаз, только чтобы оказаться дома, в ауле, на своей кровати. Старшие дети сидели, уставившись в телевизор, а младшая, лет пяти, пристально, без перерыва смотрела на плачущую бабушку, потом встала, подошла к ней, обняла за шею и взобралась на старческие колени. И сидела так, похлопывая своей маленькой ладошкой бабушку по спине, успокаивая ее. И бабушка затихла. Тогда девочка слезла с ее колен и присоединилась к брату и сестре, и дети, сытые бешбармаком, довольные и игривые, повозились, покопошились друг с другом, потом снова посмотрели телевизор и, наконец, все трое уснули на полу, прижавшись друг к другу, как птенцы в гнезде, и бабушка почувствовала себя совсем одинокой и беззащитной перед незапертой дверью. Встать и запереться ей и в голову не приходило.

Наконец, вернулась Кадиша, красная, запыхавшаяся, злая. Первым делом накинула крючок на двери и сказала: «Все, не пуцу. Пусть стучит хоть до утра. Да он и не придет, будет теперь шарашиться всю ночь. Вот дурак!»

Ночь прошла спокойно, Малик не пришел. Утром бабушка, едва только взошло солнце, растолкала безмятежно спавшую Кадишу. «Домой поеду, домой, - сказала она дочери, - проводи-те меня на автовокзал. У меня деньги есть на билет. Пока деньги есть, надо купить билет!»

ОБЕД

Рассказ

Зима выдалась суровая. Это так непривычно для нашего южного края; обычно морозы держатся от силы неделю, и за эту неделю все население умудряется промерзнуть до костей, умудряется перестать верить, что когда-нибудь наступит весна, и ноет и стонет, слушая прогноз погоды на завтра, и возмущается – да когда же это кончится, наконец, когда же потеплеет? А теперь – ужас! – уже второй месяц стоят собачьи холода, и никакие меха, никакие кожи не спасают.

Вечерело. На базаре царило оживление, но не от наплыва покупателей, нет, - их за целую неделю можно было бы пересчитать по пальцам, - а потому, что завтра – выходной, долгождан-ный выходной, целых шесть дней продавцы мерзли с утра до вечера возле своих прилавков, топая ногами и хлопая руками, и отогреваясь ненадолго горячим чаем, и провожая тоскливым взглядом редких и торопливых и несознательных покупателей, завернувших на базар неизвестно зачем. От одной мысли, что завтра не надо будет с утра нырять в морозную темень, подни-малось настроение. Скорей собрать товар негнушимися одере-венелыми пальцами, запереть контейнера и – домой, в тепло, в уют; а дома полчаса уходило на то, чтобы снять с себя все шубы, пальто, кофты, свитера, жилеты, размотать шали, платки, шарфы; а уж теплым штанам и носкам и числа не было, и все равно мер-зли. И сунуть наконец нечувствительные ноги в теплые тапочки, которые заботливо еще утром клались на батарею, и пошевелить заоченевшими пальцами – вроде отходят... И длинный, длин-ный вечер впереди, потому что завтра – выходной...

Семья Мансуровых полным составом торговала на базаре;

исключение делалось только дочери – она студентка (и то иногда ей приходилось подменять кого-нибудь) и снохе – у нее двое совсем маленьких детей. Семья торговала краской, торговала сразу с трех точек: контейнер и два прилавка. И вот теперь отец, мать и оба сына Мансуровы каждый на своем рабочем месте поглядывали на часы и ждали того радостного момента, когда можно будет начать «сворачиваться», и тут произошел неожиданный инцидент. Люба, мать семейства, очень красивая женщина, завернутая в толстую старую шубу, укутанная огромным пуховым платком, да еще в валенках, и, казалось бы, неповоротливая, вдруг сделала немыслимый прыжок вперед и кинулась на проходившего мимо мужчину, который нес в руках большую банку с краской, и вцепилась в эту банку, и при этом еще издает ужасный вопль: « Отдай, отдай, моя, моя краска». Приличный, интеллигентного вида мужчина опешил, но банку из рук не выпустил, но у Любы была мертвая хватка, и она продолжала причитать с каким-то завыванием: «Отдай... моя... отдай...» Так и стояли они секунду вдвоем, обняв с двух сторон банку. Мгновенно вокруг них собрался народ. «Уйди, дура, - наконец сказал мужчина, придя в себя, и обернулся к толпе, - да уберите эту сумасшедшую! Больная!» «Не отдам, моя, - выла Люба на одной ноте, - на, ударь, ударь, не отдам... моя, на, бей... моя..» «Да я купил эту краску, только что! Я и место покажу! Да уберите вы эту сумасшедшую! Уйди, дура!» - кричал всерьез рассвирепевший мужчина; он уже не надеялся выдрать банку из цепких рук Любы, он старался хотя бы не выпустить ее из своих. Страшно представить, чем бы все это кончилось, но сын Любы торговал в другом конце ряда, он издали видел столпившийся народ, вытягивал шею, прислушиваясь, что же такое там случилось, и вдруг в непередаваемых завываниях Любы уловил голос матери; с тревогой подбежал он к толпе, поручив соседу приглядывать за своим товаром, и сразу все понял. «Отпусти сейчас же, - злым шепотом сказал он матери, и дернул банку к себе; мужчина сразу же отпустил банку, видя, что пришла помощь, а Люба нет, вцепилась еще сильнее, - я тебе сказал – отпусти, не позорься. Он у меня краску купил, вот сейчас только. Я что тебе сказал – отпусти?» - его злой шепот уже почти дорос до крика. И тут до Любы начало медленно доходить: действительно, это ведь Жорик забрал у нее такую же банку, а она забыла. И Люба ото-

рвала свои пальцы от банки. «Да она сумасшедшая, ее в дурдом надо, - говорил мужчина, пробираясь сквозь толпу с краской в руках и красный от пережитого, - она же убьет кого-нибудь, маньячка». А Люба стояла посреди толпы и говорила, разводя руками со все еще скрюченными пальцами: «И сама не знаю, как это я... смотрю, мужчина идет, краску несет. Я глядь на прилавок, смотрю – а моей-то банки нет! Забыла, что Жорик отдала. Ну я и...» Люба еще долго бы рассказывала, но толпа так же дружно разошлась, как и собралась. И уже пора было домой. И завтра – выходной. «Не говори отцу, - попросила Люба сына (Женя и младший сын торговали совсем в другой части базара, в контейнере, и ничего не видели и не слышали), - еще начнет орать, знаешь же его. Вы же завтра подъедете к обеду? Отец будет плов готовить. Уже все купил, и рис, и масло хлопковое, морковь и лук долго искал – у всех мороженные! А в квартире где будешь хранить – нужно было не квартиру, а дом с подвалом покупать, а ведь говорила я отцу...» - они с Жориком складывали товар в тележку, чтобы отвезти в контейнер, который из-за морозов пришлось перегородить поперек и меньшую часть утеплить толстым пенопластом, чтоб краска не попортилась; а эмульсию забирали домой, не рисковали - уж больно жгучие стояли морозы.

Заперев и опечатав контейнер, все уселись в тесные «Жигули». Тимка, младший сын, за рулем – его хлебом не корми, только дай ключи да документы от машины. Сначала довели до дому старшего, Жорика – этот наоборот, не хочет никакой машины, хотя есть возможность купить и ему, а он ни в какую, даже жена не может повлиять, и ездят с двумя маленькими детьми в такси, или просят всегда готового Тимку отвезти-привезти. С Жориком распрощались быстро – холод собачий, чтобы разводить церемонии, и только калитка хлопнула за ним, и поехали домой. И чем ближе к дому, тем радостнее на душе, хоть и торговля никакая... Ох уж эта торговля, - и Люба вздохнула. Пригелась она в машине и начала думать – все-таки мужчинам легче жить, чем женщинам. Не болит у них душа за каждую мелочь, а ведь большое складывается из мелочей. Вот продай они сегодня еще хотя бы несколько банок краски, эмульсии, или клея, или растворителя, так там немного, тут немного – и оправдали бы и аренду, и завтрашний плов, и еще бы осталось. Вспомнила Люба про

аренду и совсем расстроилась: была аренда пятнадцать тысяч, и вдруг в один день подняли ее сразу до тридцати - в два раза! Весь базар сначала онемел, застыл, не верил своим ушам, не верил своим глазам; потом начали шептаться, все громче и громче, все спрашивали друг у друга: правда ли? – и что толку? Все привыкли, и все платят, и все, похоже, забыли, кроме Любы. Правда, аренду подняли полгода назад, в разгар лета, когда товар был нарасхват, но Люба переживала до сих пор, особенно когда торговля не шла. Каждый месяц, когда она отдавала деньги за аренду, эти лишние пятнадцать тысяч терзали ее сердце. Безбожники... Жулики... Бандиты...

Поднялись на третий этаж. В шубе и валенках это не так легко, и Люба вспотела. А дочка уже ждет, уже отворила дверь, заслышав знакомые тяжелые шаги – Тимка шел всегда позади, поддерживая мать, - он очень нежно в душе относился к ней. Анелька начала сразу же расстегивать огромные пуговицы на Любиной шубе, а Люба разматывать толстый пуховый платок, от которого она устала за целый день. «Чай, чай, - говорила Люба, - пить хочу, поставь чайник...» «Да уж кипит, давно поставила на медленный, - все готово», - говорила Анелька, опытным взглядом сразу видя, что торговля сегодня не удалась, что о торговле упали Бог ни слова; потом, после чая, после ужина, мать сама пожалуется, сама все расскажет, и Анелька наизусть знала все рассказы. Она стала вешать шубу на крючок и вдруг увидела на спине прожженную дыру. «Мама, - закричала она испуганно, - что это за дыра на спине? Где это ты подгорела?» «Да встала возле шашлыков, и грела спину, пока дым не пошел, и то люди сказали, - махнула рукой Люба, - да Бог с ней, с шубой, ее уже выкидывать пора. Ты родилась, когда купили эту шубу. Уж не будет, наверно, больше такой зимы. Что за холода нескончаемые? Ты слышала прогноз погоды, что говорят-то?»

Мансуровы каждый выходной старались превратить в маленький уютный семейный праздник. Люба еще нежилась в кровати, еще за окном стояла густая темень, а Жене уже не спалось. Кряхтя, поднял он свое грузное тело, и кровать ходуном заходила, и Люба почувствовала себя как на корабле в бурю, но она не открывает глаз, - ей так хорошо, так тепло, так уютно, - не постель, а гнездышко мягкое. Ей тоже не спится, - когда можно

поспать, всегда не спится! – но какое удовольствие - просто по-лежать, просто подумать, и ей не верится, что завтра в это время ... нет, даже думать об этом не хочется, и Люба еще уютнее сворачивается под одеялом. Она прислушивается к звукам из кухни – Женя начинает готовить завтрак. Вот такой у нее муж – любит готовить, а раз любит, то и получается у него хорошо. Но Любе уже хочется встать, хочется полностью насладиться выходным днем, из уютной постели окунуться в уют квартиры, тем более уже почти рассвело, а зимой рассветает поздно. Она слышит шипение сковороды, она знает – Женя жарит блинчики. Сейчас, сейчас она встанет, накроет стол... Каждый выходной, за редким исключением, Женя полностью царил на кухне - готовил и завтрак, и обед, только черную работу делали Люба или дочь – убирали посуду, мыли казаны и сковородки, чашки и миски; мужчина на кухне – господин, а женщина – раба, всегда.

Уже на плите закипал чайник, блинчики стопками высились на двух тарелках, уже Люба накрывала в зале стол для завтрака – по выходным завтракали в зале, основательно, не ютились в тесной кухне (хотя кухня была совсем не тесная), и пора было будить детей (детям было обоим за двадцать). Женя тихонько вошел в комнату дочери, осторожно тронул одеяло. Анелька тут же открыла глаза, похлопала ресницами. Сердце Жени переполнилось нестерпимой нежностью – доченька, младшенькая, любименькая. Он кивнул головой вбок, в сторону двери – вставай, выходи, все готово. Анелька натянула до подбородка одеяло, хлопнула глазами – поняла, сейчас, и Женя тихо прикрыл за собой дверь. «Разбудил Анельку? – сказала Люба, видя, что он выходит из ее комнаты, - а я Тимку разбудила, его не разбуди, так будет спать до обеда. Ты посмотри, какой мороз на улице. Сроду окна у нас не замерзали, а ведь у нас тепло в квартире, а у некоторых, говорят, пар изо рта идет. А если дети маленькие?» Анелька и Тимка встали одновременно, и сразу квартира ожила. Захлопали двери, Женя с Любой заговорили громче, телевизор обрадованно блеснул экраном, и посуда зазвенела. И поплыл аромат свежезаваренного чая, и смешался с аппетитным духом блинчиков.

Женя и Люба чай пили с удовольствием, с удовольствием ели блинчики, макая в сметану; Анелька съела всего один блин-

чик, намазав медом и свернув трубочкой, и выпила чашку чая. А Тимка вообще отказался кушать, нет у него по утрам аппетита – и все тут. Уговорили его выпить чашку чая – выпил и устался в телевизор. Анелька первая встала из-за стола; прошла в свою комнату и копошилась там, рассматривала какие-то фотографии и напевала; потом застелила постель; потом долго изучала в зеркале свое лицо, поворачивая голову во все стороны; потом ей кто-то позвонил, и она закрыла дверь, уединившись с телефонной трубкой. Люба прибрала со стола, но блинчики оставила, и смотрела украдкой, как Тимка время от времени берет блинчик и ест, не сводя глаз с телевизора. «Ну, слава Богу, – думала Люба, – хоть так, а то совсем худой». Она налила чаю в пиалку и поставила перед ним, и Тимка потянулся за чаем. И Люба подумала с горечью и тревогой в сердце – что-то будет, когда Тимка женится, какая-то попадетса ему жена, будет ли ухаживать за ним хоть чуть-чуть, как она...

А Женя приступил к приготовлению плова. Он все делал сам, не торопясь, основательно, и не терпел никакой и ничьей помощи. Люба сновала по квартире, занимаясь домашними делами, и счастливая полуулыбка скользила по ее лицу. Она была довольна. Она была довольна квартирой – большая, просторная, у всех по комнате. Она была довольна обстановкой – не хуже, чем у других, а может быть, и лучше. Она была довольна новой стиральной машиной, которая уже с утра урчала, набирая воду, и жмякала белье, и крутила в разные стороны. Шум работающей стиральной машины особенно переполнял ее душу умиротворением. «И как я раньше стирала все руками?» - думала она, уже не веря, что такое возможно, и вспоминала тазы с замоченным бельем, свои красные натруженные руки, негнущиеся одеревенелые пальцы, а как болели запястья от постоянного выжимания. Настирайся-ка на троих детей! «Придумали стиральную машину, и хватит, - думала Люба, - зачем эти космические корабли, зачем лезть в космос? В Таиланде вон что произошло, и где были их спутники, которые все видят, все прогнозируют? Почему не предсказали? Да разве только в Таиланде? И где же их спутники? Лучше бы на эти деньги на Земле порядок навели. Сначала на Земле порядок наведи, а потом уже лезь...», - разгневалась Люба и привычно помолилась Богу,

прося уберечь ее детей, прося защитить ее детей от всех напастей.

Из кухни раздался треск раскаленного масла, и через минуту лучший в мире аромат – аромат жареного мяса разлился по квартире. Это отвлекло Любу от мыслей о космосе и спутниках – ох уж не любила она эти космосы и спутники! «Скоро уже и Жорик подъедет с детьми, – подумала она, и при мысли о внуках у нее радостно дрогнуло сердце, – надо сказать Анельке, пусть приберется в прихожке», – Люба выглянула в окно, и с третьего этажа ей был виден весь двор, безлюдный как вымерший. Голые деревья как закоченели, застыли. И только ветер иногда закрутит, поднимет снежную пыль. В мусорных контейнерах, переполненных через край, не копошился ни один бомж (хотя не только бомжи в них копошились). «Даже собаки все попрятались», – подумала Люба, и ей почему-то сделалось тоскливо, неприятно, как будто стужей ее пронзило, и Люба поежилась зябко. А из кухни один аромат сменялся другим, поневоле нагоняя аппетит, и наполняя квартиру таким уютом и комфортом, что никакой самой дорогой мебели не под силу. «Сейчас уже и подъедут», – снова подумала Люба, но в окно больше не захотела смотреть – так за неделю ей надоела улица. И тут она услышала шум подъехавшей машины, хлопнули дверцы, топот ног на лестничной клетке, родные голоса – звонить и не пришлось, Люба уже открыла дверь и первым делом приняла из рук снохи закутанную внучку. Потом уже начались поцелуи. «Ну вот, ну наконец, а мы ждем, а мы ждем, – говорила Люба, раскутывая внучку, – щеки-то не отморозила себе? А где мой Нуритдинчик? Где мой любимый Нуритдинчик? Где мой любимый внучек? Анелька, раздевай Нуритдинчика, где ты там?». «Ой, ой, какая красота! Ой, какая прелесть! Мама, посмотри, какую шубу купили Шолпане, ой, какая прелесть! Ой, как тебе идет! Я тоже хочу такую шубу! Дай-ка я померяю! – тараторила Анелька, разглядывая шубу снохи и одновременно раздевая племянника, – мама, иди посмотри на шубу!» «Мама, иди сюда, посмотри шубу, пока Шолпан не сняла», – позвал сын, и Люба с румяной внучкой на руках, которую она успела раздеть, прошла в боковую «ничейную» комнату, где Шолпан продемонстрировала шубу. «Ну, бэби, ну, повернись, – говорил ей Жорик, довольный донельзя, – во какой мех! А блестит как! А си-

дит как! А уж выбирали, выбирали! Но зато вещь! Ну, покрутись, бэби, покрутись! Сегодня первый раз надела! Как раз в такие морозы и носить!» Шолпан и крутилась, и показывала подкладку, и поднимала и опускала воротник, и давала всем пощупать мех, и вконец запарилась. Все полюбовались шубой, - и Женя пришел из кухни с ножом в руке, - и все остались довольны.

Радостная кутерьма улеглась, и Люба со снохой занялись столом – расставляли тарелки, ложки, вилки, стаканы для сока, накладывали салаты в салатницы, складывали отборные яблоки и апельсины в две большие вазы и тараторили без умолку – они жили дружно, поэтому им было о чем поговорить. Анелька играла с племянниками, и из ее комнаты доносились взрывы детского смеха, топот и визг. Братья обсуждали какие-то проблемы по бизнесу, серьезные и деловые. Пришел Женя из кухни, оглядел стол, и удовольствие отобразилось на его лице. «У меня готово, - сказал он, - дай-ка мне большое блюдо». Люба с блюдом в руках прошла в кухню, Женя приподнял крышку огромного казана – «Ну, накладываю», - сказал он как заклинание, и все дружно уселись за стол, все приготовились к торжественному моменту. И тут Женя занес большое блюдо с дымящимся янтарным пловом, украшенным сверху аппетитнейшими кусками жирного поджаренного мяса, и все невольно проглотили слюну, а руки потянулись к ложкам. И в этот момент Люба, сидевшая лицом к окну, вдруг говорит: «Господи, да откуда же она взялась? Я без конца в окно смотрела, вас ждала, и не было никого. И откуда же она взялась?» Все поневоле повернулись и посмотрели в окно. Там, на бордюре, ежась и поджимая ноги, пряча руки в рукава, вся согнувшись, сидела какая-то молодая девка. «И откуда она вылезла? – сказал Жорик, - сейчас все бомжи попрятались по тепло-трассам, в люках сидят, а эта откуда взялась? Что не прячется-то в какой-нибудь конуре? Замерзнет ведь». «Да она уже похоже почти замерзла, - сказал Тимка, и голос его дрогнул, - ей чуть-чуть осталось, и замерзнет совсем». «Ой, Господи, - снова сказала Люба, - кушай, кушай, Нуритдинчик, а мне прямо кусок в горло не лезет. Отнести, что ли, ей немного плова в пакете, может, поест и уйдет куда-нибудь». Девица все это время сидела, не шевелясь, низко-низко опустив голову и касаясь подбородком коленей. Ветер взметал временами подол ее пестрой тонкой

юбки, и обнажались худые голые ноги в огромных башмаках, а сама она как застыла, как заледенела. Люба быстро прошла на кухню, положила в пакет внушительную порцию плова, сверху мяса, сверху хлеба и: «Тимка, сбегай, отнеси ей, да уж и сами, наконец, поедим. Кушай, кушай, Нуритдинчик». Тимка схватил пакет, и через секунду его шаги загремели по лестнице. Все смотрели в окно; вот Тимка подбежал к ней, сунул под нос пакет с пловом. Она медленно, как-то боком и из-под низу, приподняла голову и посмотрела на Тимку бессмысленным взглядом. Он снова ткнул пакетом ей в лицо и что-то сказал. И тут она схватила пакет. Люба, которая смотрела, не отрываясь, вдруг прервала молчание: «Да как же она будет есть? Ложку забыла положить» - и хотела пойти на кухню. «Да перестань ты, мама, какая ложка? – остановила ее Анелька, - вон она ест прямо из пакета. Пока ты ложку принесешь, она уже все съест». В это время вернулся запыхавшийся Тимка, и от него повеяло жгучим морозом. «Ну, давайте, наконец, кушать, - сказала Анелька, - а то я сейчас от голода кого-нибудь съем. Вот сейчас я Нуритдинку съем! Хватит смотреть в окно, плов остынет». Все как будто только и ждали команды, дружно повернулись к столу и принялись обедать, всем сразу стало не до девки. Плов удался, слов нет! Через какое-то время Люба не вытерпела, глянула украдкой в окно, а на бордюре уже никого нет, и во всем дворе ни души. «Ну, слава Богу, - подумала Люба, - спряталась где-нибудь, сидит в тепле!»

Ни один день недели не пролетает так быстро, как выходной. Вечерком вызвали такси, и уехал Жорик с детьми и с женой в ее новой шубе (шуба так шуба!) – Тимку не стали беспокоить из-за мороза, хоть и знали, что таксист сдерет лишние деньги. А наутро закутанная Люба уже спускалась в своей прожженной шубе и неуклюжих валенках по лестнице за Тимкой и Женей и, выйдя из подъезда, чуть не задохнулась от ледяного воздуха. И вздрогнула. Во дворе стояла милицейская машина, а рядом «Скорая», и сновали люди в форме. На земле лежал человек, торчали огромные башмаки, Люба увидела пеструю юбку... Рванул ветерок, что-то зашелестело – к кусту возле подъезда прилепился пакет с остатками плова и трепетал на ветру...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ – ПОСЛЕДНЕГО ТОПОГРАФА ПЛАНЕТЫ

Сейсмологический барьер

На всём протяжении Алайской долины, с любой точки, на стотридцатикилометровом пространстве от перевала Таунмурга до селения Джар-Баши, напротив, будет выситься громада Ачик-Таша, что в переводе с тюрского означает - Открытый камень. Так местное население называет Алайский хребет, который украшают знаменитые семитысячники: пик Корженевской, пик Ленина и пик Коммунизма - вожденная мечта многих альпинистов: потоптаться на их вершинах.

Река Кызыл-су, текущая кровавой артерией через всю долину с востока на запад, считается условной границей между двумя горообразованиями - Памиром и Тянь-Шанем. Вода в этом потоке красного цвета из-за тёмно-охристых глин, которые на всём протяжении окрашивают её в цвет кирпича. Но по легенде, которую рассказал местный житель - это до сих пор течет несмытая кровь тысяч жертв, которые были замучены и казнены в период Кокандского ханства.

Наша изыскательская партия прибыла на берег реки Кашка-суу, истоки которой набегают со снегов пика Скобелева, который прятали близкие к нам серые скалы.

Было утро 7 августа 1974 года. Здесь была высота свыше 3000 метров, и поэтому осень постоянно жила в этих краях.

Не спалось. Новые места всегда приучали к себе бессонницей первых ночёвок. Да и высота не позволяла дышать нормально, пока не пройдёт акклиматизация. Бывало, особенно первые ночи: просыпаешься от удущья - нечем дышать - хватаешь ртом разряженный воздух и боишься, что не успеешь насытиться.

Пока все спят, решил пройтись до устья впадения нашей реки в могучую Кызыл-су. Стыдливый утренний ветерок веял прохладным ароматом начинающего дня. Берега у реки Кашкасу пологие, галечниковые, обрубленные полуметровыми обрывчиками у самого уреза. С них свисали тонкие полоски рыхлого почвенного слоя и отрывались от прикосновения, словно подсушенные края праздничной опары от свежего теста. Далеко от существующей поймы видны снопы сухого чия и пеньки от кустов барбариса, вырубленные местными жителями на дрова. Ближе к реке Кызыл-су начинается ковыльно-кипчаковая степь, чем-то похожая на Казахстанский степной ландшафт. Бледный ковьёр полыни переливался барсовой, хорошо выделанной, шкурой: верхние венчики соцветий сверкали блёстками, а волны, идущие по поверхности, рисовали тёмные провалы тигриных полос.

С восходом солнца проснулся ветер. С перевала Талдык потянуло будто сквозняком - тихо и не холодно. Вскоре тёплое дуновение сменилось прохладными порывами, которые несли в себе тонкую пыль и опилки трав. За ним надвигалась серо-желтая стена, закрывающая вид на горы. Стало немного страшно. Ветер уже нес ветки, мелкий песок и брызги воды. Птицы летели, не как подобает птицам, а кувыркались в сером небе, словно сорванные листья. Они, теряя ориентир, путали небо с землей и падали в пляшущую воду. Их крики не были слышны, мокрые перья тянули в красную муть реки и к холодной кислятине донной грязи.

Вокруг стало черно. Пыль запрессовалась в воздух. Ветру некуда её деть - вся долина пропиталась ей, парализовалась стоном и воем. Впереди река, значит, нужно уходить в противоположную сторону. Подходит неизвестно откуда взявшаяся собака. Смотрит на меня и вроде зовёт за собой.

А гибель птиц продолжалась. Было видно, как в «кипящую» воду, покуда хватало глаз, падали закрученные спиральным полётом – вороны, скворцы и галки.

Откуда-то появился огромный белоголовый сип¹. Ему нипочём ветер, и он с лёту выхватывает из воды не утонувших птиц, словно чайка из моря - рыбу.

¹ Белоголовый сип – крупная хищная птица отряда ястребиных. Размах крыльев более 2-х метров.

Река стала похожей на штормовое море. Порывы ветра черпали воду, поднимали на высоту и, обессилев, роняли обратно. На поверхности творился хаос, и было непонятно: в какую сторону направлено течение воды – было сплошное бурлящее месиво – словно в огромном котле кипела шоколадная масса.

Собака шла рядом, постоянно глядя в мою сторону, будто соглашаясь с выбранной дорогой.

Сквозь пыльную мглу, разрывая ветер, послышался конский топот и истошный, резкий крик наездника:

– Шамал! Чон Шамал!² Это ураган идет! Большую беду несёт!

Собака остановилась, подняла вверх морду и залаяла. Она лаяла с хрипом, захлёбываясь задувающим ей в рот ветром.

Всадник резко остановил коня и, указывая камчой назад, прокричал:

– С Талдыка идет буря ещё страшнее. Уходи куда бог даст: в пещеру или кошару, – и помчался галопом, стараясь обогнать надвигающуюся беду. Я стоял и слушал об опасности. Подумалось: «Что ещё может быть мощнее того, что есть сейчас?» Собачий лай усиливал восприятие беды.

– Вперёд, за мной, – крикнул я собаке, которая, воспитываясь у киргизских юрт, вряд ли поняла мою команду на русском языке, и побежал к палаткам.

В лагере суматохи не было. Каждый знал своё дело. Здоровяк Валера-гидролог таскал двухпудовые камни и приваливал ими полога палаток; Роман – тщедушный завхоз – натягивал вторые верёвки растяжек на дополнительные металлические кольца, которые вбивал геофизик Иосиф, играя десятикилограммовой кувалдой, словно чеканщик медным молоточком.

Ветер нес мелкие камешки, которые, ударяясь в тело, жалили словно осы.

– Там, на Кызыл-су, вообще кошмар творится. Первый раз видел шторм на реке. Тем более, на горной, – прокричала я, стараясь этими словами придать значимость надвигающемуся урагану.

Но его не нужно было представлять в виде ветра, плещущегося водичкой из горной речки. Он уже во всей красе куролесил по долине.

² Шамал! Чон шамал! (кирг.) – Ветер! Большой ветер!

В палатке завихрялась пыль. Брезент с наветренной стороны надулся парусом. Боковые деревянные столбы вздрагивали в такт амплитудам шквала, словно битые электрическими разрядами.

Вдруг конвульсии и содрогания палаточного каркаса начали стихать. Брезентовые стенки замерли и обвисли. Пыль, перестав крутиться, зависла обездвижено и начала невидимо опускаться на пол. Ветра не стало.

Валера выглянул за полог палатки и сказал:

– Что за чертовщина. Ветра будто не было, все вокруг прояснилось.

Звуки замерли. Всё вокруг затаилось. Даже шум реки как-то стих и куда-то спрятался. Только почему-то собака тявкала и отбегала в сторону. Подходила к палатке и, вновь тявкнув, убежала на открытую поляну, словно звала за собой.

Вдруг мелкой дрожью зазвенела посуда. По поверхности воды, стоявшей в ведре, волнами прошла рябь. За палаткой послышался треск, будто рвалась сухая невыделанная шкура коровы.

– Что... что, это? – Роман засуетился.

Качнулись палаточные стойки. Газовый таганок подпрыгнул и слетел с ящика, опрокинув кастрюлю с кашей. Посуда дребезжала. Выла собака.

– Землетрясение! Бежим! – закричал Иосиф.

Бежать из палатки не было смысла – это не дом – не обвалится. Но инстинкт самосохранения сработал. Все бросились к чистой поляне, где сидела собака и, задрвав голову к небу, захлебывалась лаем.

– Смотрите, камни пошли! – закричал Валера.

От самого гребня скалы, которая уходила серой вертикалью в небо, вначале послышался дробный перестук резких щелчков, а потом мы увидели клубы каменной пыли и тёмные шарики осколков, пикирующих вниз чёрными нарастающими точками. Первые посланцы с неба рухнули с резким бульканьем в воду. Некоторые, более мелкие, долетели до палатки. Но прочный брезент военной палатки только слегка дрогнул, словно лошадь повела кожей, отгоняя назойливых слепней.

Земля ещё дергалась, и ещё один кусок отвалился от вер-

шины. Он повисел мгновение в раздумье – «падать-не-падать?» и полетел, рассыпаясь на клочья, вниз.

– Этот грохнетя серьёзно, – сказал Валера, – нужно уходить.

Пока мы отбегали в сторону, первые куски с пушечным громом, брызгая свистящими осколками, посыпались на прибрежные камни и в воду. Запахло паром и окалиной. Каменная пыль, поднятая взрывом падения, быстро осела. На свежих, девственных сколах, впервые обнажившихся за миллионы лет, были видны яркие нити «сухожилий и вен» других минералов, вкрапленные в камень, когда он был ещё жидким.

– Смотрите! А, там... – закричал Валера и указал в сторону хребта.

Со всех вертикалей Ачик-Таша, на 120-километровой его длине, сходили лавины. В белой снеговой пыли, будто поднимающейся с земли, блестело солнце. Вскоре, прорывая огромную даль, прессуя шум реки и запоздалое громохание камней, долетел раскатистый гул, который медленно вдавился в ушные перепонки и долго не затихал, метаясь по всей Алайской долине.

– Вот это красота! – воскликнул Роман.

– «Кровавая» это красота, - перебил его Валера, - не завидую тем, кто сегодня на восхождении. Вряд ли кто вернётся назад. Если только везение поможет или Господь Бог – они там к нему ближе...

Но не помогло: ни везенье, ни Бог. На второй день мы узнали, что стихия предпочла довольствоваться женщинами. Спускаясь с пика Ленина, погибло восемь прекрасных альпинисток Советского Союза. Они не смогли преодолеть «сейсмологический барьер», который убил их.³

Памир. Алайская долина.
07 августа 1974 год.

³ Впоследствии, прочитав в книге В. Шаталина «Категория трудности» о гибели альпинисток, которыми руководила его супруга Эльвира Шаталина, стало ясно, что легенда о «землетрясении, погубившем восемь спортсменок», противоречит правде. Они замерзли, застигнутые ураганом, сразу после спуска с вершины.

Соломенный идол

Земля и небо уравнились в цвете: север и юг, восток и запад стали серыми и тоскливыми. Будто какой-то злой озорник швырял в нас горстями просоленный горький песок, который вызывал жгучую дергающую боль в глазах. Только «Соломенный идол», который стоял на вершине бархана, выделялся бесстыдной белизной обнаженного тела. Песчинки, несущие ветром, царапали о соломенное тело, сплетенное из тугих жгутов чия. Мелкая пыль забивалась в щели. «Белый болван» тяжелел с каждой горстью песка, вдутого в него свирепым, горячим ветром. Его неизбежность казалась вечной. «Соломенный идол» и человек, который его изваял, знали, что каждый шквал ветра выдергивал из его тела по несколько соломинок. А шквалов было много, даже очень много для хрупкого соломенного тела необычной скульптуры, возвышающейся на вершине песчаного бархана.

Эту соломенную куклу мы сотворили всей экспедицией сразу по приезду и прозвали ее «Соломенным идиолом», чтобы внести какое-то разнообразие в унылость пустынного пространства. А теперь идол будет служить и ориентиром, нашей отправной точкой в сторону поиска уреза воды умирающего Аральского моря. Я пишу «поиска» потому, что так принято: мы забили первую точку в том месте, где двадцать лет назад начиналась водная гладь. А последний колышек нужно будет воткнуть в том месте, где мы найдём агонизирующее море. По предварительным прикидкам до него километров сорок.

Мы двинулись по дну бывшего моря. Начиная от «Соломенного идола», – строго на Северо-запад. Нам предстояло идти по азимуту в 225 градусов, измеряя расстояния пятидесятиметровой стальной лентой, с забиванием колышков, по которым также исчислялись высотные отметки. Ничто не могло помешать нам свернуть с прямого, как натянутая струна, маршрута. И идти до тех пор, пока не упрусь в кромку живой воды. Скорость нашего движения, естественно, была быстрее высыхания моря и поэтому на встречу с водой готовились через четыре-пять дней.

Соломенный Идол был виден долго. Бывшее дно шло с равномерным уклоном. Только нанесенные ветром небольшие барханы ломали гладкую поверхность гигантского пляжа.

Наша экспедиция была организована согласно Указу президента Российской Федерации от 4 февраля 1994 года за №236. Она не была сугубо научной и финансировалась институтом «Среднеазгипроводмер», что включало в себя: доставку до места, снабжение продуктами и водой, а также обеспечивало наше возвращение к месту отправки – городу Ош в Киргизии. В нашу задачу входило: измерение базиса по высохшему дну Аральского моря, определение высотных отметок через 100 метров и зарисовка ландшафта бывшего дна по 200 метров в каждую сторону от нашей трассы.

Эта «великая авантюра» была частью программы «Спасение Арала», созданной при участии шести государств: России, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении.

Наша экспедиция ничего нового не давала – всё, что мы должны были сделать, было уже известно из газет и журналов. Но я благодарен этому случаю, который помог мне прикоснуться к «великой человеческой трагедии» и внести свою каплю воды в иссушенную землю Аралкума. Неплохим подспорьем на нашем пути служило письмо, составленное на фирменном бланке института «Среднеазгипроводмера» и подписанное шестью президентами: России, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, а также министрами МВД и Водного хозяйства. Даже его ксерокопия вводила в трепет ГАИшников и способствовала нашему беспрепятственному продвижению по четырём республикам, которые, раздираемые революциями, отчаянно делили границы; выгоняли иноверцев; меняли алфавит и валюту; дрались за клановость и президентство. Кордоны, блокпосты, патрули и военные разъезды беспрепятственно пропускали нас при предъявлении этого документа. Нам помогали доставать горячее и продукты. Однажды, недалеко от г. Чкаловска в Таджикистане, нас сопровождал БТР с солдатами по территории, занятой бандой националистов. В Азии знают цену воде – и каждый считал, что спасти море – это подвиг. И все думали (и мы сами – тоже), что наше появление на его берегах сможет повлиять на положительный исход Аральской трагедии.

Весь путь почти в две тысячи километров, до города Нукуса, мы преодолели за четыре дня. В дороге было много жары и

пыли. Иногда останавливались у зарослей камыша на реке Аму-Дарья. Ловили рыбу, купались – заставляя тело вспоминать прохладу и чистоту. Река несла невообразимую массу воды в Арал, а ее растаскивали по каналам и арыкам на всём её протяжении. В недоступных местах, где берега стояли высоко, огромные чигири, так похожие на аттракцион в парке «чертово колесо», в бесконечном вращении, черпали, будто нескончаемую, воду. Трудно было представить, что все-таки дошедшие до устья остатки воды бесполезно пропадают в бездонной «прорве» – в безжизненном соляном сгустке, который как будто был очагом поражения. А лекарственная подпитка, в виде Амударьинской воды, уже не действует, а лишь продлевает агонию моря.

Ни одно озеро или море мира не имеет столько споров из-за своей загадочной истории. Совершу небольшой экскурс, попробую сжать до нескольких страниц «великую полемику о море» и попытаюсь снять, хотя бы частично, обвинения с людей, построивших многокилометровые каналы, и превратившие пустыни в сады.

Европейцы до XVIII века даже не подозревали, что среди выжженных пустынь Евразии лежит огромное море. Карты, составленные Птолемеем во II веке н.э., показывали реки Окс (Аму-Дарья) и Яксарт (Сыр-Дарья), впадающие в Каспий.

Но сейчас, по истечении почти двух тысячелетий, оспаривать великого ученого несерьезно, тем более, что существует устойчивая теория, что Аму-Дарья питала Сарыкамышское озеро (ныне высохшее), а оттуда по руслу реки Узбой (ныне сухого), утекала в Каспий. Благодаря каким-то катаклизмам она отвернула и начала заполнять Аральскую котловину, образовав море.

Возможно, 3500 километров оросителей, построенных человеком и забирающих Аральскую воду на поливы, и сделали своё «черное дело». Большие каналы стали строить в начале прошлого века, а до 1960 года море оставалось стабильным. Может быть, какой-то лишний кубокилометр воды, который начали забирать в 1961 году, и стал «критической точкой», как бабочка, севшая на штангу волка в известном мультфильме «Ну, погоди!».

Если в гибели Арала повинен человек – значит, доля вины

лежит на каждом, живущем в бассейнах рек, питающих море. Если, к примеру: ты стоишь в пустыне, мучимый жаждой у кромки ручья с прохладной водой, и услышишь голос: «Не пей! Стакан воды, выпитый тобой – погубит море!». Что сделаешь ты, мучимый жаждой? Не выпьешь? Просто подумаешь: «Ну как, выпитые мною несколько глотков воды погубят целое море?». Так подумали четыре миллиона человек.

Но не надо всё валить на людей: есть серьезные геологические и археологические доказательства того, что подобные пересыхания Арала случались и в прошлом. За последние 1000 лет море пересыхало и заполнялось не менее трёх раз. Возможно, мы свидетели глобального катаклизма природы – исчезновения моря.

В 2002 году, когда остров Барса-кел-мес стал полуостровом, недалеко от него, на бывшем дне, было найдено древнее поселение с остатками каменных строений, рвов и валов вокруг посёлка. Что самое интересное, когда туда приехали ученые, они под слоем песка обнаружили останки людей и животных, погибших в одночасье. Найденное поселение сразу получило имя – Аральская Атлантида. Это, скорее всего, город Робат-Тагон, о котором последний раз упоминает летописец Хорезмского шаха в XII веке.

Существует также геологическая теория о тектоническом разломе земной коры и перетеканию воды из Арала в Каспий. Причем, к причинам этого разлома относят исследования с бактериологическим оружием, которое проводилось на острове Возрождения (но об этом чуть позже).

Из рассказа нашего проводника Сабыра: «Я жил тогда в посёлке Уялы, который находился на острове. Однажды мы проснулись и не увидели моря. Оно за ночь отступило метров на двести. Обезумевшие люди схватили лопаты и начали рыть протоки, чтобы вернуть воду. Но она уходила быстрее, чем строились каналы для лодок. Потом люди только плакали и ходили к своим судам всё дальше и дальше. Через три года остров соединился с материком. А когда высох пролив, рыбаки собрали пожитки и впервые прошли это расстояние, прежде неоднократно пересекаемое на лодке, пешком».

Не верить Сабыру было нельзя. Этот человек был из наро-

да, для которого ложь и воровство – вещи неприемлемые: здесь просто не умеют этого делать. Значит, ни о каком интенсивном испарении и речи не может быть, просто «открылся клапан» и море стало «утекать». А куда? Этот вопрос второстепенный. Главный – почему и зачем?

Найти горизонталь, по которой проходил уровень моря тридцать лет назад, было сложно. Примерное его местоположение нам показал наш проводник – Сабыр – бывший гидротехник с бывшей гидрологической станции Уялы. Уточнили мы его с помощью нивелировки, методом подбора, так как нам была известна его отметка в 50.400 мм уровня шестидесятых годов. Этой точкой оказалось подножие наносного бархана, на вершине которого и был сооружен «Соломенный идол».

Отсчет шагам был начат 13 августа 1998 года. Наша машина ГАЗ-66, прозванная за созвучие цифр «шестьдесят шесть» – «Шишигой», ушла вперёд для устройства лагеря. При приспущенных шинах, которые приобретали разлапистость вездеходных траков, она спокойно могла продвигаться по сыпучим пескам. Но это при условии – когда водитель это сделает вовремя. До настоящего времени грунт позволял не прибегать к дополнительной возне с колёсами.

Пески вскоре сменились небольшой гористостью покрытой за тридцать лет плешинами кустарников джингила, сурана и саксаула. Заросли были не очень густыми, но работу тормозили серьёзно, так как нам нужно было строго горизонтальное проложение линии, а при встрече впадин или возвышенностей приходилось обходить их, занимаясь дополнительными расчетами.

Машину мы нагнали на восьмом километре своего пути. Она стояла в неестественной позе, высоко задрал задний борт, словно утка, ищущая на дне песчаного омута съедобных червячков. Передний бампер был полностью погружён в мелкую солончаковую пудру, припорошенную сверху песком, по цвету не отличающимся от остального, более плотного грунта. Водитель безразлично, словно он каждый день проваливался в такие ямы, лежал под задним бортом.

– Если бы знал, приспустил бы шины. Теперь придётся потеть, – проворчал он, – рюхнулся, словно в болото.

При помощи лома прощупали границу ямы. Это оказалась ложбинка шириной метров тридцать, заполненная солончаком. Нам вполне хватало пятидесятиметрового троса, чтобы самим вытащить лебёдкой машину на прочный грунт. Это при условии – если на границе ямы росло бы дерево или стоял телеграфный столб. Вокруг нас, вплоть до жёлтого горизонта, лежала песчаная пустота, за которую не зацепишь лебёдочный крюк. Спас нас шнек от буровой установки, каким-то чудом завалившийся в кузове. Трое откапывали машину, а двое закапывали на двухметровую глубину шнек с прикреплённым к нему тросом.

Мучительное освобождение машины заняло время до полуночи. Но какое это было ощущение радости, когда преодолевается трудность – созданная самими же. «Шишига» вытянула себя на более прочный грунт. Было принято решение: оставить машину и двигаться без её помощи. Что нас ожидало впереди – никто не знал. Пустыня – край печальных сюрпризов и встретить солончаковую яму шириной в сто метров вполне реально.

Теперь водитель должен был утром идти с нами, а вечером возвращаться к машине. Ночевать, а утром нести нам в рюкзаке: 15 литров воды и 25 деревянных колышков для обозначения трассы, которые мы делили на четыре части, и их получалось – сто. Ровно на десять километров пути. Ежедневно его путь увеличивался на десять километров в одну сторону. Если раньше водитель Сашка даже в нужник ездил на машине, то нынче с двадцатикилограммовым рюкзаком он совершал ежедневный подвиг – проходил десятки километров под палящим солнцем. Он безропотно выполнял роль поставщика жизненно необходимого продукта. Даже один день без воды мог стоить нам очень дорого.

Чем дальше мы «углублялись» в бывшее дно, тем яснее в мозгу откладывалась мысль: «Ведь здесь было – море!». Ночью, если не шумел ветер, в темноте и покое слышались шелест волн и плеск рыбьих хвостов. Эти слуховые галлюцинации преследовали всех. Но были ли это – галлюцинации? Возможно, многовековые звуки записались на «карту памяти» вечности? Довершали беспокойство думы о бренности и беспомощности всего живого.

«Соотечественники! Страшно!» – Гоголевский вопиющий возглас слышен отовсюду. Люди! Не мешайте природе! Пора её

не покорять; не брать, не отбирать у неё богатства, а понимать её и пользоваться минимумом её даров; идти параллельно с ею выбранной дорогой. Она всё просчитала, до мелочей, снивелировала до миллиметров, уравнивала до граммов. И уверен я, что растёт где-то травинка-былинка, которая вылечит рак, а другая уничтожит СПИД – только нужно найти её, а это удел самих людей. Если есть больной олень – значит, для него есть голодный волк, который его уничтожит. Если существует быстрорастущая морская ламинария – для неё, пожалуйста – морская королева (они истреблены и поэтому зарастают моря). Нет в природе чего-нибудь случайного, ненужного, не так и не там созданного. Кто мне назовёт хотя бы единственный экземпляр ненужного никому растения или животного? Или речку, текущую не там, и не туда?

Возможно, бедуину из Сахары хочется, чтобы рядом протекала Волга? Но тогда он перестанет быть бедуином, а станет жителем средней полосы России.

В этих краях была нарушена «Хартия Земли» – это пренебрежение кодексом поведения людей по отношению к Земле, на которой живут. И Арал начал мстить за свою гибель: песчано-соляные бури стали частыми и убийственными; солёные дожди не несли отраду живым, и даже в ясные, безветренные дни искрились в воздухе мелкие кристаллики соли, которые окутали пространство в тысячи километров вокруг белесой мглой. Страдало не только местное население, которое убывало ежегодно, но и люди, живущие за 500-600 километров от места трагедии, куда ветра несли перенасыщенный щёлочью воздух.

Просыпались мы с тяжёлой головой и сухими запавшими глазами, в которых мельчайший песок вызывал царапающую, слезливую боль. В предрассветных сумерках, по размазанном чертам лица можно было определить настроение и желание работать. Принудиловки у нас не было, в эту экспедицию были отобраны добровольцы: водитель – Сашка, бывший испытатель танков из-под Чирчика, два рабочих-мерщика – Сергей и Колька – бесшабашные кутилы, которые ради хорошего заработка готовы на любую работу. Проводник – Сабыр, бывший рыбак и гидротехник с бывшего гидропоста «Уялы», был принят на месте и, с удовольствием согласился на временную работу проводником и хо-

зьяйственником. Именно сейчас, в безводной пустыне, его две профессии – рыбак и гидротехник, были нужны как бедуину ласты. Наивное ожидание возвращения моря, в первые годы, сменилось отчаянием, и многие жители рыбацкого посёлка ушли на материк к родственникам пополнять армию безработных. А для Сабыра возможность заработать была большой удачей.

Ближе к обеду становилось невмоготу проходить открытую пустыню под вертикальными лучами солнца, от которого не было тени. Натянув на вешки брезент, мы ныряли под него, и каждый выкапывал себе, под свой рост, неглубокую прохладную «могилу» и заползал в неё, лежал молча.

Чем дальше мы уходили от соломенного идола, тем реже попадалась растительность. Ещё встречались кустики чёрного саксаула – растения без листьев. С его измученного ствола свешивались длинные зелёные веточки, тонкие, как велосипедные спицы. Они висели обречённо целыми кучами, словно пряди нечёсаных и немытых волос. Однажды встретилась редкая сюзень – песчаная акация. Её корявый ствол был ошетилен колючками, в середине которых, будто приклеенные шутиком, жили по два узких длинных листочка, покрытых серебристо-шёлковым пушком.

Часам к семи вечера солнце начинало падать за горизонт, удлинять тени и остывать. Работа продолжалась до глубоких сумерек. К концу дня в затылке ощущалась тупая, неотвязная боль, будто кто-то давил на темя сильной, горячей рукой.

День заканчивался тревожным и печальным закатом, который перерезали подозрительные тёмные полосы висящей в небе соляной пыли. Даже в безветрие, она каким-то способом умудрялась подниматься вверх и искриться в горячем воздухе, будто зимняя изморозь. В её белесых разрывах, словно полоснутые ножом, зияли кровавые краски затухающего дня. В темноте разжигали костёр; подпитываемый припасёнными саксаульными ветками он горел так жарко, будто жаждал живого тела еретика. В ночи, в чёрной выси, выплывали раскалённые за день звёзды. Они висели в такой глухой тишине, что вздрагивали даже от треска костра, полыхающего в песчаном безмолвии.

Утром начиналось всё сначала. Казалось, что только мы и есть живые существа на раскалённом пространстве планеты. За первые дни встретили несколько зайцев-талаев, заторможенных

черепях и юрких ящериц, спасающихся от жары на стволах саксаула. На третий день вместе с растительностью перестали встречаться даже птицы.

Вода в пластиковых флягах нагревалась до такой степени, что жгла губы. Пахла чем-то немывтым, но и она была в радость. Пустынное однообразие угнетало. Каждый шаг приближал нас к конечной цели, оставляя позади невыразительные, монотонные километры унылых песков и тоски.

На исходе четвёртых суток, уже в ночи, когда мы заканчивали четвёртый десяток километров, подсвечивая фонарём шкалу делений на нивелирной рейке, позади нас, из-за чёрного горизонта, по небу полоснули лучи яркого света. Это было так неожиданно и жутко, что мы сразу не сообразили: откуда они могут исходить, если в радиусе пятидесяти километров, кроме нас, никого нет. Только Сабыр – знаток пустыни, спокойно сказал:

– Это, Сашка! Надоело ему ходить пешком – получил урок! Через час будет здесь.

И в подтверждение его слов, словно совиные глаза в брызгах лучей, показались два выпученных, ярких зрачка фар. Было заметно, что Сашка ехал медленно, часто сворачивал, объезжая подозрительные места. Машина шла тяжело, натужено, словно вклеиваясь разлапистыми колёсами в ненадёжный песок.

Как и предположил Сабыр, через час Сашка медленно подкатил к нам и радостный выпрыгнул из кабины.

– Всё! Научился я ездить по пустыне – главное не залезать в низкие места, не накачивать колес, быстрее закончить, и вернуться по своему следу, пока не замело.

– Хорошая наука – хорошо доходит через ноги! – усмехнулся Сергей.

– Кому скажу из друзей-шоферов, что при исправной машине два дня ходил пешком по пятьдесят километров, да ещё по пустыне – не поверят. А поверят – засмеют.

– Дальше не гони машину. Вблизи моря может быть трясина, покрытая песком. Проглотит. До моря осталось километров пятнадцать, – сказал Сабыр, – как говорят у русских: «Береженого – Бог бережёт!».

В ночном воздухе слышался еле уловимый запах прохлады, исходящий от невидимого моря.

На пятый день мы вначале увидели густые белые облака, а потом параболическую тонкую нить тёмно-синего цвета, над которой был виден охристый гребешок чинков – плато Устюрт, которое двухсотметровыми каменными отвесами ниспадало с западной стороны моря. Очарованно смотрели мы на глубокую даль, на сверкающий в солнечных бликах овал Земного шара.

– Какое оно огромное! Неужели всё это может высохнуть? – воскликнул Колька.

– Высохло больше, чем осталось, – произнёс понуро проводник, сожалея о потерянном, о чем-то личном и дорогом.

Близость моря немного умерило жаркую прыть пустынного зноя. Прибрежье было покрыто зеленовато-серой потрескавшейся глиной с соляными разводами и походило на ландшафт какой-то фантастической планеты. Дополняли сходство с неземной жизнью ярко-красные кустики солероса (даже название этого растения походило на фантастическое – вспомните «Солярис» С.Лема). В просоленной почве обычное растение не приживается, а это предпочитает засоленные земли. Его мясистый стебель в течение года меняет окрас от зелёного, до ярко-красного. Именно сейчас его небольшие скопления, занесённые неведь какими ветрами и проросшие здесь, смотрелись посланцами другого, неземного, мира. Здесь не нужно было декораций – приходи и снимай любой фильм из Туманности Андромеды. Несмотря на свою экзотичность, солерос оказался вполне съедобным.

За спиной так же оставалась покатаая, солёно-глино-илистая равнина с небольшими провалами: без кустов, без травы. На ней лишь через 3-5 лет появятся первые ростки трав, семена которых принесут сюда буйные ветра. Напят их первые солёные росы и, бог даст, они проклюнутся, приживутся и пойдут в рост.

Когда мы подходили к морю, думали увидеть измождённую, агонизирующую, густую просоленную массу мёртвой воды. Но море было похоже на живое: искрилось в «белом солнце пустыни» и не походило на умирающее. Кромка воды пенилась, и вдоль берега летали белые хлопья. Глиняно-илистый берег засасывал ноги болотистым чмоканием. Пойма словно дымилась кислым, невидимым туманом. От густых, соляных разводов исходил ядовитый,

щелочной воздух. Чтобы добраться до уреза, пришлось разгребать пену, которая пузырилась словно в ушате прачки.

Позади, осталось, 57512 метров бывшего дна. Сабыр забил последний, пятьсот семьдесят седьмой колышек у самой кромки живой воды. Его отметка на 18 августа 1998 года составила 35 метров 836 миллиметров выше уровня Балтийского моря – это означало, что за 38 лет море усохло на 17.564 метра. Выходит, каждый год, в среднем, оно укорачивало расстояние до дна на 2 метра. Осталось жить морю всего ничего. С 2023 года это место станет пустыней, имя у которой уже есть – Аралкум. Переводится это – Остров Песков – «хорошее» напоминание потомкам о нас.

Вдалеке, в море, я увидел продолговатый предмет и пошел к нему. Ноги глубже проваливались в илистое дно, чем над ним было воды. В густом рассоле чувствовалась солёная тяжесть. Волны мусолили окатанное бревно, из которого торчал ржавый, изъеденный солью, кованый гвоздь. Похоже, это была мачта с какого-то старого баркаса. Я согнул гвоздь и попробовал, вращением, его вытащить. Он сломался. На изломе блестел синеватый металл – это было, наверное, последним посланием от весёлых, лёгких лодок, которые когда-то были неотъемлемой частью живого моря. Остальная часть железных гигантов гнила вдоль бывшего побережья – внося грустное разнообразие в унылость пустыни.

Далеко впереди, между пляшущей кромкой горизонта, горбатилась еле различимая бледная полоска зловещего острова. Он то появлялся, а то исчезал, будто призрак среди синих волн. Словно в насмешку, на этом острове с жизнелюбивым именем – Возрождение, в 1949 году была создана секретная база по испытанию бактериологического оружия. Зимой над островом скапливались тяжелые облака и свирепствовали затяжные, злобные бури. Но государство заботилось о живущих там: люди сидели в тепле и в закупоренных лабораториях «выращивали» смерть. Летом же мощные вентиляторы создавали прохладу для нужд работников и главных питомцев – «бацилл смерти». В загонах, где содержались подопытные: ослы, собаки и лошади – климат не улучшали – все должны жить в естественных условиях для чистоты эксперимента. Да и зачем обречённым на мученическую смерть

животным сидеть в благоприятных условиях, если они отдавали свои жизни для изобретения и «улучшения» качественной смерти для других.

В 1992 году полигон ликвидировали и его в спешке покинули жители. Были брошены новые машины и склады с продовольствием, обстановка в квартирах и кабинетах, а так же лабораторное оборудование. Фактически остров был отдан на разграбление. Разворовали всё. Только лабораторные корпуса, где проводились опыты с бактериями, остались нетронутыми. Даже любители лёгкой наживы побоялись проникать на фабрику «бацилл смерти».

Этой базе также приписывается вина в причине обмеления Арала: будто взрывы, что проводились на острове Возрождения, привели к тектоническим подвижкам земной коры и образованию разлома, в который уходит вода.

Может быть... может быть... может быть...

В последний день устроили большой костёр. Приготовили прощальный ужин из оставшихся продуктов. За неимением дров, а точнее – чтобы избавиться от лишнего груза – сожгли в огне оставшиеся колышки, две (из пяти) вешки, рейку, штатив и топориче. Из трёх вешек поставили пирамиду и повесили на неё: три фляги, котелок, чайник и оставшиеся мешки. Это оборудование, так нужное в пустыне, потом заберёт Сабыр, приехав сюда на коне. Особенно он радовался, что ему достанутся фляги – они особенно дороги в пустыне. Он даже собрался их забрать сразу, но руки были заняты. Он пробовал катить их впереди себя, но это было так смешно и медленно, что от этой комической затеи пришлось ему отказаться. Но он боялся случая: вдруг его опередят. И, немного повозившись, открыл топором без ручки яму в приметном месте и закопал своё сокровище.

Утром, налегке, загруженные только спальными мешками, геодезическими приборами мы ушли назад по пройденному пути. Дошли до машины и к вечеру благополучно подъехали к «Соломенному идолу». От него остался только остов – зарытая глубоко в песок деревянная веха и наполовину «исхудавшая» от ветра голова, на которой сохранился один нарисованный глаз.

Прощаясь с проводником и пожимая его жилистую, высушенную солнцем руку, сказал:

– Удачи тебе, Сабыр! Пусть ещё будет в твоей жизни – море!

– Нет! В моей жизни его уже не будет. Если завтра в Арал потекут переполненные реки Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи – понадобится не менее пятидесяти лет, чтобы у моего дома заплескались волны. Но завтра они не потекут. Не доживу! – ответил он так, будто говорил последние слова, поднимаясь на эшафот.

Аралкум,
август, 1998 год.

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

«ПРОШЛОЕ УВИЖУ НАЯВУ...»

Эти слова о прошлом – строка из стихотворения Николая Гумилева.

Автор «нижеследующих» заметок цитирует ее лишь затем, чтобы подчеркнуть реальность прошлого.

Часто ведь авторы предваряют свои повествования словами типа «все совпадения, которые вообразит читатель, случайны, все герои и события вымышлены...» Нет, я, напротив, хочу подчеркнуть: все описанные события происходили на самом деле, все герои – реальные люди и при желании могут подать на меня в суд, и единственный возможный источник неточности – то, что я видел прошедшее своими глазами, а у других свидетелей этих событий мог быть иной угол зрения.

Но это прошлое я видел наяву – оно было Настоящим!..

КАК Я ПОБЫЛ ПОСЛОМ ПАКИСТАНА

Был у меня в юности друг-приятель – веселый, кудрявый студент филфака, охальник, сплетник, зубоскал, сноб, великий знаток советской и антисоветской литературы, позже ставший профессором филологии. Звали его тогда Саша Кацев. Что у него сохранилось от тех лет, не ведаю, но кудри – точно.

И лежал он как-то в больнице. В республиканской, что на углу Московской и Логвиненко (она и сейчас там, и ничегошеньки не изменилось за полвека). И пришли мы, его боевые товарищи, проведать раненого бойца. Товарищи были серьезные – студенты-филологи, молодые журналисты, поэты всякие, художники всякие, отчасти девушки – в общем, духовная элита эпохи.

А тут еще кто-то пустил понт (по-моему, это был нынешний ветеран журналистики Сережа Сидоров), что у Кацули в палате имеется бутылка «Столичной»! Ясно, ему ее принесли без понятия: Кацев вообще не употреблял, но угощал он друзей в своем хлебосольном доме с удовольствием – и, кстати, как бы хмелел вместе с нами. Так что мы были убеждены, что «Столичная» ему в палате была без надобности. Дело было, конечно, не в какой-то бутылке, чего там! Наш друг в больнице, мы его навещаем-посещаем. Но информация всё же призывала к действию.

А идти на дело, по всему, приходилось мне.

Я уже проникал в эту палату, знал служебные ходы и закоулки. У меня был еще один тихий козырь – главврач этого отделения дядя Миша Фридлянд. С моим отцом его связывало некое мужское приятельство – они любили иногда вдвоем под осетринку поругать нашу действительность или на синей фридляндовской «Победе» смотаться за дефицитом... Ну, вот я и надеялся: если попадусь, он разрешит пропустить меня, так сказать, по благу.

Так что наш старшой – белогвардеец-поэт-гусар-журналист-телевизионщик Виктор Попов – сурово и скорбно сказал: «Пойдешь – без языка не возвращайся!..»

Попасть в этот раз в больницу не представлялось возможным. Во-первых, как всегда, карантин, никого не пускали. Но что-то было и особенное – никакой карантин не выкидывал на ступеньки нервно ждущих чего-то дозорных медсестер, пару милиционеров, которые мрачно тусовались в соседних кустах. И какая-то сестричка шепнула: где-то недалеко заболел какой-то иностранец – якобы посол из Пакистана, его везут сюда. В те годы слова «посол из Пакистана» могли означать все что угодно, хоть «Папа Римский с Марса», мы живых их не видели дальше ГДР.

В общем, в отделении больницы имелась заметная напряженность.

На мне, помню, был черный эффектный свитер (за которым мать простояла в очереди полдня), а на груди – ясно видимый на черном фоне – болтался на железной цепи старообрядческий серебряный крест, домашняя реликвия. Это было модно, мы самовыражались.

Посла никакого пока еще не было, и слава Богу...

Я удачно с первого разворота прошел вход, заглянул в ординаторскую, снял с вешалки чей-то белый халат, накинул на плечи и, неслышно ступая, открыл дверь в палату друга. Когда незнакомая юная атлетическая медсестра увидела меня, она уже было зарычала – но тут ее глаза уперлись в крест у меня на груди, потом закатились под лоб, лицо вытянулось, она встала руки по швам. Я догадался: я – Посол Пакистана – и милостиво кивнул ей, а ее стремительно вымело за дверь.

Вся эта пантомима длилась, ну, пару секунд. Мужики в палате, уже знавшие меня, ошарашено молчали. Кацев – тот просто вылупил глаза. Надо было объясниться: я ткнул пальцем себя в грудь (в крест) и сказал сурово: «Посол Пакистана!» До всех дошло, заржали. Потом мы беседовали, я напряженно думал, как бы помягче – пока не отловили и не выперли – перейти к вопросу об имеющейся в палате и бесполезной для всех бутылке.

И тут по коридору, стремительно нарастая, прокатилась буря: во главе табунка врачей и сестер влетел профессор Фридланд – энергичный, компактный, похожий на невысокий очкастый и кудрявый сейф.

– Хде!? Хто!? Этот, что ли, посол!? Щас ему покажу посла! – одна крепкая рука хирурга дяди Миши взяла меня за цепь креста и как бы подвесила, а вторая – прихватила за ухо, и обе эти руки потащили меня к выходу под громовой хохот больных, собравшихся в коридоре на крики профессора, чтобы увидеть живого пакистанского гостя. Уже в конце коридора, не ослабляя хватки, дядя Миша рывнул: «Паш-шёл отсюда, посол прохладной жизни, вот отцу расскажу!»

Как вдруг добрый дядя Миша странно осёкся – и хватка его ослабла.

Перед нами, в темном коридорном перекрестье, опираясь на чьи-то плечи, стоял высокий, ужасно темнолицый и ни на кого не похожий человек в странном костюме, в каких-то белых штанах, похоже, сшитых из больничных халатов. В полутьме болезненно блестели его огромные глаза...

...Про бутылку я тогда и думать забыл. Может, ее и вообще не было?

КАК Я ВОРОВАЛ НЕВЕСТУ ДЛЯ ОДНОКУРСНИКА

У каждого человека, если он учился после школы, бывают однокурсники. У меня их много – один другого лучше. И вот один из нас (не стану называть его) задумал жениться. С общечеловеческих позиций дело несложное, но киргизу в Кыргызстане для этого требовалось ни много, ни мало – украсть невесту. Между прочим, прекрасный обычай!..

Часто были, конечно, кражи «по договору». Но у нас был явно не тот случай...

Невесту мой товарищ подыскал себе в одном девичьем вузе, носившем тогда имя великого советского поэта. Вход туда лицам мужского пола был не то чтобы ограниченный, а вообще никакой. Да и попробуйте похитить человека из студенческого общежития советского образца: это легко только на словах.

Вот тут-то понадобился лично я. Будучи немножко с самых школьных лет при журналистских делах, я имел красную книжечку газеты «Комсомолец Киргизии». Сколько хороших людей спасла эта моя книжка от вытрезвителя или задержания за драки! И вот теперь я шел с этим удостоверением, имея специальное задание: (а) пройти на свирепо охраняемую территорию Женпединститута, (бэ) отыскать в общежитии девушку Бурул в комнате № (не помню), (вэ) под предлогом интервью для газеты выманить ее побеседовать на бульвар Дзержинку, где к тому времени будут стоять две машины, (гэ) помочь засунуть ее в одну из машин и (дэ) драпать вместе со всеми.

Однако пошел. Пропустили. Встретили с благовоспитанной настороженностью. Когда предъявил удостоверение еще раз, все успокоились и приняли почтительно деловой вид. Мне бы Бурул – есть мнение статью о ней написать. Ух ты!.. Когда же достал из кармана блокнот и импортную яркую шариковую ручку (имидж был продуман) – на лицах охраны добавилось комсомольской принципиальности и толерантности.

Выходит Бурул. Здравствуйте. Вижу, девушка ой не маленькая. А товарищ мой – как я, невелик ростом. Думаю: где он такую статую откопал, мало мелких, что ли, она ж его одной рукой накроет! Однако деваться некуда. Беседуя на тему статьи – как идет учеба, кем хочет стать после окончания, какие люби-

мые советские писатели, любят ли нашу родную школу, стали прогуливаться. Туда-сюда-белинский-чернышевский... Незаметно дошли до железных решетчатых ворот (они, по-моему, те же и сейчас стоят). Говорю: давай погуляем по аллее. Смущенно согласилась. Продолжаю атаковать беседой, вопросами, отвлекаю. Вот машины. Приоткрываются двери. Хватаю ее на плечо, тащу через газон, чуть не падаю. Она еще ничего не сообразила, но ясно: если сообразит – придушит меня, как курёнка.

Но вот тут парни выскочили из машин, а у дамы прорезался голос – ух, как она заорала! – но её уже в салон и ходу! Поехали не то в Сокулук, не то в Карабалту... Езды час, а крику на полжизни.

Чего там было, на этой национальной свадьбе, я не видел, потому что все мы, парни, отведены были в другой дом по соседству, там дружной толпой, с местными же джигитами, капитально приняли на грудь, побратались, а потом поехали обратно в столицу, к своим девушкам, которых не надо было воровать...

По поводу этого события у нас долгое время было чувство исполненного долга. И лишь спустя немало лет я узнал, что всё в тот вечер перепуталось, и могла выйти совсем невеселая история. Дело в том, что в той студенческой комнате жили две Бурул.

И по закону бутерброда ко мне вышла вовсе не та Бурул. И в такси я упёр не ту, понравившуюся моему товарищу девицу, а ту, которой он в глаза не видел. Но откуда все мы могли это знать?!

А потом разбираться было поздно: девицу уже приволокли...

Что ж, скажете вы, сколько горя принесла эта ошибка!

Ни фиги! Они были счастливы с первого дня. И счастливая пара эта – давно уже дед с бабкой, у них четверо детей и море взрослых внуков. Меня всячески привечают, но уже не помнят, что я кого-то перепутал и привез не тот товар. По-моему, они сразу об этом забыли. И помню обо всем только я один. Поэтому и не раскрываю имени моего товарища.

Да здравствует киргизское воспитание и национальный культ семьи!

Совет да любовь!

КАК Я ЧИТАЛ ФИЗИКАМ ЛЕКЦИЮ ПО ФИЗИКЕ

В Пржевальском пединституте (ныне это город Каракол и Иссык-кульский госуниверситет, но это дела не меняет) имелся огромный факультет русского языка и литературы, а в 1971 году, когда меня, выпускника филфака, направили туда юным преподавателем кафедры литературы, там собралось пестрое и по-своему блестяще общество... Уже никогда судьба не сведет (как это сделал Минпрос СССР) «на берегу океана по имени Китай» молодых филологов из Москвы и Ленинграда, Саратова и Воронежа, Барнаула и Алма-Аты и черт-те-еще откуда. Питомцы разных вузов с разными традициями, они были не похожи друг на друга, и это несходство притягивало их друг к другу...

Вы знаете, что такое первая лекция? Это даже вам не первый урок с парой десятков безобидных детских мордашек – это полторы сотни упругих девиц со спокойным знанием жизни в глазах, направленных на тебя и только на тебя... А ты сам еще вчера студент и первый раз выпорхнул в далекий город от осточертевших папы с мамой. И это, чтобы знали, вводная лекция курса «Введение в литературоведение»...

Хищный блондин из Воронежа Федя Пыльников потом расхаживал по маленькому городу Пржевальску, где и было только два больших здания – пединститут и обком партии – и с наслаждением живописал всем желающим и нежелающим, как молодой Шаповалов с перепугу перепутал аудиторию в расписании, примчался, взволнованный, и первую свою лекцию на едином дыхании вычитал физикам – и те всё поняли, только не поняли, о чем лекция, но лектор парниша ничего, а при чем тут литература?..

В скучном городке под эту историю выпито было немало.

Как водится, всячески пересказываемая и поддерживаемая гнусная эта версия дошла аж до ректора.

Но, по закону глухого телефона, содержание ее невероятным образом мифологизировалось. И вот ректор на заседании большого ученого совета совершенно серьезно отметил опыт молодого преподавателя Ш. по внедрению практики межпредметных связей, интеграции знаний и т.п. – и прочитанная физикам

лекция по литературоведению стала положительным примером в вузовских отчетах.

Я же был трактован сокафедриками как великая шельма.

...Но, блин, не были эти студенты физиками, клянусь!

Это были филологи, и была паутинка понимания, которая повисает только между своими...

Одного не могу понять: почему с этого же первого учебного дня физфаковские третьекурсники со мною здоровались дружно, доброжелательно, хором. Из филологов – вообще со мной одним...

МОЙ ПЕРВЫЙ ЗАЧЕТ

Приходилось ли вам принимать зачет?..

Нет! Такой зачет, как его принял я в первый раз, на расвете моей университетской работы, вас миновал. А уж если было...

Четвертый день января 1971 года. Маленький Пржевальск, с его мощной и хитрой аурой опиумного городишки: дурной мак сеять еще не запретили. Летом в воздухе реет что-то неуловимо латиноамериканское. А сейчас, зимой – всеобщее безлюдное постновогоднее похмелье населения. Промерзшая, нетопленная (кто же станет уголь жечь в каникулы!) школа имени Горького, арендованная пединститутом. В классе – полсотни заочниц, учительниц русского языка, разместившихся на десятке, не больше, детских парт. Мужчин нет. На молодых лицах смесь агрессивной озабоченности сессией и, видимо, слабенькой надежды хоть как-то отвлечься, пока мужья далеко и приставлены к детям.

Вхожу. Здравуюсь. Водружаю на учительский стол огромный портфель, на дне которого сиротливо зябнет маленький советский бумажный рубль: это все, что осталось у меня до аванса. Кроме сигарет, жрать нечего.

Достаю и раскладываю билеты для зачета. Предмет – теория литературы. Начинают прятать глаза – это те, кто подготовил шпаргалки.. Первыми подходят пятеро самых спокойных –

это те, кто учил... Коварно разрешаю пользоваться конспектами. Лихорадочное шушряние.

Первым садится отвечать – боги, как его не заметил! – старик лет шестидесяти, киргиз, спокойный, доброжелательный, как все киргизские старики. На периферии в 70-е годы еще много таких – и они в работе сто очков дадут молодым местным карьеристам.

- Аксакал, - вежливо говорю, - вы уже готовы?

- Сынок, я давно готов, - философски отвечает дед.

- Ваш вопрос?

- Сынок, у меня про сюжет.

- И что же такое сюжет, дайте определение.

- Сюжет, сынок, это слово французское, - с достоинством говорит аксакал. Оп-па, ай да дедок! Пойдем дальше.

- А вот что же такое в сюжетной организации фабула?

- Фабуля? Фабуля – это сюжет.

В полном восхищении я торжественно выставляю «зачтено»:

- Работаете еще аксакал?

- А как же, сынок! Пириподаю!

Мы расстаемся, довольные друг другом.

Первый зачет расслабляет аудиторию. Глаз уже не прячут, оглядывают нового преподавателя. Много красивых. Староста обеих групп – это особый тип людей в заочной массе! – дама баскетбольного сложения и с тестостероном в глазах, хмуро оглядывается на сокурсниц, шепоток умолкает.

– Ну, готовьтесь поактивнее, девушки! - я встаю, достаю сигарету и иду в учительскую перекурить. За моей спиной аудитория расслабляется совершенно. Я уже полгода работаю на кафедре, не что чтобы ас, но изучил немудреные поведенческие коды заочниц: сейчас они будут меня тестировать, легонько охмурять, прикидывать чуть ли не на будущие сессии. Времени впереди много.

Ах вы, тёлки, злюсь про себя, уверились, что я сейчас выдам вам такое же человеколюбие, как этому старичку, который должен зимой переться на сессию по зимним дорогам Тянь-Шаня, чтобы завтра его не уволила какая-нибудь комиссия! Старенькому чудесному дедуле-киргизу, который на русском языке

рассказал мне про французское слово «сужет»?! Щас...

Возвращаюсь, покуривши. Слушаю фразы из своих осенних лекций, которые они мне читают, не трудясь поднять глаз от тетрадок – а конспектов всего-то ничего на всех, и их под партами передают друг другу. Ладно. Начинаю чуточку уточнять. Через пятнадцать минут четыре незачета. Начинаю озабочиваться: что делать, если все они так ответят? Когда им пересдавать? Когда мне принимать хвосты?!

Опять иду курить и звонить моему старшему - декану. Телефон не работает.

За спиной деликатно покашливают. Староста.

– Вичславаныч, чего нам париться полночи-то? Девчонки очень просят, пожалейте их! – и пододвигает ко мне общую тетрадь, внутри которой что-то выпирает.

Беру тетрадь, открываю, стопка пятирублевков, этак на пару моих зарплат. Представляю, что вернусь сейчас в класс из учительской – уже купленный с потрохами. И с удивлением понимаю, что взять этих денег не могу. Матерю себя последними словами, но отодвигаю тетрадку и говорю: - Это потом...

Иду в класс. Говорю: - Зачетки мне на стол, стопками, аккуратно!

В воздухе разливается нежность и всеобщая удовлетворенность. Мало надо для счастья. Вот они, зачетные книжки.

Достаю свой многострадальный рубль, чтобы не потерялся, прячу в карман. Распяливаю зев портфеля и валом ссыпаю туда зачетки. Девы в удивлении. И тут я им говорю спокойно: – Девочки, всем завтра в девять-ноль-ноль быть у ректората.

И хочу выйти. Отчаянный женский многоголосый вопль. Толпа припирает меня к стулу, я понимаю, что не уйти. И тут меня прорывает. Но почему-то я не могу сказать ни слова, просто мы смотрим друг на друга, и всё. Вываливаю зачетки из портфеля, беру пальто, шапку и ухожу в рабочую общагу, где мне, молодому специалисту, по столичному благу выделили тоскливое койко-место для жизни. На ходу уже бросаю: - Завтра в обед на кафедре.

Наутро прихожу на кафедру. Володи Глебова, заведующего, нет: на совещании у ректора. Шкурой чую за спиной внимательные взгляды. Приходит завкафедрой, почему-то приятно взволнованный, отводит меня в сторонку и говорит мне:

- Слушай, тебя проверяли, кто-то наблюдал. Поздравляю, уже знают, что ты не поддался на провокацию, отказался от взятки. Молодец, я так и думал про тебя... Работай спокойно.

А я в этот момент некстати вспомнил про тот последний рубль: забыл его в общаге, вечером его уже не обнаружилось, ужинал в этот день дома у декана Валентина Янцена, доедали остатки новогоднего стола.

...Я еще полтора года что-то читал у этих заочниц. И мне кажется (или все-таки кажется?), что никто и никогда больше не относился ко мне с таким теплом и непринужденностью, как эти полсотни молодых веселых баб. Даже, кажется, романы были...

Можно по-всякому решать учебные проблемы – видит Бог, буква закона часто глупа. Но когда один человек платит другому чистоганом ни за что, в сердцах у обоих – у обоих! – вызревает рано или поздно одно чувство.

Что-то вроде ненависти.

КАК Я ИЗДАЛ ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ И РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ СТАЛ КЛАССИКОМ

Это вообще ужасно простая история.

Вся наша писательская жизнь в эпоху советской многонациональной литературы шла под знаком: как бы издать большую книгу! Не написать – ибо мы эти книги писали, и в этом была наша жизнь. И книги писали мы совсем неплохие. В 80-е годы, да и всегда в СССР, издать книгу было порой делом всей жизни. Сейчас это невозможно представить... Но книги тогда – читали. И ба-альшой вопрос: что было лучше: годами ждать издания и знать, что тебя будут читать, – или, как вот сегодня, издаваться на здоровье и знать, что читать твои книги некому...

Короче говоря, я к тому времени уже многое перевел из киргизской поэзии, лет мне было примерно столько, сколько Пушкину на Черной речке.

И захотелось мне издать избранные переводы. Тем более, что тогда я к этой переводческой миссии в своей жизни относился серьезно, верил, что это дело важное и нужное, знал,

что кем попало оно исполнено быть не может. Ну, насчет последнего – так оно, видимо, и было. А вот остальное....

Процесс пробивания книги в издательстве – это тема детективного романа. Я начал разрабатывать план...

И тут вызывают меня в Союз писателей на совещание, которое проводит Чингиз Торекулович Айтматов. А он говорит, что, мол, скоро съезд писателей в Москве, к нему надо бы писательский пленум провести во Фрунзе. Все в раздумье: на какую бы такую актуальную тему провести этот пленум, да чтобы в Москве одобрили?.. Тут я вылезая:

- Чингиз Торекулович, а вот давненько мы о переводе серьезно не говорили, а тема-то ведь вечная и живо, так сказать, трепещущая.

– А что, точно, - несколько даже оживился спокойный и вальяжный Чингиз Торекулович, - вообще что-то о переводе помалкивать стали. Слава, изложи ролевые соображения, сойдитесь, там, в секретариате, а я позвоню Москве.

Москве (секретарю правления Союза писателей СССР по национальным литературам Юрию Ивановичу Суровцеву, а значит, и первым лицам СП, которые его в этом деле неукоснительно слушались) идея вполне понравилась. Дело завертелось. Ее потом лет шесть муссировали на весь Союз...

Работать никто не любит, так что, когда я зашел к Ч.Т. с конкретным предложением помочь в этом деле, большой очереди приемной там не было, и секретарша Ира удивила меня: - Иди, шеф тебя спрашивал.

Шеф был вполне благосклонен и добродушен.

В результате (по моим ненавязчивым предложениям, дополнительно продвинутым через аксакалов) доклад поручили писать знатоку этой темы М. Рудову и обстоятельной, исполнительницей К. Джидеевой.

А вот проект постановления Пленума поручили писать именно мне. Что мне, собственно, и нужно было. Прочее нетрудно предугадать... Я этим своим планом поделился с молодым переводчиком Алмазом Атамбаевым, он долго хохотал и мою авантюру полностью одобрил: дело в том, что я вложил в постановление писательского пленума пункт типа пропагандировать

творчество киргизских поэтов на великом русском языке, по какому случаю подготовить и регулярно издавать избранные переводы лучших русских поэтов-переводчиков...

Составил список ближайших изданий. Где на первое место, ни на минуту не усомнившись, поставил себя...

Так началось издание серии «Мастера художественного перевода Киргизии». Она просуществовала несколько лет и умерла вместе с СССР. Вышло несколько книг. И все они, между прочим, отметились всесоюзным вниманием. Нам завидовали все русские переводчики союзных республик – такой серии никто там не придумал.

Знаю одно: если бы не всё это, не было бы ни моей книги «Арчовый костер. Киргизская поэзия», ни последующей большой переводческой работы, ни судьбы – такой, какую подарил мне Бог и с удовольствием подкорректировал я сам.

Сейчас это почти что единственный памятник переводческому труду целых поколений. Как не вспомнить ахматовское: «Когда бы знали, из какого сора растут стихи...»

КАК Я ЧУТЬ БЫЛО НЕ НАЗНАЧИЛ В ТУРКМЕНИСТАНЕ НОВОГО МИТРОПОЛИТА

Приехали мы в 2002-м году в Ашгабат весьма представительной кыргызстанской делегацией на юбилейную международную научную конференцию, жили в отеле «Шератон», встречались с Туркменбаши, и вообще жизнь была прекрасна. Туркмены в стране Туркменбаши, оказывается, делают прекрасную водку под названием «Туркменбаши» и с тостами за Туркменбаши прекрасно умеют ее употреблять. Талантливые люди! Поить и кормить нас начинали с утра, и, как мы ни сопротивлялись, к обеду жизнь была еще прекраснее.

И вот как-то сошлись мы перед обедом в вестибюле отеля. Стоит наш лидер, академик, замечательный ученый и чудесный человек (назовем его для удобства В.М.), поглаживает свою седую роскошную львиную гриву, о чем-то думает... Мы с ним перекинулись парой слов, я не спеша иду через огромный вестибюль к лифту...

А тут какая-то толпа женщин с постными лицами – догадываюсь, это или верующие, или хуже того – правозащитники. Точно, православные, тусовка у них вроде бы. Я прохожу себе мимо, а они у меня спрашивают: - Извините, скажите, кто это? – и показывают на В.М.

Если бы мы с утра не приняли в четырех местах за здоровье Туркменбаши под давлением гостеприимных хозяев, мне бы и в голову не пришла невинная шутка. А тут черт меня дернул. – Это, - говорю, - митрополит Бишкекский и Среднеазиатский, Владыка Владимир. Только он инкогнито, видите – не в рясе, а в пинжачке.

Ка-ак они бросились всей толпой на бедного академика, да как стали ему руку целовать! Он сначала ничего не понял, как рука уж обслюнявлена! Он давай их о чем-то спрашивать, а руку, бедный, прячет, прячет, а они ее находят, находят. А я приостановился на полпути к лифту, мне интересно, чем это кончится. Стою, приветливо улыбаюсь. Не знаю, что они ему сказали – но на меня показывают. В.М. повернулся в мою сторону, я на миг взгляделся в его налившимся кровью глаза – и побежал к лифту, что было сил. Но он побежал еще быстрее. И всё же Бог меня спас, за мои-то грехи: успел я закрыть двери лифта. И прятался потом чуть ли не сутки.

...Когда мы улетали в Алматы, подмывало меня спросить у В.М., почему он не остался в Ашгабате – митрополитом. Но вовремя понял: в самолете-то не убежишь!..

И промолчал. Впервые в жизни.

КАК МЕНЯ ПРЕЗИДЕНТ АКАЕВ С ПРЕЗИДЕНТОМ ЕЛЬЦИНЫМ ЗНАКОМИЛ

Помните анекдот о Васе и Папе Римском? «Эй, итальянцы, это кто там, на балконе, рядом с Васей стоит?..»

Ну, так вот...

В году где-то 2004-м Борис Николаевич, уже в качестве экс, объезжая друзей, приехал к Кыргызстан. Фонд Ельцина построил в Чолпон-Ата прелестную церквушку-часовню. Наши построили такую же маленькую и прелестную мечеть. Олигарх

Керексизов сделал щедрый подарок, где венцом была рампа зрительного зала - живая сцена вечернего Иссык-Куля.

Все было невероятно красиво, причем (что на официальных торжествах бывает нечасто) – с безукоризненным чувством меры...

Но перед этим...

После литургии и мусульманского молебна, символизирующих открытие храмов, Борис Николаевич и Аскар Акаевич двинулись в сторону импровизированного театра.

По обеим сторонам аллеи стоят приглашенные, где не было, конечно, ни одного случайного человека – спецслужбы постарались. Народу, тем не менее, много (мало народу в таких местах, ясное дело, не бывает). Патриотическая элита стоит тесным строем, плечо к плечу, неподвижно, как на плацу. Дистанция соблюдается и наблюдается профессионально.

Видно было, что дипломатично улыбающийся Акаев, тем не менее, думал о нескольких вещах сразу, но манеры киргизстанского президента были, как всегда, безукоризненными, и он легко и непринужденно вел высокого (во всех смыслах) гостя между шеренгами патриотов. А гость уже, по здоровью, не принимал, был абсолютно трезвым, и поэтому в его доброжелательной улыбке, полной обаяния, чего-то всё же недоставало, какой-то привычной россиянам ельцинской настроенности на энергичную импровизацию...

В шеренге меня, ростом маленького, мои старшие товарищи – ректор Национального университета, мой непосредственный шеф академик А.Ч. Какеев и вице-президент Национальной академии В.М. Плоских заботливо выставили вперед – точно, как школьника родители на Первомайском параде: а то не увидишь...

Видимо как-то при приближении президентов шеренга поджалась, чуточку подалась назад, и этого хватило, чтобы я на какое-то мгновение оказался в одиночестве, так сказать, перед историей.

В это время Аскар Акаевич, плавно помахивая рукой, что-то говорил Ельцину, тот его слушал. И тут...

«А это... - тут взгляд и рука президента Кыргызстана буквально споткнулись о мое лицо, хоть я был в метрах в пяти, - а это... Шаповалов...»

В ответ президент России меланхолично проследил за направлением руки Президента Кыргызстана, сверху вниз изучил мое лицо и понимающе кивнул в ответ: «А-а...»

Доброжелательно улыбнувшись, протянул мне руку. Я ее пожал.

Рука бывшего властителя России была узкой, сухой, прохладной и совершенно безвольной. Я почувствовал, как безмерно устал этот человек.

Нет, это надо было видеть. Вы, читатель, можете себе представить этот сюрреализм!? Шиза! Абсурд! Один президент страны говорит другому президенту другой страны: «А это Шаповалов». В смысле: «А это вот та самая египетская пирамида». А тот в ответ: «А-а!» В смысле: «Ну как же, слыхивал, знаю, вот она какова, однако!»

Шеренга ошарашенно молчит. Похоже, несколько подрастеряя и Аскар Акаевич. Я стою и думаю: ой, приехали!..

Ну, первые лица проследовали дальше.

А потом, не сразу, шеренга неудержимо заржала – министры, аппаратчики, директора, генералы... Кажется, что хохот этот не смолкает и поныне. Поэтому сейчас, много лет спустя, если идут рядышком академик Плоских и академик Какеев, и в этот миг им попадается автор этих строк, то Аскар Чукутаевич ласково говорит Владимиру Михалычу, показывая на меня: «А это...»

И академик Плоских откликается: «Ой, что вы говорите!» – и протягивает мне руку...

Но это другая рука.

КАК Я ОБРЁЛ ИМЯ СВОЁ

Когда я родился, выяснилось, что моя конфессиональная принадлежность как минимум дискуссионна.

Бабушка по материнской линии, жившая с нами, была староверкой, и все мы были уральскими староверами.

Все же хохлы по линии отца были «щепотниками», то бишь православными.

Крестили меня в никонианском варианте, подпольно, крестным отцом, в нарушение всех канонов, стал священник фрун-

зенской городской церкви отец Николай, папин приятель (у моего отца вся столица в приятелях была). Потом староверная бабанечка меня втихаря перекрещивала (мне это уральская моя милая тетушка поведала лет через сорок)...

Сначала нарекли меня Андреем.

Буквально через несколько дней отца зовет к себе председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР Турабай Кулатович и говорит что-то вроде: «Кузьмич, у тебя, оказывается, тесть недалеко от Кремля, а ты молчишь, от нас скрываешь, аполитично поступаешь. Так вот, твой уважаемый тесть желал бы, чтобы его внука назвали в честь его любимого начальника Вячеслава Михайловича Молотова. Так что иди, выполняй. А по нашему его Исламом будем звать».

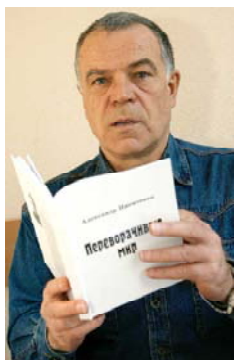
Папаше моему всё это было в высшей степени «пофиг», он улыбнулся, они, кажется, с Турабай Кулатычем выпили по напёрсточку (в точности не знаю), – и он отправился выполнять.

Так обрёл я имя свое.

Вот, всё собираюсь заглянуть на могилки – к Вячеслав-Михальчу, и Турабай-Кулатычу, и Ивану Кузьмичу. Следует, наверное, доложить, как жизнь проживаю.

Или уж не надо спешить, всё равно когда-то ведь встретимся, а там и отметим...

ПОЭЗИЯ

Александр НИКИТЕНКО

ТЕАТР ИСТОРИИ

Дикий, ходкий, меховой по-лисы
снег обвалью валит и блестит.
Кажется: окно куда-то в выси
вместе с подоконником летит.

Кулаками скулы подперев, я
вспоминаю в кухонке своей,
как цвели весенние деревья –
словно снег по зелени ветвей.

Порываюсь в сумраке воспеть я,
благо свет в окошке не поблек,
сыплющие снежные соцветья
и цветов апрельских нежный снег.
17 марта 2012 г.

БАЙКЕРЫ

в шлемах под стать поп-арту
в обтекаемой позе птиц
пропархивают по парку
с солнцем в мелькании спиц
11 декабря 2010 г.

ПОД ЛИПАМИ

В Карагачах¹, где птички трели,
я замедлял невольню шаг.
Там липы пчёлами гудели,
купая кроны в небесах.

Вдоль главной парковой аллеи
стояли липы в пять рядов.
Роились пчёлы и шалели
от сладких липовых цветов.

Стояли липы-исполины,
как корабельных сосен строй.
И был вселенский звон пчелиный
пронизан синью и жарой.

Шли облака. Ветра им дули
в бока. Дурманил запах трав.
И я тонул в звенящем гуле,
в бездонье голову задрал.

2 июля 2011 г.

УТРО

Зажётся на предгорьях,
где солнце влезло в лес,
в лазоревых цикориях
ультрамарин небес.

30 июня 2011 г.

¹ Карагачи – Карагачёвая роща в Бишкеке.

НО ПАМЯТЬ ЕСТЬ, ПОКА Я ЖИВ

Витии новые стоусты.
Мессии новые взросли.
Я помню: сталинские бюсты
в округе за ночь поснесли.

А перед тем напротив школы
генералиссимус стоял.
И бронзой трещинки и сколы
на нём завхоз наш подновлял.

Бывало, кисточкой помажет,
чтобы не брал ни снег, ни дождь,
и вытрет краску с рук, и скажет:
«Теперь как новенький наш вождь!»

Завхоз в кладовку брёл, не дале.
Но я-то знал: была война,
и заслужил он две медали
и боевые ордена.

В победный день, когда окрестность
цвела в знамёнах и цветах,
он шёл селом под медь оркестра
в медалях и при орденах.

Победа в нас вошла однажды,
и я увидел в майский миг
какой у нас завхоз отважный,
хотя обычно прост и тих.

Мы за колонной вились роем,
и я хотел солдатом стать,
пройти войну, прийти героем,
и бронзой бюсты подправлять...

Я на уроки, беспечален,

спешил с портфелем на ремне
и гипсовый товарищ Сталин
знаком до трещинки был мне.

С чуть припылёнными усами,
властями сельскими храним,
он был всегда перед глазами,
и мне давно он был своим.

И вдруг на белом постаменте
я обнаружил с новым днём
лишь голый ржавый штырь в цементе,
а бюста не было на нём.

Мне смута замутила чувства:
бюст постамента не венчал!
И было бесприютно пусто
без бюста там, где штырь торчал.

В тмутаракани захолустной
под равнодушной синевой
вдруг стала жизнь моя безбюстной,
бессталинской, безрулевой.

В стране хорошие цементы.
И по району в эти дни
стояли долго постаменты.
Потом исчезли и они.

Теперь кипит иная эра.
Но в те глухие времена
мальчишье сердце грела вера:
раз бюст стоит, жива страна.

Ушаты грязи опростили
на время детства моего.
Но я-то помню: был и Сталин,
и бюсты были в честь него.

Он жил в Кремле. Рождал тревоги,
внушал любовь и сеял страх.
И вместе с бюстом у дороги
он был в мальчишечьих сердцах.

Но вот на варварскую новь я
вдруг поглядел! И было жаль,
что постамент без оголовья
несёт тревогу и печаль.

История весьма слепа ведь!
Никитка тщился, лыс и лжив,
меня от памяти избавить.
Но память есть, пока я жив.

По детству я давно отплакал.
Давно кумиров мы своих
на штырь возносим, словно на кол,
а после в прах разносим их.

Пристрастьем к прошлому пылаем!
Кумиры идолам сродни.
Чем пуще их испепеляем,
тем крепче в нас сидят они.

Мы эту горькую науку
так до конца и не прошли.
И снова подымаем руку
на то, что сами возвели.

Страна дровишек наломала.
И трудно помнить обо всём.
Кумиров мы снесли немало.
И сколько их ещё снесём.

15 марта 2012 г.

ОСОБЫ

Исполать тебе, женщина Люба.
В одичавшем без света краю
ненавязчиво, тихо, негрубо
тянешь к свету особу мою.

Мы особы особого рода.
В гуще спешки живём не спеша.
Красотой нас врачует природа,
высотой нас волнует душа.

Потому и живётся нам трудно,
на пределе поётся легко,
что сердца наши движет подспудно
тот, кто в небе живёт высоко.

Не кончается с нами эпоха,
продолжается в нас и потом
всем размахом бездонного вдоха
неохватных небес в голубом.

Скрипнут в царстве небесном засовы.
И огонь возродится в золе.
Жили-были две странных особы
не спеша на спешащей земле.

Как единое целое оба.
Под горящей звездой над судьбой.
Ты особа. Да я неособо.
Неособенный рядом с тобой.

Вспять направить судьбы колесо бы!
Да тому никогда не бывать.
К небу тянутся наши особы,
чтобы душами не остывать.

4 марта 2012 г.

ТЕАТР ИСТОРИИ

*Белеет парус одинокий.
Михаил Лермонтов*

Ещё летит мятежный парус
в волнах по будущим векам.
Но отвалил валюту Парвус
на арсенал большевикам.

Ещё романтике есть место
в движеньях массовой души.
Но венценосное семейство
уже расстреляно в глуши.

Всё больше дань на мрачных тризнах.
Все ждут: грядёт иная новь.
Но по Европе бродит призрак
и шлёт лишения и кровь.

На шаткий
 царский
 трон
с ногами
влез
 революционный
 сброд.

И Парвуса с его деньгами
забыл народный кукловод.

Болванчик парвусовский!
Сделки
всегда ценил он высоко.
Любил германские сардельки
он под баварское пивко.

Марионеточных пиноккий
он нити взял в стальной кулак.

Болеет Парвус одинокий
и в замке чахнет как дурак.

Свобода – что в огне пожара
для революции святей?
Но Парвуса она пожрала
как и других своих детей.

Остался цел, спаялся с тронном
один из горских усачей.
И реял над народным стоном
кровавый вымах кумачей.

Многомогильный, многонарный,
суровым деспотом храним,
театр был стационарный.
А стать хотел передвижным.

Коммунистическая Мекка!
Как равный равному живи!
Но рухнуло с исходом века
всё, что воздвиглось на крови.

Кровит театр красных красок.
Мрачны зеваки. Мыслить лень.
Комичных нет ни лиц, ни масок.
Трагичны маски по сей день.

12 марта 2012 г.

«НЕ ДАЙ МНЕ, БОГ, ПОКОЯ...»

* * *

Не дай мне, Бог, покоя
И сытости души!
Взыскующей рукою
Соблазны сокруши.
Не дай мне, Бог, желанья,
Коль в чём-то преуспел,
Заняться любованьем
Своих удачных дел.

Не дай мне, Бог, привычки
Пред сильным спину гнуть,
Брать истину в кавычки,
К надменной власти лнуть.
Не дай мне восхожденья
По лесенке земной
Ценою униженья,
Предательства ценой!

Не дай мне, Бог, фальшиво
Прожить свои года,
Вовек не знать ошибок
И правым быть всегда.
Не дай аплодисментам

Уныло грохотать.
Холодным монументом
Не дай мне, Боже, стать!

Не дай мне обучиться
Придворной клевете
И подленько глумиться
Над тонущим в беде.
И что б там ни грозило
В неизвестности слепой,
Не дай утратить силы
Смеяться над собой!

Не дай мне в одиночку
Сражаться против Зла.
Не дай, чтоб эта строчка
Последнею была.
Не дай мне оправдаться,
Коль разменяю честь.
И дай мне, Бог, остаться
Таким, какой уж есть!

* * *

Ни в стаде,
 ни в своре,
 ни в стае
Я не был и быть не желал.
Хоть жизнь
 далеко не святая,
Сам
 собственный путь
 выбирал.
И с горки срывался,
 и в гору
Карабкался,
 что было сил...

Ни стадо,
 ни стаю,
 ни свору
Вовек ни о чём не просил.
И нынче,
 в период распада,
Когда между всеми грызня,
Ни в стаю,
 ни в свору,
 ни в стадо
Никто
 не затащит
 меня!

* * *

Можно клясть и менять вождей,
Маркитантствовать с границей,
Можно новых зачать детей
И засеять тайгу пшеницей...

Но останется стол наш пуст,
И не вызнать дороги к Храму,
Если Мастер и Златоуст
Так и будут подвластны хаму.

* * *

Беда не в том,
 что мы сгораем
 в общем тигле,
Что впереди
 ещё такая прорва дел,
А горе в том,
 что все к Жестокости
 привыкли,

не излечилось,
Что, имея
 горестное прошлое,
Ничему всерьёз
 не научилось!

Дурость – лишь слегка
 осовременена,
Будущее – не светлей,
 чем вакса.
Раньше шли вслепую
 курсом Ленина,
Нынче – так же точно –
 курсом бакса.

* * *

Всё к тому –
 чтоб обозлиться,
Всё к тому –
 чтоб озвереть.
Вот и надо –
 веселиться,
И шутить,
 и песни петь;
Не впадать
 в экстаз наживы,
Примеряясь
 к временам,
А любить,
 покуда живы
Мы и те,
 кто дорог нам!

Обожаю молодых! –
Потому и не старею.

* * *

Пойми ж ты,
пока не поздно:
Любовь
не должна быть
постной!
Коль нет в ней
ни крошки перца,
Застой
наступает
сердца.

* * *

«Седина – в бороду,
бес – в ребро!»
Предпочту золоту
серебро.
На года плюну я,
раб былой! –
Предпочту юную
пожилую,
Предпочту грешную
всем святым,
Её страсть нежную –
снам пустым.
Не бывать холоду!
Пой перо!
«Седина – в бороду,
бес – в ребро!»

Так что вычисли умом,
Белошвейка
 из провинций,
То ли ждаты и дальше
 Принца?
То ль связаться с Королём?..

* * *

Нужны хорошие слова
Нам всем:
 и робким, и строптивым.
Чтоб быть
 хоть чуточку счастливым,
Нужны хорошие слова.

Нужны хорошие слова,
Чтоб человек
 в себя поверил,
Чтоб не бродил
 угрюмым зверем
По дну запутанного рва.

Нужны хорошие слова
И в светлый час,
 и в лихолетье.
Их не заменишь
 сладкой снедью –
Бессильны пряник иль халва.

Нужны хорошие слова
Для трудных дел
 и дум крылатых.
Награды,
 почести и злато
В сравненье с ними – трын-трава.

Нужны хорошие слова.
А мы их знали
 так немного!
К обрыву
 катится дорога,
Вступает тьма в свои права...

Притихла подлая молва,
И хор похвал
 звучит на тризне.
А трудно было ли
 при жизни
Сказать хорошие слова?!

* * *

Не пристало
 Бога винить,
Но порой
 безжалостен Он!
Я устал
 друзей хоронить,
Провожать
 за чёрный кордон.
Вновь с утра
 коллеги тихи... —
По кому
 прощальный
 звонок?
И опять пишу
 не стихи,
А один
 сплошной
 некролог...

* * *

Рос я
в круге кыргызстанском,
А скончаюсь –
где лежать?
На еврейском?
Христианском?
Или же
на мусульманском? –
Вот морока-то
опять!

Представляю
разговоры:
«Что с ним делать?
Кем он был?..»
Представляю
эти споры,
Их дискуссионный
пыл!

Всем Богам я
не по вкусу:
Полумесяц ли,
звезда...
Может, лучше мне
в индусы
Записаться,
господа?

Там могилку
не копают,
Не окучивают
прах –
Просто-напросто
сжигают
На возвышенных
кострах;

Не содержат
 в мрачном склепе
Ради святости
 пустой,
А развеивают
 пепел
Над землёй
 и над водой.

И никто б тогда
 не спорил:
«Как с ним быть?
 Куда везти?..»
Будь в Бишкеке
 крематорий,
То – Господь меня
 прости! –

Я, на хохмочки
 не робкий
Сочинитель
 разных книг,
Догорел бы
 в жаркой топке,
Как отживший
 черновик.

Ну а прах
 забрали б други
(Откричал своё
 певец!),
Либо –
 бывшие подруги,
Либо – дети,
 наконец.

И рассыпался б я

мудро,
Не жалея
 ни о чём,
Между Ягве
 с Брахмапутрой,
Меж Аллахом
 и Христом.

* * *

Что, поэт, тебе до Бога?
Даровал и так он много:
Тропку трудную любви!
Так что небо не гневи!

Что, поэт, тебе до власти?
У тебя – иные страсти,
Свой полёт и свой удел.
Аль в паяцы захотел?

Что, поэт, тебе до славы?
Может быть, какие главы
И приглянутся кому... –
Знать об этом ни к чему!

Что, поэт, тебе до злата?
Жизнь твоя и так богата
Горем, радостью, мечтой...
Не завидуй, золотой!

Что, поэт, тебе до музыки?
Коль души откроешь шлюзы
И покатится волна –
Даже муза не нужна!

Что, поэт, тебе до драки?
Если волки и собаки

Ульяна КОПЫТИНА

СТОЯЛА РОЗА НА СТОЛЕ...

Девочки

Гимнастеркам выдубила спины
Соль окопов, копать блиндажей,
В рамку «настоящие мужчины»
Уместились девочки уже.

Звонкий голос, тонкие косички -
Все осталось в маминых шкафах,
На брезенте тянут медсестички
Раненную Родину на взмах.

Рвут покровы пули, бомбы, мины
Мальчики вчерашние глядят
В опаленные войной девчачьи спины
Матерей, что вовсе не родят...

Их не ждут цветные погремушки,
В них шрапнель, пеленки на бинты,
Фронтовые девочки - подружки...
Жизнь - вода уйдет в траву, цветы.

Плачут горько сильные мужчины,
Юность мира завернув в брезент,
Ведь страшней, чем девичьи могилы,
Ничего для них на свете нет.

Перекалеченные души.
Перекореженные сны,
Как жадно вслушивались уши
В молчанье мертвой тишины.

Как трепетно искали пальцы
Опору в гулкой пустоте,
Как дни, распятые на пяльцы,
Сгорали в думах о тебе.

Как темнота в сердца вливалась,
В бокал фарфоровый без дна,
И подыхая, извивалась
Моя последняя весна.

Как догорали в зазеркалье
Две путеводные звезды,
Как гасли звуки и желанья
И оставался только – ты...

Любили навзрыд,
Догорали в кострах
За эту святую,
Как пуля навывлет,
Держали огонь
В обожженных руках,
Кричали от боли
И все же любили

Любили навеки
В тисках палача
Молились на плахе,
Под пыткой шутили,

Рубили нам головы
Лихо, сплеча,
И мы умирали
И все же любили

Любили до смерти,
Платя за любовь
Великую цену
В темницах и пыли,
Дарили земле
Свою юную кровь,
И богу на зависть -
Бессмертно любили!

Ты будешь ждать – я верю,
Ты ждать не будешь – знаю.
В распахнутые двери
Я камушки кидаю.
Взойдут ростки гранита,
Пусть будет сад японский,
Двенадцатый не видно,
Как раз на нем – подмости
Куда ни глянь, на страже
Как дуры-жены Лота,
Ладони тянут в сажу
Коровьева – Фагота,
И я хочу увидеть,
Но каждому – по вере,
Я камушки кидаю
В распахнутые двери.

После грозы

Роня бархатные слезы,
Теряет роза лепестки

И ярко-желтая мимоза
Склонила нежные виски.

Обняв пугливые ромашки,
В воде дельфиниум стоит
И гордо розовые чашки
В ладонях держит гиацинт.

И лебедино уплывает
Прозрачных лилий хоровод,
И солнце вымыто сияет,
Лаская чистый небосвод.

Стояла роза на столе
В простом стакане.
Дрожали тени на стене,
Искрились грани.

Держала робко лепесток,
Бутоном рдела,
А через стекла на цветок
Звезда глядела.

Забыв гордиться высотой –
Вот так беспечность! –
Перед минутной красотой
Склонилась вечность.

Снег

На пушистых мягких лапах
Осторожно в город мой
Снег войдет, арбузный запах
Оставляя за собой.

На карнизы и на ветки
Ляжет белым полотном,
И снегирь рванется в клетке
К снегирихе за окном.

На плите уютно чайник
Мне дорогу напоет,
И замерзший умывальник
В руки холодом плеснет.

Скрипнет старая калитка,
Скрипнет снег под каблуком,
Снег – последняя попытка
Сделать жизнь счастливым сном...

Вальс летним вечером

Вечер лунный, вечер синий,
Ветер с моря нежит сад,
Серебрится, словно иней,
Августовский звездопад.

Крупноглазым виноградом
Дом до крыши заплело,
И цветочным ароматом
Дышит летнее тепло.

В дебрях роз и померанца
Белым островом – рояль,
Закружилась в ритме танца
Сладкозвучная печаль.

Сердце плачет и смеется,
Пальцы нежные дрожат,
И душа за вальсом рвется
В августовский звездопад...

Охота

Уткнусь носом в землю
Сукой по кровавому следу,
На заре в траве росной
Тебя преследую!

Слух не причем и зрение,
Только соленый запах...
Стану твоей смертью, зверем
На мягких лапах.

Чую тебя до косточек!
М-м-м... Дурею от аромата...
Р-р-разорррвать тебя на кусочки -
То, что надо!

Взвывая от нетерпения,
Землю когтями рою,
Я охочусь, иду по следу, к черту
Все остальное!

Вальс СССР

Вальс... Советских лагерей танцует девочка
Вальс... Свечами пальцев обмороженных касаясь ватника
Вальс... Обняв за талию столетья лиственниц
По вечной мерзлоте переступая бурками, скользит...

Вальс... Под аккомпанемент овчарок лающих
Вальс... И ласково конвой прикладом в спину в танце поведет
Вальс... За музыку спасибо дорогому другу Сталину
Начальник лагеря в ухмылке губы спелые сведет

Вальс... Танцует пятьдесят восьмая – пол-страны!
Вальс... Голодных и униженных барачный вшивый круг

Вальс... Холодный танец самой крайней Колымы
Увел с собою миллионы в рай за край...

Все струны мира мне на шею –
И на сосну,
Качаться пятками на север
И ждать весну,
Когда распустится иголок
Зеленый ёж,
Ты – перепуганный ребенок –
Меня найдешь.

Девушка, собака, эскимо

Город раскаленный, марево дрожит,
Лужами густыми на шоссе лежит.
Душный зной недвижим, словно мед, тягуч.
Не дождаться небу дожденосных туч.

Только в старом парке, прямо у воды
Девушка с глазами цвета резеды
Сбросила небрежно звонкие сабо –
Девушка собаку кормит эскимо.

На деревьях листья спалены жарой,
Лишь фонтаны дышат чистою водой.
Яростное солнце плавится и жжет,
Неподвижен город, время не течет.

Только в старом парке древняя ветла.
Девушка прохладна, девушка светла,
Сброшены небрежно звонкие сабо –
Девушка собаку кормит эскимо.

Капают секунды в замкнутый сосуд,
Тишины мелодии над землей плывут.
Азия дремотная, день на день похож,
Миражей реальности золотая ложь.

Девушка, как лотос, чистая, как лед.
Черная собака пыль хвостом метет.
Брошены – забыты звонкие сабо...
Девушка дворнягу кормит эскимо.

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр КНЯЗЕВ

ОБРЕТЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Вышла в свет новая книга известного публициста, ученого Александра Князева «Векторы и парадигмы киргизской независимости». Ее широкая презентация состоялась в Бишкеке, Алматы и Москве. По просьбе редакции автор подготовил для журнала статью, в которой также прослеживается ухабистый путь, пройденный страной за минувшие после провозглашения независимости годы.

Предтечей суверенитета Киргизии, как известно, явилась в республике принципиальная смена институтов власти по той модели, которая уже произошла на уровне Союза. Чем это было вызвано? Сформированное первым секретарем ЦК КП Киргизии Абсаматом Масалиевым руководство коммунистической партии после кровопролитных межэтнических ошских событий стремительно утрачивало идеологическую монополию, а заодно и политическое влияние в республике. Стремясь консолидировать свои позиции, депутаты Верховного Совета республики выступили с предложением учредить пост президента, избираемого парламентом: расчет был на то, что этот пост достанется Масалиеву. В октябре 1990 года была созвана внеочередная сессия Верховного Совета с целью избрания президента республики. Ни один из троих кандидатов (первый секретарь ЦК Абсамат Масалиев, председатель Совета министров Апас Джумагулов, член руководства компартии Жумгалбек Аманбаев) не получил большин-

ства голосов. Была образована согласительная комиссия, которая не смогла прийти к единому мнению, после чего было принято решение обратиться к писателю Чингизу Айтматову с просьбой баллотироваться, который, однако, в телефонном разговоре из Москвы ответил на этот вопрос отрицательно и предложил кандидатуру академика Аскара Акаева.

Утром 27 октября 1990 года на пост президента было выдвинуто 12 кандидатур, из которых относительное большинство получили Аскар Акаев и Насиридин Исанов. В итоге с большим преимуществом победил Аскар Акаев. Вице-президентом республики был избран Герман Кузнецов, работавший до этого вторым секретарем Фрунзенского горкома партии.

Решение Верховного Совета Киргизстана избрать Аскара Акаева, ученого по роду занятий, означало резкую перемену ранее существовавшей в республике общественно-политической обстановки. Акаев был членом Коммунистической партии, некоторое время работал в партийных органах, однако изначально не входил в состав правящей политической элиты. Избрание Аскара Акаева президентом поначалу мало что изменило, государственная власть во многом продолжала находиться в руках ЦК КПК во главе с его первым секретарем Абсаматом Масалиевым, но, тем не менее, сама политическая ситуация менялась.

Тот, «с кем он не раз схватывался на партийных пленумах, съезде, еще продолжал сидеть в президиуме сессии Верховного Совета, — писал в те дни журнал «Литературный Киргизстан». — Но уже не как глава республики. Как первый секретарь ЦК и пока председатель Верховного Совета... После поражения на только что закончившихся выборах никто не сказал о нем доброго слова, хотя перед этим превозносили до небес. «Эх, люди!..! — казалось, говорил огорченный взгляд Абсамата Масалиевича Масалиева. А уж едва стал произносить свою президентскую речь его давний оппонент, он и вовсе поник головой. Было ясно, чего он ожидал. И, слава Богу, ошибся. Одержав победу, когда республика оказалась на грани пропасти, Акаев пощадил самолюбие бывшего ее руководителя, ни в чем не упрекнул его. Более того, высказываясь по важным проблемам, даже по-доброму сослался на него. ...Масалиев в свое время ничего подобного не позволил себе в адрес своего предшественника... Отношения

национальных республик, на всех парах устремившихся к желанному суверенитету, и Союза в целом порождают, пожалуй, самые жесточайшие противоречия. Увы, одурманенность свободой столь велика, что затемняет рассудок. То одни, то другие республики готовы идти на разрыв с Союзом. Казалось бы, у Акаева тоже могло бы появиться искушение встать на этот путь. Голодающие у подъезда ЦК, где проходила сессия и где избирался первый президент Киргизии, выдвинули, в числе других, требование: суверенитет полный, абсолютный или — никакой. Велик соблазн в противовес консерваторам подыграть Демократическому движению. Но Акаев считает, что нельзя поддаваться эйфории, разум в политике должен одолевать эмоции. Без интеграции, без теснейшего взаимодействия не достичь процветания...».

17 марта по всей территории СССР был проведен референдум, на который был вынесен вопрос о сохранении Советского Союза, в результате 94% граждан республики проголосовали за сохранение обновленного Союза, эту акцию поддержал и Аскар Акаев. В первой половине 1991 г. президент А. Акаев не вступал в открытый конфликт с коммунистическим руководством.

19 августа 1991 г. руководство Компартии Киргизстана выступило в поддержку ГКЧП. Аскар Акаев, наоборот, дипломатично обойдя вопрос о законности действий ГКЧП, заявил о своей «тревоге и беспокойстве и вместе с тем — надежде на торжество разума и демократии» и призвал народ республики «обеспечить высокую организованность, порядок и дисциплину». В тот же день он освободил от должности председателя республиканского КГБ Жумабека Асанкулова (поддержавшего ГКЧП), назначив на этот пост Германа Кузнецова. Уже в ночь с 20 на 21 августа Аскар Акаев выступил с заявлением, в котором осудил поддержавшее ГКЧП руководство Компартии Киргизии и охарактеризовал действия ГКЧП как «антиконституционный переворот», «военно-партийный путч».

Некоторое время после развала СССР республика жила по старой конституции 1987 г., внося в ее текст отдельные поправки. Первая конституция Киргизстана была принята парламентом 5 мая 1993 г. В ней провозглашенная суверенность республики закреплялась законом.

* *

Резюмируя итоги последних лет существования СССР для Киргизии, необходимо отметить ряд специфических черт того состояния республики, в котором первый президент Аскар Акаев принял руководство ею.

Киргизия находилась в состоянии неразрешенного межэтнического конфликта, отягощенного в силу внутриэтнической солидарности узбекского населения сложностями во взаимоотношениях с Узбекистаном.

Органы государственной власти и управления в значительной степени были представлены сторонниками отстраненных от власти партийных руководителей, не склонных к сотрудничеству с новым руководством республики.

После ошских событий началась динамичная миграция главным образом в Россию русскоязычного населения, включая высокий процент специалистов народного хозяйства, сферы образования и здравоохранения, практически всех сфер жизнедеятельности; одновременно возрастает внутриреспубликанская миграция сельского киргизского населения с юга республики в северный регион.

Политическая элита, составляющая поддержку первому президенту, лишь в малой степени обладает административно-управленческим опытом. Практически полностью отсутствует опыт самостоятельной международной жизни, минимальны кадры дипломатов и специалистов по внешнеэкономической деятельности.

Обретение независимости Киргизией было не столько единым решением всего общества, сколько реакцией на разрушительные процессы на постсоветском пространстве. При этом новая политическая элита страны не осознавала глубину и масштабы последующих перемен. Экономика республики находилась в кризисе, отягощенном разрывом внутрисоюзных связей. Невозможность решать экономические и социальные проблемы была доминантой не только частной жизни, но и всех социально-политических процессов в обществе, а также поисков места республики в меняющемся мире.

Историческая дистанция позволяет проанализировать характер и итоги политических, экономических и институциональных реформ на примере Киргизии, слегка оглянувшись на то, что досталось ей в наследство.

По значимости структурных преобразований и масштабам роста экономики период 1970-х — середины 1980-х гг. с полным основанием можно назвать временем экономического ренессанса Киргизской ССР. Но к 1991 году советская экономика уже находилась в состоянии стагнации, ставшей прямым результатом экономической войны США против СССР. И если еще в 1991 году инерционно функционировала общесоюзная плановая система экономики, включая и дотирование большого ряда статей республиканского бюджета, то уже в 1992 г. национальный доход снизился на 26% по сравнению с 1991 г., промышленное производство упало на 27%, а сельскохозяйственное — на 14%.

С точки зрения нового руководства Киргизии, рынок, несмотря на свои внутренние противоречия, являлся безальтернативной формой хозяйствования, и движение к нему необходимо было начинать как можно скорее. Хотя легко было предположить, что как только стихийная сила натуральных и полунатуральных форм хозяйства будет дополнена рыночными, то социальные и экономические издержки такого шага будут катастрофическими. Так и случилось. В 1993 году ВВП составил около 52% от уровня 1990 года. Падение киргизской экономики было стремительным и глубоким. Экономический коллапс нашел отражение в потере промышленности, спаде сельского хозяйства и привел к миграции всей более-менее квалифицированной рабочей силы, основу которой составляли русские, украинцы и немцы. Более 1 млн. человек к концу 1994 года уже находились у официально установленной черты бедности, и к ним относилось 70% семей в сельской местности и 35% семей — в городах.

Результатом первого десятилетия в социально-экономической сфере можно считать необратимый характер самих рыночных преобразований. При этом, несмотря на все негативные социальные последствия реформ, кредит доверия со стороны населения к политическому руководству страны все еще оставался высоким. Вместе с тем было очевидно, что страна сталкивается со многими проблемами, уже встречавшимися на пути реформ в развивающихся странах Азии и Латинской Америки и не только там.

Формирование многоукладной экономики, появление качественно нового социального слоя в лице предпринимателей,

создание системы свободной торговли и новых рыночных институтов не могло произойти без создания новых общественных отношений и формирования демократической системы государственной власти. Экономическая свобода неминуемо ставила вопрос о свободе политической, свободе гражданских прав и свободе средств массовой информации. В стране стали действовать, хотя еще не с должной эффективностью, более сорока политических партий. Было создано около шести тысяч неправительственных организаций.

Стремительно возросшая после ошского конфликта и развала СССР миграция за пределы Киргизии русского и русскоязычного населения стала еще одним ударом по состоятельности республики. Люди покидали республику из соображений безопасности и/или понимания бесперспективности дальнейшей жизни в республике, быстро обретавшей черты этнодоминирующего государства. С другой стороны — разрыв союзных экономических связей и остановка практически всех промышленных и большинства добывающих предприятий просто лишали людей работы. Характерно, что на этом этапе миграция русского населения из сельской местности значительно ниже по своей динамике, нежели миграция городского населения.

К 1999 году численность только славянских народов сократилась до 656,9 тыс. человек, или на 36%. Скоротечным и интенсивным в 1990-е годы был отток немцев и евреев — из 101,3 тыс. и 5,6 тыс. республика потеряла 70% и 68% соответственно, а за последний межпереписной период — еще более половины оставшихся. Отток корейцев в 1999-2009 годах он составил 14% от численности народа на начало периода.

Вопрос регулирования сферы межэтнических отношений, как и консолидации общества в целом, оставался одним из приоритетных.

Единственным решением был курс на формирование в Киргизии гражданской нации, необходимо было уйти от представления, что «быть членом национального меньшинства всегда означает быть гражданином второго сорта». Это связано в первую очередь с наличием у меньшинства языковых, образовательных, вообще культурных проблем. Но к ним добавляются проблемы участия в политике, законотворчестве, полноправия в отно-

шениях с судебной и административной властью, даже в природопользовании, что, в случае Киргизии, показала уже практика начала реформы в сельском хозяйстве, когда при обсуждении Земельного кодекса камнем преткновения стал пункт, вписанный основной частью депутатов Верховного Совета, гласивший, что земля в республике является достоянием исключительно киргизов. Президент наложил вето на статью, предложив депутатам заменить термин «киргизский народ» на «народ Киргизстана», после долгих дискуссий предложение Акаева все-таки победило, не изменив парадигмы в целом.

Государственная политика в период 1991-2005 гг. в целом была направлена на сохранение межнационального согласия. Национализм развивался на уровне отдельных личностей, отдельных ситуаций, так, имела место системная дискриминация при поступлении на госслужбу, органы внутренних дел, прокуратуру, суды. Итогом этого продолжительного противоречивого и неустойчивого состояния стало формирование этнократической политической и государственной системы, суть которой — в целенаправленном выпячивании этнического интереса этноса в ущерб интересам и правам личности. Заветы последних партийных идеологов — политика только для киргизов — оказалась успешно претворена в жизнь.

Но если бы только это! Одним из важнейших факторов препятствования всем попыткам хоть сколько-нибудь прогрессивных реформ и преобразований стала кланово-региональная структура киргизского этноса, актуализация которой началась сразу после развала административной советской системы. В советский период произошла консервация родоплеменных отношений, в 1990-е гг. в условиях экономической и политической либерализации они получили свое дальнейшее развитие. Деление по родам приобрело для людей новую важность, наличие в составе клана или рода высокого начальника автоматически укрепляло позиции всего рода, а его поражение снижало статус клана. Межклановый баланс в кадровой сфере изначально стремился соблюдать Аскар Акаев, но южные кланы исходили из принципа: все или ничего. Желательно, конечно, было «все». Кланово-региональная раздробленность киргизской политической элиты стала в итоге одним из главных внутристрановых факторов демонтажа

государственности, начавшегося после 2005 года. Национальные меньшинства, способные играть роль демпфера межклановых противоречий, были уже сведены до статуса статистов, лишенных какого-либо влияния на основные процессы.

Рубиконом Акаева стали Аксы.

Задержание 5 января 2002 г. оппозиционного депутата парламента Азимбека Бекназарова, обвинявшегося в злоупотреблении служебным положением в бытность следователем Токтогульской районной прокуратуры в 1995 г., когда он расследовал дело об убийстве, было использовано для организации беспорядков в Аксыйском районе Джалал-Абадской области, в ходе нейтрализации которых погибли 6 человек, а оппозиция получила повод для обвинений в адрес президента.

После 2002 года началось активное формирование конгломерата противников Аскара Акаева по пресловутому региональному признаку.

И когда в рамках американской действующей внешнеполитической концепции «Большого Ближнего Востока» сформировалась потребность в смене руководства Киргизии, представители госдепартамента и управляемого госструктурами США сообщества гражданских организаций США и ряда европейских стран легко нашли общие интересы с полуфеодальными криминализованными киргизскими кланами.

* * *

Развал Советского Союза одновременно был рубежом, означавшим начало перехода от двухполярной модели мира и сопутствующих ей вестфальско-потсдамских принципов на новый, во многом до сих пор не осмысленный, транзитный этап развития мировой системы международных отношений. Кардинально менялось все — начиная от регулятивной роли утвердившейся после 1945 года системы международного права, и заканчивая устоявшимися на тот момент представлениями о независимости, суверенитете.

Уже в 2000-х становится очевидным: реалии трансформирующейся мировой системы международных отношений стремительно сокращают поле возможного маневрирования для по-

литических элит постсоветских лимитрофов в их внешнеполитическом планировании. Это отчетливо было обозначено действиями России на Кавказе в августе 2008 г., свидетельствующими о том, что время «многовекторности» ушло в прошлое.

Главная из новых парадигм 2000-х годов состояла уже не в том, чтобы получить больше кредитов и займов, независимо у кого. Она заключалась теперь в том, что для определения отвечающей истинным национальным интересам внешнеполитической стратегии каждой из стран, не входящих в короткий список мировых центров силы, была необходима объективная развернутая оценка сущностных региональных интересов каждого из внешних игроков и учет этой оценки в собственном внешнеполитическом поведении. Достижения Киргизии в двусторонних отношениях с Москвой, Вашингтоном и Пекином с точки зрения текущих интересов республики в первое десятилетие были бесспорны. С точки зрения практической от такой политики Киргизия выигрывала довольно много.

Принципиально новые изменения как в процессы, происходящие в центральноазиатском регионе, так и в целом в систему международных отношений в мире, привнесли события 11 сентября 2001 г. в США.

11 декабря 2001 г. киргизский парламент одобрил решение правительства предоставить ВВС США международный аэропорт «Манас». Вечером 18 декабря и утром 19 декабря в Киргизию прибыли первые военные самолеты США. В первых числах января 2002 г. началось уже полномасштабное создание на территории Киргизии военной американской авиабазы.

А 28 июня 2002 г. министр обороны Киргизстана Эсен Топоев заявил о том, что на военном аэродроме «Кант» будет размещена авиационная компонента Коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ, 22 сентября в Москве в присутствии президентов России и Киргизии министры обороны РФ и КР подписали договор «О статусе и условиях пребывания российской авиабазы в Киргизии».

Президент Киргизии Аскар Акаев так комментировал соседство на территории республики двух военных баз: «Я не сторонник подхода «или-или», а склоняюсь к варианту «и-и». В своей политике мы не намерены противопоставлять Россию и США.

Мы считаем обе эти страны дружественными государствами, стратегическими партнерами». Однако подобная гибкость в условиях резкого усиления геополитического противоборства в Центральной Азии, вызванного новой, ускоренной динамикой американской неоимперской политики, оказывалась уже недейственной, она полностью исчерпала себя. Реализация американских стратегий требовала гарантий больших, нежели сбалансированная политика Аскара Акаева.

Лавировать было уже поздно. Открытие российской авиабазы в Канте, призванное как обеспечить подлинную безопасность республики, так и сбалансировать интересы держав, стало раздражителем, обусловившим курс американского руководства на быструю замену режима в Киргизии и установление полностью и однозначно управляемого президента.

В ноябре-декабре 2004 г. шли напряженные закрытые киргизско-американские переговоры, в ходе которых американцы пытались добиться согласия на размещение в аэропорту «Манас» самолетов E-3A системы AWACS, а заодно и согласия киргизской стороны на проведение ими регулярных разведывательных полетов вдоль границы с Китаем. С большим трудом киргизской стороне удалось тогда отказаться от настойчивых предложений США, а уже в новом парламенте президент собирался инициировать принятие решения о выводе базы США с территории республики.

Попытку США вести разведывательные полеты над Китаем с базы «Манас» уже позже прокомментировал первый президент Аскар Акаев: «... теперь об этом уже можно сказать, американская администрация обратилась ко мне с просьбой дать разрешение посадить в аэропорту «Манас» самолет-разведчик. Я сразу сказал, что этот вопрос не обсуждается. Этот самолет ведь не нужен для операции в Афганистане. Он был нужен для того, чтобы подняться и видеть весь Западный Китай. Это очень большое место Китая. Мы не могли помочь наступить на большое место Китая.... Вот это американцы восприняли как вызов».

Киргизия лучше всего подходила для роли форпоста американских интересов в регионе. Удобное географическое положение, незначительность необходимых финансовых вложений, открытость западному влиянию и слабость местной власти обе-

щали быстрый успех. Полная управляемость Киргизией со стороны США должна была гарантировать достижение целого ряда геополитических целей в отношении Китая и России, заодно Киргизия должна была стать и полноценным плацдармом проамериканских оппозиционных движений Узбекистана, Казахстана и Таджикистана в их деятельности против собственных государств и правительств. Что, забегая вперед, и произошло, в частности, весной 2005 года. Помимо того, что на территории Киргизии скрылись, слившись с беженцами, боевики, организовавшие мятеж в Андижане, многие из них, как выяснилось уже позже, проходили подготовку на территории юга Киргизии. Феликс Кулов тогда говорил: «Если посмотреть на беженцев, вы увидите, что они на редкость организованы, это вызывает подозрение...». Киргизскими пограничниками было передано узбекистанским спецслужбам 73 автомата, конфискованных у так называемых «беженцев»; среди этих граждан было идентифицировано несколько человек, освобожденных в Андижане из тюрьмы.

Основой сценария последующего развития Киргизии для США являлась и продолжает являться концепция «управляемого хаоса», разработанная сотрудниками RAND Corporation. Вкратце, ее сущность состоит в том, чтобы удерживать некое государство в таком состоянии, когда оно будет не способно адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы, и, соответственно, правительство такой страны будет нуждаться в постоянной внешней поддержке, либо прямом военном присутствии. Создание таких «зон управляемого хаоса» является важным компонентом в создании мировой структуры управления...

Участие США в совершении государственного переворота в Киргизии включало в себя два основных компонента. Во-первых, это было политико-дипломатическое давление.

Во-вторых, достигла кульминации многолетняя работа по формированию общественного сознания, ослаблению всех структур государственной власти, по политической и финансовой поддержке оппозиционных групп, СМИ и партий. Не случайно, одной из самых заметных политических фигур в республике в этот период был посол США Стивен Янг. Апеллируя к посольству США в случаях любых попыток власти отстоять свои интересы, в последние месяцы накануне выборов киргизская оппозиция выбра-

ла тактику предельно жесткого наступления на законную власть. Ею была продемонстрирована способность организовывать толпу, используя пикетирование, радикальные лозунги, манифестации, шествия, другие методики и технологии, применявшиеся ранее в Грузии и на Украине. Опираясь на Запад и на простейшие коррупционные механизмы, удалось также добиться нейтрализации силовых структур страны. Роза Отунбаева, вероятно, совсем не случайно в дни волнений в Тбилиси в 2003 г. «училась» у Саакашвили, как свергать законную власть.

Не подлежит сомнению, что, не сбрасывая со счетов эндогенные факторы произошедших смен правящих режимов в большом уже списке стран, приоритет при их изучении следует отдавать все-таки факторам экзогенным, или, другими словами, роли внешних сил.

Недовольство людей часто проистекает не от ухудшения материального положения, а от улучшения: меньшего, чем ожидаемое, или же меньшего по сравнению с таковым в других социальных группах. Алексис Токвиль пишет: «власти начинают грозить опасность, когда государство, вышедшее из кризиса, находится в преддверии исторического успеха». Бедность сама по себе никогда не становится причиной никаких социальных и, тем более, политических протестных действий.

В создании псевдореволюционной ситуации, обеспечивавшей успех смены власти, можно выделить несколько наиболее важных институтов, работавших в рамках общего сценария. Это неправительственные организации, это средства массовой информации, и это международные программы под эгидой различных программ реформирования и помощи занимающихся понижением эффективности и деморализацией силовых и правоохранительных органов государства. «Это [свержение Аскара Акаева] было бы совершенно невозможным без этой помощи», — признавался один из лидеров НПО этого периода Э. Байсалов. — Американские деньги помогали финансировать центры гражданского общества по всей стране, только лишь NDI имеет 20 центров. Эти людские ресурсы давали киргизской оппозиции финансовую и моральную поддержку, а также предоставляли ей инфраструктуру, которая позволяла распространять свои идеи среди киргизского народа».

Постсоветская «оппозиция», там, где она вообще существует, обычно весьма декоративна, она слабо структурирована и — общая характеристика постсоветского пространства — не имеет четкой конструктивной программы. Сакраментальной чертой всех партий, движений, НПО, фондов и т.п. является повсеместно афишируемая любовь к социальной справедливости. Тема социальной справедливости эмоциональна и легко эксплуатируется. Единственный ресурс киргизской оппозиции заключался в общем недовольстве населения властью, точнее — той ее частью, что была связана с семьей президента. «Ценнейшей компрометацией лично Акаева является распространение сведений в оппозиционных СМИ о вовлечении его жены в финансовые махинации и взяточничестве при назначении чиновников. Мы также рекомендуем распространение слухов о ее возможных планах на президентство и т.д. Все эти средства помогут нам сформировать образ абсолютно неспособного президента», — писал в госдепартамент посол Янг. Молва делала свое дело — и время работало против президента Акаева. Об этом планомерно писала оппозиционная пресса, самая свободная в Центральной Азии — благодаря тому же Аскарару Акаеву.

24 марта 2005 года случилось то, что случилось. И помимо иного, эти события, включая отказ Аскара Акаева от защиты власти, актуализирует вопрос о том, как власть должна поступать в подобной ситуации.

Теоретически власть не может «применять силы против своего народа». До того момента, когда мятеж автоматически лишает мятежников большинства гражданских прав и лишает их самой причастности к нации-суверену. Поэтому никаких колебаний в том, применять силу против мятежа или нет, суверенная власть испытывать не должна, для нее это часть исполнения своего долга по защите национальных интересов. По сути, в формуле «мы никогда не применим силу против собственного народа» содержится признание того, что носителем суверенитета, «народом», признается противостоящая власти «революционная» толпа, в то время как власти отводится почти нелегитимная роль — то ли захватчика, то ли самозванца. Кстати, заявления в поддержку подобного бессилия власти извне заведомо ограничивают

поле маневра властей и являются, по сути, формой вмешательства во внутренние дела.

Позже Канатбек Кумушбеков, бывший начальник отдела личной охраны Аскара Акаева, раскрыл некоторые детали происходившего в тот день с первым президентом Киргизии: «Самое главное, что я хочу подчеркнуть, рядом с Акаевым не оказалось ни одного человека, кроме Танаева, который принимал бы политические решения, который мог бы посоветовать что-то ему. Он оказался практически один. Конечно, были мы, но наша задача по Конституции это только охрана «объектов госохраны». Посоветовавшись с Николаем Тимофеевичем, они решили, что будет более безопасно переехать на авиабазу в Канте.... По сути дела, те люди, которым он безмерно доверял — это генералы-силовики, до последнего утверждали, что ситуация под контролем. Но в итоге, дело обстояло совершенно другим образом. Президент достаточно интеллигентный человек, он им доверял. Возможно, ошибка в этом и заключается, что он излишне доверился этим людям, которые отвечали за безопасность.... Давать политическую оценку генералам, которые занимали высшие посты, для офицера не этично. Но есть факты, хронология событий по которым можно отследить их действия. Представьте себя на месте президента, который полностью доверяет своим силовикам, они говорят, что все в порядке, ситуация под контролем, а на самом деле происходит совершенно обратное...».

Во второй половине дня 25 марта информационное агентство «Кабар» распространило заявление самого президента Аскара Акаева, которое было получено по электронной почте. «В республике совершен антиконституционный государственный переворот, — говорилось в заявлении. — Кучка безответственных политических авантюристов и заговорщиков встала на криминальный путь захвата власти путем силовых акций. Неуправляемая и разрушительная волна анархии и погромов захлестнула столицу и многие регионы страны. Разбойные действия осуществляются экстремистами под лживыми революционными лозунгами и призывами...».

А населению Бишкека было не до революций. В полном соответствии со средневековыми традициями захватчиков «революционеры» просто отдали город на разграбление поддержав-

шим их криминальным группировкам в качестве гонорара за содействие. Лишь Феликс Кулов сумел взять на себя функции наведения хотя бы относительного порядка в городе, возглавив стихийно созданные дружины из числа никак не относящихся к сторонникам победившей оппозиции горожан.

Непрямые жертвы мартовского переворота составили около 150 человек: это были жертвы столкновений при мародерстве, люди умирали от полученных ранений, было зафиксировано несколько десятков случаев суицида, в частности — пострадавших мелких предпринимателей.

Революционная действительность никогда и нигде не совпадает с романтическими иллюзиями ее творцов, даже если они и были. Большинство лидеров киргизского мартовского переворота 2005 года, как и являвшиеся ударной силой переворота криминальные группировки, могут быть охарактеризованы скорее как циники, романтика революции была уделом зомбированной молодежи, составлявшей массовку на площадях. Отсутствие романтики стало очевидным для многих уже утром 25 марта. Постмартовские дни для тысяч людей стали временем серьезной переоценки своих взглядов на происходящее.

Для вождей переворота последующее время также не оказалось слишком простым. И если политический тренд имел характер скорее волнообразный, временами активизируясь, временами впадая в состояние стагнации, то в экономике все далее двигалось только по убывающей, только вниз.

* * *

13 мая Феликс Кулов совершил главную, пожалуй, ошибку в своей жизни. Он и Курманбек Бакиев заключили соглашение. Кулов снимал свою кандидатуру на предстоящих выборах. 16 мая Феликс Кулов занял пост первого вице-премьер-министра Киргизии. Это соглашение принципиально изменило обстановку в республике. Соглашение 13 мая носило, понятное дело, исключительно тактический, ближнесрочный характер, а заодно лишило какой-либо интриги предвыборную кампанию. В бюджетных учреждениях начался совершенно тривиальный принудительный сбор подписей за кандидата в президенты Курманбека Бакие-

ва... 10 июля не дожидаясь официальных сообщений ЦИКа, предвыборный штаб Бакиева объявил о победе своего кандидата. Проведенный позднее несложный арифметический подсчет показал: 10 июля на выборах президента Киргизии проголосовали 111,61% граждан Киргизстана. Эту сюрреалистическую картину все внешние наблюдатели легко признали легитимной, продемонстрировав заодно собственную цену...

Последующие пять лет показали: будучи абсолютно не способным к управлению страной, Бакиев реализовал немалое мастерство в интригах по устранению потенциальных и мнимых оппонентов вполне в духе традиций кокандского средневековья.

Одним из первых крупных маневров новой власти становится установление альянса с организованными преступными группами. Временной тенденцией была фрагментация власти, породившая в экспертных кругах понятие «афганизация Киргизии». В короткие сроки Бакиев убирает различными способами всех своих соратников по свержению Акаева. Последнее для него препятствие — тандем с Феликсом Куловым — устраняется к началу 2007 года. Новая тенденция — жесткая централизация власти в руках семьи не только за счет инструментов государства, но и, в первую очередь, путем инкорпорации криминалитета во все сферы жизни и его использования для своих целей.

Однако еще по инерции сохраняется политическая активность многочисленных романтиков от революции. Временами возникает ощущение, что все рациональное покинуло пределы страны. основополагающие дефиниции — демократия, реформы и даже конституция — расплылись и стали абстрактными в восприятии обычного человека. Информационно-эмоциональный «перегрев» вызывает отторжение от истинных смыслов этих слов. Лозунги лидеров и новой оппозиции, и официальных руководителей страны уже не воспринимаются большинством общества, все более и более чувствующего усталость от всего, что связано с этой не имеющей смысла политикой. Чем и успешно пользуется команда Бакиева. К весне 2007 года в Киргизии фактически были созданы все основные условия для существования суперпрезидентского режима. Оппозиция дискредитирована, разрознена, лишена реальной социальной базы и какой-либо внешней поддержки. В общественных настроениях воцаряется усталость от

политики, общество, включая и столь важную его часть, как представители малого и среднего бизнеса, просто худо-бедно приспособиваются к новым правилам существования.

Сложнее, нежели расправиться с политическими оппонентами, оказалось справиться с экономикой. Присвоение капитала требовало его создания. Бакиеву и его окружению было не до созидания, вся их деятельность — от внутренней политики до внешней — диктовалась исключительно сиюминутной корыстью. Это было ярко проиллюстрировано историей с получением российских кредитов на строительство Камбар-Атинских ГЭС в 2009 году.

* * *

Еще в 2001 году в Киргизии было принято решение о возобновлении строительства Камбаратинского гидроэнергетического каскада, начатого во времена СССР. Была разработана «Программа строительства Камбаратинской ГЭС-2», для проведения инвестиционного тендера на строительство была образована тендерная комиссия, которую возглавил первый вице-премьер-министр Киргизской Республики Николай Танаев. К 2004 году основной инвестор определился в лице РАО «ЕЭС России», когда председатель правления РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс и премьер-министр Киргизии Николай Танаев подписали меморандум о совместных действиях в рамках достройки Камбаратинских ГЭС. Но это был уже конец 2004 года, март 2005 года прервал этот этап энергетического сотрудничества Киргизии с Россией.

Начало 2009 года происходило под знаком невиданного ранее киргизско-российского сближения. 3 февраля 2009 года президент Киргизии Курманбек Бакиев посетил Москву с визитом и провел переговоры с президентом России Дмитрием Медведевым. Открывая встречу, российский лидер заметил, что визит Бакиева «носит предметный характер и связан с подписанием серьезных документов — меморандума о сотрудничестве в финансово-экономической сфере и межправительственного соглашения о строительстве Камбаратинской ГЭС-1». К этому времени Киргизия стояла на грани даже не дефолта, экономика на-

ходила на грани стопроцентного коллапса. Налоговая задолженность энергетических компаний превысила 62 млн. долларов, Узбекистан поднял цену на газ с 145 долларов до 240 за тысячу кубометров, нанеся мощный удар по киргизскому бюджету. Отрицательный торговый баланс страны по итогам 2008 года превысил 2 млрд. долларов. В декабре 2008 года начались продолжительные, многочасовые — в Бишкеке, по нескольку дней — в регионах, веерные отключения электричества, катастрофически не хватало зерна. В ноябре-декабре 2008 года в школах на всю зиму были отменены занятия, потому что не было ни воды, ни света. Социальные службы отключались, экономика бездействовала. Возникла серьезная проблема с электроэнергией, потому что из водохранилищ была сброшена практически вся вода для того, чтобы получить избыток электроэнергии еще летом и продать ее. В России наблюдался беспрецедентно большой приток мигрантов из Киргизии. Режим уже стоял на грани выживания. Внешний долг к концу 2008 года уже достиг отметки 3,467 млрд. долларов. Все это происходит на фоне роста безработицы и постепенного объединения оппозиции.

Стороны (России и Киргизии) рассмотрели ряд финансовых вопросов. Была урегулирована задолженность Бишкека перед Москвой: взамен на списание внешнего долга Киргизии в объеме около 180 млн. долларов правительство России должно было получить 48% акций предприятия «Дастан» — бывшего завода «Физприборы», входившего в военно-промышленный комплекс СССР. При этом Россия брала обязательство оказать Киргизии безвозмездную финансовую помощь в размере 150 млн. долларов, а также 300 млн. долларов льготного кредита под 0,75% годовых сроком на 40 лет и с семилетней отсрочкой выплаты (по ставке LIBOR+3%). Кроме того, Россия бралась предоставить Киргизии кредит в размере 2 млрд. долларов. «Эти средства пойдут как на стабилизацию бюджета Киргизии, так и на развитие ключевых инфраструктурных проектов, в частности гидроэнергетики. С этой целью только что заключено межправительственное соглашение по строительству в Киргизии Камбаратинской ГЭС», — сказал Медведев. По его словам, помощь в финансировании крупного проекта по строительству ГЭС «оказывается на специальных, льготных условиях — это жест дружеской поддержки и

пример взаимовыгодного сотрудничества». Для небольшой Киргизии с годовым бюджетом около 1 млрд. долларов подобный объем прямой финансовой помощи являлся беспрецедентным и не имел аналогов с момента обретения суверенитета.

В свою очередь, президент Киргизии сообщил: «Правительство Киргизии приняло решение о прекращении использования базы «Манас» Вооруженными силами коалиции. Соглашение об использовании базы силами США заключалось в 2001 году, когда в Афганистане шла настоящая война. Киргизия пошла на встречу и предоставила свою территорию для борьбы с терроризмом, тем самым внесла серьезный вклад в эту борьбу. Тогда речь шла о годе-двух, но прошло восемь лет. За это время мы неоднократно обсуждали с американскими партнерами тему об экономической компенсации Киргизии, но не нашли понимания».

Визит завершился на высокой для киргизской стороны оптимистической ноте. Тем более, что безвозмездная финансовая помощь в размере 150 млн. долларов, а также 300 млн. долларов льготного кредита перечисленных российской стороной были уже оприходованы семьей Бакиева.

7 июля 2009 года президент Киргизстана Курманбек Бакиев подписал закон, предусматривающий ратификацию Соглашений между правительствами Киргизстана и США о сотрудничестве и о Центре транзитных перевозок в международном аэропорту «Манас», де-факто американская военная база просто меняла вывеску. «Данное Соглашение соответствует интересам как наших стран, так и региона в целом. Американская сторона высоко оценивает усилия Киргизстана, направленные на борьбу с терроризмом и экстремизмом», — сказал по этому поводу помощник госсекретаря США Уильям Бернс. Российская сторона фактически не прореагировала на произошедшее, актуализируя лишь время от времени вопрос об отчетности о перечисленных по февральским соглашениям средствам. Киргизская сторона все запросы об отчетности игнорировала. В российско-киргизских отношениях установилась атмосфера плохо скрываемой враждебности.

Складывающаяся геополитика региона не оставляла места для маневров, рамки многовекторной политики сужались просто стремительно — но понимание этого выходило за пределы

интересов бакиевской семьи, сосредоточившейся на примитивном личном обогащении. Внешняя политика как таковая была выше интеллектуальных способностей Бакиева и его окружения.

В этой ситуации в руководстве России и созрело окончательное решение о нецелесообразности предоставления кредита в 1,7 млрд. долларов на строительство Камбаратинской ГЭС. 27 февраля 2010 года в Москве состоялось заседание межправительственной Российско-Киргизской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству. Представлявший российскую сторону министр энергетики России Сергей Шматко по итогам заседания межправительственной российско-киргизской комиссии дипломатично заявил: «Мы настроены на дальнейшее развитие отношений с Киргизией в энергетической сфере». Комиссия также поручила «Интер РАО ЕЭС», ОАО «РусГидро» и АО «Электрические станции» продолжить деятельность совместной рабочей группы по оценке вариантов освоения гидропотенциала в верхнем течении реки Нарын и разработки технико-экономических показателей строительства первоочередных гидроэлектростанций. Стороны обсудили и необходимость проведения международной экспертизы проекта Камбаратинской ГЭС-1: в переводе с дипломатического языка на обычный это подразумевало как необходимость согласования проекта с Узбекистаном, так и, главное, не столь скорую реализацию, как предполагалось в Киргизии.

О выделении кредита речь уже, естественно, не шла.

5 марта правительство России приняло постановление «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и на отдельные категории товаров, выработанные из нефти, вывозимые с территории Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе...». Следуя новым условиям своей национальной политики — условиям создаваемого Таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном, Россия закрывала возможности для реэкспорта нефтепродуктов. К тому же, ранее покупавшихся Киргизстаном по льготным тарифам и перепродававших уже на уровне рыночных ставок той же американской базе.

Для киргизской экономики это был смертельный удар.

Бакиевы этого не поняли. Демаршем киргизской стороны

на итоги киргизско-российской межправкомиссии стало предложение к США о размещении на юге республики американского военного объекта. Явление, скрываемое под эвфемизмом о «многовекторности», демонстрировало естественные пределы для режима Бакиева уже не просто на самую краткосрочную, но даже на стремительную перспективу.

Март 2010 года был тревожным и изобиловал событиями, каждое из которых нагнетало ощущение неизбежности кардинальных негативных либо позитивных перемен.

Одна из главных новостей начала марта 2010 года, которую дружно проигнорировали большинство киргизстанских СМИ: «Финансовый консультант» сына киргизского президента, Максима Бакиева, Евгений Гуревич подозревается в «отмывании» денег итальянской мафии и политиков из окружения Сильвио Берлускони, коррупционных связях с террористическими организациями и спецслужбами ряда западных стран».

Впрочем, связями с итальянской мафией мафиозная сущность бакиевской семьи не исчерпывалась. Вполне в соответствии с законами жанра правление Бакиева было отмечено и целой чередой политически мотивированных репрессий, включая и жестокие убийства. Рано утром 13 марта, в пригороде Бишкека в результате, как утверждалось официально, дорожно-транспортного происшествия погиб бывший глава администрации президента Киргизии Медет Садыркулов. Вместе с ним погибли экс-директор Института стратегических исследований Сергей Слепченко и водитель автомашины, в которой они находились. Все трое той ночью возвращались из Алма-Аты. Заказчиком убийства был Жаныш Бакиев. В операцию по ликвидации Садыркулова были вовлечены руководство погранслужбы, первые лица МВД и организованная преступная группировка Алманбета Анапияева. Жаныш Бакиев лично участвовал в пытках Садыркулова и его попутчиков и контролировал исполнение самого убийства.

С 10 марта доступ ко всем относительно независимым интернет-ресурсам в самой Киргизии был заблокирован. Полностью был заблокирован по всей республике доступ к LiveJournal, а также к ряду российских сайтов. Однако потребность в свободе информации, выработанная в киргизском обществе в годы президентства Аскара Акаева, сыграла с Бакиевыми дурную шутку.

Именно в это время среди интернет-пользователей получили самое широкое распространение всевозможные способы выхода на заблокированные интернет-ресурсы, преступления семьи, несмотря на все репрессии, быстро становились известны большинству населения самой республики, заодно формируя за ее пределами соответствующий реальному положению дел имидж бывшего «островка демократии».

К этому времени главными фигурами клана становятся сын и брат Бакиева – Максим и Жаныш соответственно.

В конечных планах группировки Максима Бакиева, представлявшей собой широко разветвленную сетевую структуру, контролирующую практически все сферы общественной жизни, было создание в Киргизии оффшорной зоны, ориентированной на кредитно-финансовые структуры США. Что, в свою очередь, естественно, подразумевало и полную подконтрольность политической сферы КР госструктурам США. Основные функционеры Максима Бакиева поддерживали тесные контакты с National Democratic Institute, Private Agencies Collaborating Together Inc., Международным Республиканский Институтом, Международным Фондом избирательных систем (IFES) и прочими резидентурами. Сам Максим Бакиев, не являясь ведущим лидером, находился под контролем своего латвийского компаньона В. Белокопя, напрямую связанного с ЦРУ США, БНД ФРГ и с находящимся в Лондоне Борисом Березовским. Группировка Бакиева-младшего становится основным генератором антироссийской политики в КР.

Но главным образом, семью Бакиева продолжало беспокоить только собственное обогащение любыми способами. Естественно, что мимо внимания этой криминальной семьи не мог пройти и такой масштабный денежный поток как доходы от афганского наркотрафика.

Период 1999-2005 гг. был временем постоянных переделов в сфере контроля над наркотрафиком между различными ОПГ и патронировавшими преступные сообщества политиками и представителями правоохранительных органов. Одним из основных уже тогда был Жаныш Бакиев — на тот момент полковник милиции, бывший в период премьерства брата, Курманбека Бакиева, начальником главного управления внутренних дел на транспорте

МВД Киргизии. Оперативная информация о руководящей роли Жаныша Бакиева на одном из проходивших через республику маршрутов наркотрафика неоднократно поступала от АКН и, особенно, от СНБ КР в правительство, однако последствий это не имело. В Киргизии до марта 2005 года процесс наркотранзита был децентрализован и не являлся монополией правившей политической элиты. Выше уже отмечено, что в разное время различные представители политического класса оказывались причастны к этому процессу, однако имеющаяся информация позволяет предполагать в этом скорее спонтанность, отсутствие системности. «Никогда в Киргизстане не было не контролируемого властями наркотрафика, никогда среди хозяев этих путей не было просто смертных людей, не обладающих властью, — это люди должны знать! Один Акаев — святой! — пытался превратить страну в рай без зелья! А его подручные, кто сегодня сохранился, кормились из этой жилы!!», — писал, прозрев, один из лидеров мартовского переворота 2005 года, депутат парламента Баяман Эркинбаев.

21 сентября 2005 года Баяман Эркинбаев был убит. Начавшаяся с убийства Эркинбаева череда громких убийств, произошедших сразу после марта 2005 года, должна рассматриваться как раз в контексте процесса монополизации наркотрафика семьей Бакиевых. Ведущая роль в этом процессе, несомненно, принадлежала Жанышу Бакиеву, Максим Бакиев через подконтрольные банковско-финансовые структуры осуществлял «отмыв» денег, переводя их на счета семьи за рубежом, либо вкладывая в другие криминальные предприятия.

* * *

События 7 апреля не проецируются на схемы, действовавшие в марте 2005-го года.

Авангардом апрельских событий 2010 г. стало, в основном, маргинальное население из регионов, но не зомбированное многочисленными неправительственными организациями, как это было в 2005 году, и стихийно создающее уже собственные — политические — структуры, претендуя на участие в управлении республикой. В этом движении теоретически был заложен и пози-

тивный потенциал обновления, хотя бы частичного, политических элит, который не был реализован, инициатива была уже вечером 7 апреля перехвачена группой политиков, претендовавших на статус системной оппозиции: Отунбаевой, Атамбаевым, Бекназаровым, Исаковым, Сариевым...

Другим принципиальным отличием от событий 2005 года было более активное участие непосредственно в событиях группировок криминала — на этот раз криминала северных регионов, привлеченных оппозиционерами. Произошедший в бакиевское время передел сфер криминального контроля под общее управление близких к Бакиевым «авторитетов» — Кольбаева, Анапияева и других, естественно, вызвал созревание контрреакции со стороны ОПГ северных регионов, привлеченных «статусными революционерами» к событиям 7 апреля и привлекавшихся впоследствии.

Лозунги социально-экономической и антикоррупционной направленности, декларировавшиеся оппозицией накануне и в марте 2005 г. в большинстве своем сочинялись грузинскими, украинскими инструкторами и лишь адаптировались к местным реалиям функционерами киргизских НПО. Основные требования были сформулированы как прямой ответ на пятилетний беспредел бакиевской семьи и их ближнего окружения.

В последние дни марта МИД Киргизии сообщил, что направил ноту протеста России, в которой выражает недовольство публикациями, появившимися в российской прессе, а также программами московских телеканалов в канун и после годовщины событий 2005 года. По мнению президента республики, журналисты ряда московских изданий искажают реалии киргизской жизни, что может поссорить две страны. Курманбек Бакиев и сам выступил с заявлением о том, что российские СМИ искажают ситуацию в стране и делают это «по наущению неких сил, желающих ухудшения киргизско-российских отношений». Портить к этому времени было уже, собственно, нечего, оставалось разве что войну объявить...

1 апреля были приостановлены поставки нефти из России в Киргизстан. На следующий день российская сторона сообщила о введении в соответствии с постановлением правительства РФ от 5 марта пошлины в 193,5 доллара за тонну отгружае-

мого Киргизстану бензина и дизельного топлива. Это означало 30-процентное повышение цен и соответствующий скачок инфляции. Попытки проведения стихийных митингов происходят в Таласской, Иссык-Кульской и Чуйской областях, неспокойно в Ошской и Баткенской. Информационно изолированной остается с 10 марта Нарынская область. Однозначно стабильная ситуация сохраняется в Джалал-Абадской области. Регионы республики могут охватить стихийные и неуправляемые протестные движения, а если прольется кровь — не нужно будет искать виновных. Все знают их поименно.

На 7 апреля был назначен очередной курултай оппозиции.

* * *

Первые критические выступления сторонников оппозиции начались 6 апреля во второй половине дня в Таласе после того, как сотрудники местного ГУВД задержали одного из лидеров оппозиционной партии «Ата-Мекен» Болота Шерниязова, прибывшего в город утром для участия в оппозиционном курултае. Митингующие захватили здание областной администрации и взяли в заложники губернатора. Прибывший в город для подавления беспорядков министр внутренних дел Молдомуса Конгантиев жестоко избит, были также захвачены вице-премьер Акылбек Жапаров и губернатор Бейшенбек Болотбеков. В Талас переброшены спецподразделения МВД из Бишкека, Оша и Джалал-Абада. Ночью здание Таласской областной администрации было полностью сожжено.

Вечером 6 апреля в Бишкеке начались аресты лидеров оппозиции, которых власти пытались привлечь в качестве свидетелей по уголовному делу, возбужденному в связи с событиями в Таласе. Среди задержанных оказались председатель партии «Ата-Мекен» Омурбек Текебаева, лидер СДПК Алмазбек Атамбаев, председатель партии «Ак-Шумкар» Темир Сариев. Еще один из представителей, депутат Иса Омуркулов пришел в СНБ по собственному желанию, там же уже находилась и депутат, адвокат Галина Скрипкина.

Ночью с 6 на 7 апреля премьер-министр Данияр Усенов

выступает по телевидению, объявляя, в том числе, о том, что Бакиев своим указом ввел в стране чрезвычайное положение, однако мало кто обратил на это внимание. В Бишкеке ходят слухи о бегстве Бакиева из республики. Утром в парламенте выступает все тот же Данияр Усенов, обсуждается вопрос о введении комендантского часа, на вопрос о местонахождении Бакиева Усенов ничего внятного ответить не может. Усенов обвиняет руководство России в поддержке киргизской оппозиции, заодно сообщив депутатам, что задержанные лидеры оппозиции дают признательные показания о подготовке государственного переворота с целью свержения законной власти.

К этому моменту властью уже сделана главная ставка — на подавление всех протестных движений исключительно силой. Однако, силы не так уж и много. Проведенная на протяжении пяти лет замена руководства силовых структур на верных людей (типа министра обороны джалалабадца Б.Калыева, министра внутренних дел М. Конгантиева) и приручение других (председатель ГКНБ Мурат Суталинов) еще не означала безусловной верности всех военнослужащих режиму.

7 апреля, начиная с 8 часов утра, сторонники оппозиции стали собираться возле заблокированного милицией здания АО «Форум» на ул. Алма-Атинской, где находилась штаб-квартира СДПК. Примерно в 9 часов утра — вскоре после начала митинга милиционеры начали задерживать участников несанкционированной акции протеста, а встретив сопротивление — пытались рассеять толпу, используя резиновые пули, светошумовые гранаты и слезоточивый газ. Однако ситуация за короткое время вышла из-под контроля властей. Начались столкновения демонстрантов (число которых быстро увеличивалось) с силами безопасности, у демонстрантов появляется боевое оружие, которое незамедлительно идет в ход. Милиция, военнослужащие Службы государственной охраны и управления специальных операций ГСНБ «Альфа» вынуждены ретироваться. Волнения перемещаются на центральную площадь.

Ближе к 14 часам была осуществлена первая попытка штурма правительственного здания — ворота ограды протаранены одним из захваченных у «альфовцев» грузовиков. Митингующие пытаются прорваться внутрь, забрасывая милиционеров и

другие подразделения охраны взрывпакетами, камнями, раздаются первые выстрелы, но точной констатации — с какой из сторон — так и не существует.

Около 15 часов со стороны Дома правительства начинаются стрельбу снайперы, на площади появляются первые убитые и раненые. Огнестрельное оружие в полной мере применяется обеими сторонами. Оппозиционеры не оставляют попыток прорваться в здание Дома правительства. Ведется перестрелка, в которой ведущую роль играют снайперы — как расположенные в здании правительства, так и на окружающих его высотных строениях — АО «Илбирс», Дом профсоюзов, здание Киргизского драматического театра, здание исторического музея. Оппозиционерами сожжены здания Генеральной прокуратуры и Государственной налоговой инспекции, что является прямым признаком непосредственного участия в их рядах криминалитета, а также заказа на уничтожение хранящихся там уголовных и следственных материалов. То же самое происходит со всеми городскими управлениями внутренних дел и прокуратуры, налоговых инспекций. Около 18 часов оппозиционерами делается попытка прорваться к зданию правительства с помощью захваченного БТР, однако она не удается. Локальные боестолкновения происходят в разных частях центра Бишкека.

Часть оппозиционеров направляется к зданию СНБ, которое после интенсивного боестолкновения захватывается, архивы и следственные материалы сжигаются, хотя пожар в целом удается в течение ночи локализовать. Из СИЗО СНБ освобождаются задержанные накануне О. Текебаев, Т. Сариев, А. Атамбаев, И. Омуркулов и другие. В сопровождении вооруженных сторонников они направляются к зданию правительства.

Между 20 и 21 часом основные лидеры оппозиции собираются в здании парламента. Теперь к ним присоединяется и неизвестно где находившаяся Роза Отунбаева.

Становится известно, что после короткого боестолкновения в аэропорту «Манас», когда Бакиева с его ближайшим окружением пытались задержать, примерно в 20.00 ему удалось все-таки вылететь на юг. Под прикрытием огня охраны Бакиева прямо к трапу самолета прорвалось две автомашины, вместе с Бакиевым еще 5-6 человек. Из-за отказа всех сопредельных стран пре-

доставить свое воздушное пространство Бакиев приземляется в Оше.

Около 21 часа оборона Дома правительства прекращается.

Ночью, а также на протяжении еще трех дней продолжают попытки погромов и мародерства, характер их несколько отличается от аналогичных событий марта 2005 года. Мародерство образца апреля 2010 года носит более избирательный характер, дабы не были затронуты интересы заинтересованных персон, надеющихся на успешность кооптации в новую власть.

* * *

Чтобы понять, как стихийное развитие событий 6-7 апреля привело к захвату слабовооруженной, малоорганизованной оппозицией зданий Дома правительства, ГСНБ и, в итоге, фактическому захвату власти, нужно обратить внимание на некоторые особенности киргизской этнопсихологии. Удивляющий многих внешних наблюдателей революционный запал митингующих объясним достаточно легко. В форсмажорной ситуации срывает постномадическая психология: киргиз-солдат великолепен при наступлении, когда ему терять нечего — это кроется в подсознании, это работают еще не переработанные за два-три поколения гены кочевника, зачастую жившего барымтой — набегам. А в обороне киргиз-солдат менее способный, в обороне лучше таджик или узбек, ему, потомук земледельцев, на уровне подсознания есть что защищать, — даже если этого в реалиях и нет. Кочевник-боец для наступления. В событиях 7 апреля спровоцированная силовыми действиями властей наступательная силовая контрреакция со стороны оппозиции оказалась сильнее действий самих властей, оказавшихся в обороне.

17 апреля Бакиев вылетел из Оша сначала в Казахстан, а затем в Белоруссию. Началась новая эпоха киргизской независимости — эпоха «временщиков».

По уже установившейся с 2005 года традиции почти синхронно с погромами в Бишкеке на окраинах начались землезахваты. Их основные участники — десятки тысяч мигрировавших в Бишкек южан. Конфликты захватчиков с землевладельцами мгно-

венно приобретает межэтнический характер. Наиболее крупные столкновения происходят в пригородном селе Маевка, городе Токмаке и селах Иссык-Атинского, Аламединского, Сокулукского районов Чуйской области, локально — на Иссык-Куле.

В Джалал-Абаде ситуация развивалась по-иному, нежели на севере. Несмотря на то, что база поддержки бакиевской семьи и на юге в целом была невелика, в их распоряжении оставались финансовые ресурсы, запасы оружия, контроль над определенным кругом земляков и родственников и, главное, основными ОПГ.

13-14 мая к попыткам сторонников Временного правительства отбить здание администрации области присоединились узбеки, возглавляемые их лидером Кадыржаном Батыровым, у новой власти не хватало сил, вследствие чего Омурбек Текебаев и Исмаил Исаков обратились с просьбой к узбекским лидерам о помощи. С обеих сторон использовалось оружие. Позже толпа направилась к дому Курманбека Бакиева в село Тейит, который впоследствии разграбила и сожгла. Участие узбеков в разгроме бакиевского «родового гнезда» потом будет объявлено новой правящей киргизской элитой одной из причин июньского конфликта. По мнению экс-заместителя главы ГСНБ Кыргызстана Артура Медетбекова, именно с 14 мая началось «открытое противостояние узбеков и киргизов».

19 мая между киргизами и узбеками в Джалал-Абаде произошли масштабные столкновения с применением боевого оружия, в которое правоохранительные органы фактически не вмешались. Правительство Отунбаевой практически полностью устранилось от межэтнической политики, будучи занято в Бишкеке переделом бакиевской собственности.

Любой современный политический (этнополитический, межэтнический) конфликт — это не обязательно всегда тот случай, когда, как в известной пословице, «дьявол кроется в деталях». Вопросы типа «кто начал первый» могут, конечно, быть основанием для обывательских рассуждений, но и не более.

Современная методология политического расследования в большей степени должна опираться на поиск интересов, находить ответ на вопрос «кому было выгодно».

Международная комиссия, созданная уже после июньских событий, в своем отчете отмечала, анализируя историю и предпосылки конфликта: «Проблемы узбекского меньшинства периодически поднимались и в течение акаевского периода, хотя и с осторожностью. Первый узбекский митинг с 1990 года прошел в Джалал-Абаде 28 мая 2006 года. Участники призывали к большему представительству во власти, национальном законодательстве, правоохранительной и судебной системах, и за придание официального статуса узбекскому языку». Эта констатация достаточно красноречиво свидетельствует о периодизации роста межэтнической напряженности в республике в период с момента обретения независимости, март 2005 года — это рубеж.

Межэтническая, общесоциальная, демографическая, религиозная напряженность в Ферганской долине, о которой на протяжении двадцати лет не писали из экспертов и не говорили из политиков только самые ленивые, эта напряженность в джала-лабадских майских событиях получила импульс критического значения.

Вопрос состоял только в том, когда именно все начнется.

Около 22 часов 10 июня произошло столкновение около казино, расположенного в гостинице «Алай» в центре г. Ош. Спор о деньгах — то ли кем-то потерянных, то ли выигранных или проигранных — в течение получаса перерос в побоище с применением подручных средств, включая камни и железные прутья. Принципиальным отличием этого инцидента от множества стычек предшествующих дней было то, что милиция не захотела его остановить. Около 23 часов, когда милиционеры сами стали подвергаться нападению, ими было применено огнестрельное табельное оружие для стрельбы в воздух, что еще больше обострило ситуацию. Со стороны военнослужащих была открыта стрельба на поражение, главной их целью стало вытеснение узбекских участников беспорядков с улиц в махалли. Утром 11 июня, с экстраординарной даже для эпохи мобильных коммуникаций скоростью, по городу Ош и Ошской области распространяется слух о, якобы, имевших место изнасилованиях и убийствах киргизских студенток узбекскими мужчинами.

Во второй половине ночи происходила стремительная мобилизация киргизских участников — как в самом городе, так и по сельским районам. К утру в ряде районов города были уже сосредоточены жители не только сравнительно близко расположенных Ноокатского и Араванского районов Ошской области, но и представители Лейлекского, Кадамжайского и Кызыл-Кийского районов Баткенской области, жители Мады, Гульчи, Чон-Алая и Кара-Кульджи. Представители Алая и Чон-Алая были вооружены оружием, отобранным у пограничников, там же было захвачено несколько грузовых автомашин. В большинстве районов всех трех южных областей местные власти никак не препятствовали данной мобилизации.

В 04:00 ч. мэр Оша сделал публичное обращение, призывая к спокойствию. В 06:30 был введен комендантский час с 20:00 до 06:00. Группа членов Временного правительства прибыла из Бишкека примерно в 7 часов утра. В течение дня дополнительные военные силы из Бишкека были направлены в Ош. В середине дня 11 июня в Ош прилетел Исмаил Исаков с функциями спецпредставителя главы Временного правительства. В это время в городе уже идут погромы, погибших уже десятки. С киргизской стороны начинаются действия по штурму махаллей, узбеки преимущественно обороняются. Собственными силами начинается эвакуация узбеков — женщин, детей, стариков — в направлении границы с Узбекистаном. Погромы и боестолкновения продолжаются по всему городу в течение всего дня и ночью.

12 июня Роза Отунбаева обратилась к президенту России Д.А. Медведеву с просьбой ввести миротворцев для подавления массовых беспорядков и межэтнических столкновений между киргизами и узбеками. «Что касается принятия решения о направлении в Киргизию миротворческих сил ОДКБ, то такое решение может быть принято только в соответствии с уставом ООН и после консультаций со всеми участниками этой организации», — отреагировала пресс-служба президента России.

В Оше в это время бесчинствуют организованные банды, целенаправленно уничтожающие мирных жителей. В течение дня 12 июня погромы идут по всему городу, крупными очагами являются практически все крупные махалли. В полной мере используются боевое оружие и военная техника. В информаци-

онном пространстве витают два основных слуха: о скором прибытии российских миротворцев и о появлении войск Узбекистана. Эти слухи придают динамике событий волнообразный характер — с появлением слухов банды погромщиков в значительной мере теряют агрессивность и частично рассеиваются, с опровержением начинается новая волна агрессии.

До конца месяца в Оше, Джалал-Абаде и некоторых других населенных пунктах продолжаются локальные боестолкновения, в том числе с участием снайперов, применением гранатометов и боевой техники.

23 июня прокуратура Джалал-Абадской области представила официальную версию беспорядков. Обвиняются сторонники Бакиевых и узбекские лидеры. В Ошской области продолжают зачистки, сопровождаемые арестами и вымогательством.

* * *

Уже самые первые последствия событий приобретали неординарный характер. В августе 2010 года Роза Отунбаева сделала заявление о том, что, по ее информации, несколько сотен молодых узбеков из Киргизии находятся в тренировочных лагерях террористических организаций на территории Афганистана. Примерно с этого времени правоохранными органами республики и транслирующими их местными СМИ начинает усиленно нагнетаться угроза исламистского терроризма для республики.

Из многочисленных отчетов по расследованию событий в фактологическом плане наиболее объективным, на первый взгляд, кажется Отчет Международной комиссии (ИКК) Киммо Кильюнена, имеющего репутацию разрушителя Югославии и затем Сербии. Он становится серьезным инструментом для западных международных организаций, ряда правительств, в случае, когда возникнет потребность в оказании давления на правительство Киргизии. Этот отчет, отдающий предпочтение в большей степени пострадавшим узбекам, служит и раздражителем для последних, способствуя радикализации части узбекской общины, включая и возникновение в действительности сепаратистских настроений, и стимулятором настроений этнического реванша в

соседнем Узбекистане, каковые вовсе не способствуют стабильности в регионе в целом. Думается, это инструмент по превращению киргизской части Ферганской долины в аналог Косова в больших геополитических планах международного англосаксонского истеблишмента.

Тем временем, в конце декабря 2011 года произошел киргизско-таджикский межэтнический конфликт в селе Андарак Баткенской области. Сразу же за ним последовал конфликт между киргизами и представителями северокавказских этносов в селе Джаны-Джер в Чуйской области. Электорат Отунбаевой и Атамбаева продолжает традиции бакиевского. Зимой 2005-2006 годов в поселке Искра Чуйской области произошел киргизско-дунганский конфликт, итогом которого стал массовый выезд дунган из этого региона в соседний Казахстан. В феврале 2010 года происходил конфликт между киргизами и курдами в поселке Кок-Янгак на юге, курдское население поселок покинуло.

Усердно разрабатываемая лидерами новой власти и активистами нового политического истеблишмента агрессивная националистическая парадигма продолжает развиваться в самых разных местах, по самым разным поводам и без оных.

* * *

Жизнь такова, что в силу различных факторов, среди которых не последнее место занимают рутинность и обыденность каждодневных событий, человек воспринимает окружающий мир, прежде всего, исходя из своих собственных ощущений и интересов, это то, что именуется субъективизмом. Явления, не вписывающиеся в рамки индивидуального понимания, как правило, не воспринимаются или же отторгаются, получают преимущественно негативную оценку. Ну, а поскольку каждый индивид есть не только продукт определенной системы воспитания, определенного образования, но и производное от окружающей среды, порой ежеминутно способной влиять на личностные восприятия, то человеческие оценки отдельных событий и личностей непроизвольно несут на себе печать личного, субъективного.

История делается людьми, а это означает, что деятельность личностей не может не иметь в ней значения.

Объективное понимание событий, процессов, личностей возникает по прошествии определенного времени, когда стираются не столь существенные детали, уходит наносное, вторичное, не существенное, и остается главное, сущностное, что было определяющим и важным в тех или иных событиях, процессах, поступках людей. Это — применительно к общественному мнению как таковому. Задача же и право историка — описать то, что было и двадцать лет назад, и то, что происходит, по свежим следам, удерживаясь в рамках объективного.

Личности бывают разные. В истории — в том числе.

Аскар Акаев, политик с харизмой ученого, не раз демонстрировал одну из основных черт своего характера — добиваться намеченного. Были и ошибки. В то время слома эпох мало кто не делал ошибок — те, кто совершали преступления, не в счет, история расставит свои точки в их биографиях. В 1991 году главный редактор журнала «Литературный Киргизстан» Александр Иванов писал: «...Физик от Бога приносит себя в жертву политике. Должно быть, он полагает, что и здесь прок от него будет не меньший. Время покажет. Во всяком случае впервые в республике к руководству пришел человек, который лично столь много теряет и для которого высокая карьера вряд ли могла казаться такой уж заманчивой и желанной». Судьба распорядилась так, что академик Акаев вновь оказался в родной и привычной для него научной среде, быстро адаптировавшись к подзабытому, конечно, за 14 лет формату жизни и деятельности. В 2006 году он был избран иностранным членом Российской академии наук за выдающиеся исследования в области оптической обработки информации — в этом списке: Александр Гумбольдт и Альберт Эйнштейн, Трен Жолио-Кюри и Нильс Бор, Софья Ковалевская и Эрнест Резерфорд... После отставки, не теряя времени, он приступает к работе в Институте математических исследований сложных систем им. И.Р. Пригожина в Московском государственном университете. С 2009 года Акаев — координатор подпрограммы «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» Президиума РАН.

Курманбеку Бакиеву электорат достаточно быстро на своем, обывательском, уровне сразу присвоил два прозвища: «Элек-

трик» и «Бакс», оба обосновывались вполне конкретными характеристиками, пусть и иронично: впервые с приходом Бакиева к власти в республике узнали, что такое энергетический кризис, а любовь к конвертируемой валюте этой семьи сразу стала притчей во языцех. Управляемый младшим Бакиевым рэкет распространялся от уровня крупных зарубежных инвесторов до уровня мелких городских торговцев. Идеалом Бакиевых было, вероятно, Кокандское ханство, их поведение свидетельствует об очень примитивном понимании сущности государства: власть дана для того, чтобы заработать деньги исключительно лично для себя.

Бакиев — трус. «Меня убьют или бросят в толпу со словами «это он приказал открыть огонь, он виноват в том, что столько человек погибло», заявил он 10 апреля в интервью российскому «Первому каналу». А вкуче все его заявления после бегства в Белоруссию оставляют впечатление неполной адекватности. Как будто он жил за какой-то стеной и не видел ни разу того общества, которым пытался вроде бы управлять. Кроме собственного сына и собственной семьи.

Женщина-политик в Азии — больше, чем женщина. Если попытаться понять природу политической биографии этой женщины, просто необходим ретроспективный взгляд в ее по историческим меркам недавнее партийное и советское прошлое. И даже бог с ней, с кандидатской диссертацией, в которой будущая демократка защищала марксизм от буржуазных фальсификаций и инсинуаций. Третий секретарь Фрунзенского горкома партии, она отвечала за коммунистическую идеологию, будучи женщиной совсем не преклонного возраста. Стечение обстоятельств позволило ей очень быстро занять пост заместителя председателя правительства и министра иностранных дел Киргизии. Затем она постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО.

После развала СССР Отунбаева не нужна новому российскому руководству. Аскар Акаев, испытывающий безумный дефицит опытных кадров и учитывая ее ооновский опыт, приглашает ее занять пост министра иностранных дел, в последующем при его поддержке она занимает этот пост вторично. Ее благодарность — на той же самой дорожке, которая не ведет к храму. Она участвует в свержении уже Аскара Акаева.

В общем-то, Роза Отунбаева в ряду первых лиц Кирги-

зии может рассматриваться только очень условно. В ходе вооруженного переворота в рамках кулуарного сговора узкого круга лиц возглавившая абсолютно нелегитимное Временное правительство, она подтвердила свои полномочия на референдуме 27 июня 2010 года.

В дни ухода Отунбаевой с должности немногочисленные представители нескольких НПО провели вызвавшую в обществе неоднозначное отношение акцию, сложив у ограды Дома правительства из живых роз два слова: «Спасибо, Роза». Спасибо за пролитую кровь?...

* * *

Для Киргизии события 24 марта 2005 года сравнимы с революцией 1917 года для Российской империи или с развалом страны в 1991 году — для СССР. Началась эпоха возврата к средневековью. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии стал ярким примером западного программирования современной истории, нет гарантий, что и в последующем страны региона не будут подталкиваться к реформированию правительственных структур, стимулированию развития по западному образцу парламентской системы и политических партий, к изменению, в конечном итоге, действующего государственного строя. Примеров в этом направлении по любой из стран региона и за его пределами — множество.

Но киргизский пример — это и урок. Урок, демонстрирующий принципиально противоположные стандарты отношения к малым партнерам со стороны американо-атлантического сообщества, и со стороны России, других стран бывшего СССР.

Это урок, который необходимо учитывать киргизской политической элите.

Возвращаясь же к вопросу о глобальных условиях сохранения и развития киргизской государственности, необходимо вернуться и к тематике интеграции. «Строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывает основу для формирования в перспективе Евразийского экономического союза. Одновременно будет идти и постепенное расширение круга участников Таможенного союза и ЕЭП за счет полно-

ценного подключения к работе Киргизии и Таджикистана». В этих словах Владимира Путина — прямое приглашение к совместному выживанию и развитию, адекватный ответ на которое станет и ответом на вопрос о перспективах Киргизии в условиях все более усложняющегося мира.

Людмила
ЖОЛМУХАМЕДОВА

КАК Я НЕ СТАЛА ГЕРОЕМ АПРЕЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Еще один апрель. Сажу перед компьютером и не могу вспомнить, сколько лет прошло с того дня? Год? Два? Не знаю. Для меня это – будто вчера, и, вероятно, так будет теперь всегда. Помню, что на площади было совсем не страшно. Помню, что, потом, глядя на нас с экрана телевизора, ужаснулась: вот так это было?! Мороз по коже. Озноб. Смотреть – невозможно. А быть там было необходимо. Почему?! Невольно думаю: все время пишут, что наша армия разваливается, что она беспомощна, что организовать ее фактически невозможно. Что невозможно сформировать честную и порядочную милицию. Что умные, и добросовестные чекисты у нас давно перевелись. И что чуть ли не весь наш народ способен думать только о деньгах и выгоде. Но как тогда забыть о тех парнях и мужчинах, которые на площади, в тот день, продемонстрировали яркую воинскую дисциплину?! Как забыть тех, с оружием и закрытыми забралами лицами, которые выполняли приказ?! Теперь первых обвиняют в том, что они не могут и не хотят служить, вторых – судят. Воинственность была с нашей стороны. Те, другие, выполняли приказ, защищая власть. Да, она была ужасна, да, она была отвратительна. Но они – выполняли приказ. А как иначе?! Может быть, все-таки стоит сделать акцент на том, что виновные, противопоставившие народ и армию (милицию) друг против друга должны быть возвращены домой и наказаны? Никто не желает им судьбы Муаммара Каддафи, но судить иных, а не этих, повторюсь, главных преступников – это, значит, простить их, а посадить за решетку тех, кто, по

сути своей, защищал государственность. Кто стрелял в народ? Кто точно это скажет? Где те снайперы, чьи пули летали над нашими головами? Чьи они? Откуда? Куда подевались? Что же это была за необходимость помочь Бакиеву сбежать? Главари государственной банды один за другим испарились через наши границы, будто вода через решето. Виноваты военные, которые плохо охраняют границы? Может быть, еще и их следует судить? Говорят: лучший способ погубить любое дело, это довести его до абсурда. Именно это мы сегодня и имеем. Иные, кто был в тот день на площади, уехали из страны, иные разуверились (навсегда?) во всем, иные озлоблены, иные – теперь равнодушны ко всему, что происходит. Но все вместе мы повторяем одну и ту же мысль: эй, власть, оставь нас в покое! Мы просто хотим жить и кормить свои семьи. По крайней мере – не мешай делать нам это. Как общий вздох, который я слышу каждый день. Когда все удивились, что Суталинов вернулся и сел на скамью подсудимых, мне стало немного легче – нет, не все еще для нас потеряно. Лично с этим человеком я не знакома, но его поступок вызывает уважение. Ведь только тогда, когда мы перестанем служить тому или иному лидеру, и на первое, главное, основное место поставим интересы Родины, когда каждый осознает, что есть нравственно, а что есть безнравственно, только тогда пули вернутся в тир, а мы перестанем, наконец, бояться друг друга.

Утро было пасмурным и серым. А поскольку в массе своей наш народ почему-то носит исключительно черного или серого цвета одежду, то весь тот день предстает передо мной как бы нарисованным карандашом, обычным, бесцветным. Потом пошел дождь. Мелкий, нудный и тоже серый. Так было до первых выстрелов, до первых жертв. Тогда их кровь, разбавленная мелкой влагой с небес, окрасила главную площадь нашей столицы в красный цвет. Красные лужи. Розовые лужи. Желтый цвет огня – горит грузовик. Но и эти краски время от времени затуманиваются от взрыва дымных гранат. Кто-то сказал: это не страшно, гранаты просто пугают взрывами и дымом. Но потом появились раненые в ноги и живот. Гранаты не такие уж безобидные? Почему-то запомнились деревья. Вот-вот и весна, распускать бы почки, а

тут людская масса, выстрелы, шум. Ощущение: деревья беспомощно застыли в страхе. Им куда бежать? Как?

Когда снайперы открыли огонь, то все бросились прочь, подальше от «Серого дома». Но поперек площади – клумба, мокрая, грязная земля. Не хочу, не могу, не умею наступить на клумбу. Но, чтобы обежать ее, нужно вернуться на асфальт, то есть, прямо на выстрелы. Поразительно, но с усилием заставляю себя, чтобы спасти жизнь, бежать через клумбу. Со страшным усилием. Хочется на асфальт, хочется привычно, но – нельзя. Рядом падает один мужчина. Потом – другой. Что-то крепко ударяет меня по затылку, но я продолжаю бежать. Думаю: если это пуля, то почему не очень больно? Если это пуля, то почему я все еще бегу? Отбегаю за угол галереи, пытаюсь действовать осознанно: насухо вытираю мокрую от дождя руку и ощупываю затылок, крови нет. Вероятно, ударило куском облицовочного материала, вероятно, плашмя, если бы боком, было бы много хуже. Достая сигарету и совершенно не чувствую ее вкуса. Стою. Через некоторое время рядом падает еще один мужчина: оказывается, и эта зона кем-то отлично простреливается. Страха нет. Страха нет ни у кого.

Раненые падают. Но – не кричат, не вопиют от боли, только стонут. Их тут же подхватывают на руки четверо, пятеро, шестером и бегом несут на соседние улицы, там тормозят ближайшую машину – и в больницу. И они не кричат, не плачут – действуют. Только один парень, совсем молодой, вытер глаза. Смотреть ему в лицо было больно. Брат? Да, брат. Бережно поднимает старшего своего брата за плечи, другие парни помогают ему, бегут со своей страшной ношей прочь с площади. Потом возвращаются. Падает еще один мужчина, толстый, пожилой, но крови нет. Бледный. Может быть, сердце не выдержало? Выстрелы стихают, и я спокойно (!) перехожу площадь. Уже остановлена машина, взломанная ворота близ «Серого дома», пошедший на прорыв водитель убит. Вдоль дома, по всему периметру, стоя на одном колене с оружием в руках, едва ли не плечом к плечу стоят бойцы. Их оружие нацелено на нас. В прорыв, вслед за уже убитой машиной, с мертвым смельчаком за рулем вдруг идет человек. Он рвет на груди рубаху, он подставляет голую грудь под дула орудий и что-то кричит бойцам. Сотни других мужчин готовы ринутся

следом, своими еще живыми телами закрыть страшные зевы оружия. Но чей-то громкий голос останавливает их. Действительно, бессмысленно.

...На площадь я попала из Сокулука. Сначала там долго митинговали. Группка парней гарцевала на лошадях, как бы символизируя собой непреклонность намерений. Уже из Бишкека сообщают о том, что народ в огромном количестве собрался возле Форума. У нас продолжается митинг. Потом поступили сообщения о том, что возле Форума началась перестрелка, что митингующие отобрали у стражей порядка оружие. Мы все еще митингуем. Лошади застоялись, нервно перебирают ногами. Толпа то собирается, то вновь рассасывается по окрестностям. Рукводит ею некий рыхлый господин мне лично до тех пор неизвестный. Глаза отводит. И все время куда-то звонит. Шустро и решительно бегают молодой человек и тоже все время куда-то звонит. Думаю: оружие у наших! Но ведь и у тех, наверняка, тоже! Ведь Бакиев открыто заявил, что будет защищать свою власть с оружием в руках. И вот оружие – с двух сторон! Что будет?!

Наконец, решились идти на столицу. Голос толпы, все время скандировавшей – на Бишкек, на Бишкек! – в конце концов, поддержали организаторы. Получили чье-то разрешение?

Буквально за углом – здание акимиата. Для разогрева побрили все стекла, хотя аким вышел на ступеньки и сказал, что власть над районом отдает добровольно. Но накопившаяся энергия уже требовала выхода. Перекрыли трассу и стали останавливать маршрутки и легковые авто для того, чтобы добраться до Бишкека. Тех, кто не хотел этого делать, заворачивали обратно или просто и легко переворачивали машину. Откуда-то появились знамена – государственные флаги и партийные. Парни на лошадях держали трассу под контролем: путь был только один – в Бишкек. Несколько маршруток явно были заготовлены заранее. Подхожу к одной: там сидят мужчины из Панфиловского района. Лежат палки. Спрашиваю: место есть? Почему-то начинают нервничать, один куда-то убегает и возвращается: лучше вам на другой машине поехать, наш лидер (!) сказал, что мы поедем потом, не сейчас. Замечу, что из всех политических слов чаще других и громче других в тот день звучали слова «лидер» и «свобода». Слово «свобода» в кыргызском языке, оказывается,

имеет много вариантов. На этот раз звучали не привычные «эркиндик» или «азаттык», а «боштондук». Освобождение? А вот под словом «лидер» совсем не имелся в виду какой-то политический деятель высокого ранга, или претендующий на этот ранг. Лидеры возглавляли свои десятки, свои сотни, но время от времени, в связи с какой-то ситуацией появлялись и временные лидеры, которым на тот момент беспрекословно подчинялись все рядом находящиеся. Но лидера всего движения, всего противостояния существующей власти не было. То есть, десятники – были, сотники – были, тысячники так и не появились. Их не было рядом с народом. И когда огромная толпа перемещалась по площади, когда все ждали какого-то единственно нужного и важного слова – сказать его было некому.

Припомнились митинги, которые прошли возле Форума в предыдущий месяц. Молчаливая толпа и масса говорливых лидеров. Оказалось, что их так много, что никому иному слова не дадут. Во-первых, ты не попал в список ораторов, во-вторых, кто ты такой, чтобы тебе давать слово?! Политики толпились у подиума, стараясь правдами и неправдами прорваться к микрофону. Но если их не было в заранее составленном списке, то никто их так и не услышал. Особенно «зажигала» Роза Отунбаева. Стало ясно – власть будет в ее руках. Когда получится.

А в тот день на площади всех этих политиков не было! Почему?! Нехватка «тысячников», лидеров ощущалась очень остро. Потом сказали: кого-то задержали, кого-то арестовали, кто-то сам явился и остался в ГКНБ, кто-то – спрятался. В поисках утраченных лидеров толпа двинулась к ГКНБ. Рисовались ужасные картины: их там держат и мучают. Подходим. Ворота заперты. На крыше стоит какой-то офицер, а из-за парапета видны каски и стволы каких-то винтовок или пулеметов. Здание это как бы приподнято над землей. А посередине бульвара, примыкающего к нему, плавная низина. Офицер на крыше стоял долго, смотрел, как медленно, по нарастающей волне толпа с площади подтягивается сюда. Люди устали. Единственное на что хватало сил, так это на перебранку с теми, кто на крыше, и с теми, кто за воротами. Но тут подошли свежие силы. Оказывается, добрался, наконец, Токмак.

Энергия в них была столь сильна, что я и поныне не могу

забыть совершенно не реальный в обычной жизни эпизод. Худенький парнишка берет в руки увесистый бульжник, разгоняется, подсакивает с перекинутого через низину мостка и швыряет камень на крышу! Мы слышим, как он звучно отскочил от чьей-то каски! Все ликуют. После этого камни полетели в ворота. И тут же, в ответ, в нас полетели все те же шумные и дымные гранаты, раздались выстрелы. Кто-то жмется к решеткам комитета, кто-то прячется за деревьями, хотя, в общем-то, это совсем не укрытия, и при желании нас всех легко и просто отстрелять. Но, слава Богу, здесь, на этом месте убит не был никто. Вдруг в воротах открывается дверь и к нам выходит Темир Сариев.

Не замученный и не истерзанный, в красивом дорогом костюме, успокаивает: все нормально, сейчас все выйдем. Его готовы были нести на руках. От него ждали все тех же почему-то нужных и важных нам слов. Тот момент мог бы стать его звездным часом. Не стал. Вероятно, ему, в отличие от нас, был известен дальнейший сценарий. А тем временем горячие свежие силы пытались штурмом взять комитет, и потому вскоре двери вновь закрыли.

Тучи над городом постепенно рассасывались. Иллюзии – тоже. Но энергия народа то затихала, то вспыхивала вновь. И было странным думать о том, что совсем, рядом, на ближайших улицах люди продолжают покупать хлеб, вести за ручку детей, решать многочисленные бытовые проблемы. Разумеется, они слышали взрывы и стрельбу, они видели раненых, а кое-кому из них пришлось, и везти тех в больницы. Но город именно слушал, не вмешиваясь. Ну что же, таков сценарий всех «цветных революций». А, может быть, любых революций в принципе. Ведь все люди разные.

Впрочем, что такое революция? Это оказывается, «перерыв постепенности», а также «качественный скачок», а также «поворот или переворот». Способны ли были те тысячи граждан, что оказались в тот день на площади резко перервать постепенность? Привычный ход событий, мышления, идеологии? Разумеется, нет. Но они попытались это сделать. И я до сих пор помню их лица, помню их действия, их надежды. Впрочем, это прежде говорили, что надежда умирает последней. Теперь говорят иначе: пусть лучше она умрет первой. Мир решительно меняется. И

«перерыв постепенности» все-таки очевиден, если и не нашей улице, то в мире – точно.

... Когда вышли другие мученики «застенков», то оказалось, что и с ними ничего страшного за это время не произошло. Слава Богу, конечно. Но какой-то элемент фарса во всех этих задержаниях и самопосадках как бы в камеры комитета уже ощущался. Не помню кто, но, может быть, один из древних умных китайцев как-то заметил, что народ – всегда умнее правителей. И не заметить постановки, в которой жертвами стали исключительно люди из массовки, мог только самый невнятный ум.

Тогда, в тот час, в том месте будто бы сфокусировалась вся наша жизнь во всех своих реалиях. Народ, желающий изменений в судьбе столь сильно, что даже забывший об инстинкте самосохранения. Политики, остающиеся целыми и невредимыми в любой ситуации. Сказки про их как бы муки, которых на самом деле нет. И мгновенное возникновение возле вдруг возникшего «из застенков» узника Сариева подхалимов и прилипал. Складывается впечатление, что любому нашему правителю крайне необходима некая устойчивая к прилипалам мазь. Иначе все будет, как всегда. Каким бы большим кораблем очередной лидер не оказался, его ждет судьба предшественников: все днище обсыдят ракушки и улитки, а на винт намотаются водоросли.

Особенно запомнился один из нынешних депутатов. Он так лип к «узнику», так хотел показать огромную свою роль в совершаемом действе, чтобы потом, как это у нас водится, выставить счет за свои «подвиги», что пропустил момент, когда комитетчики стали обстреливать собственные ворота, вновь закрывшиеся за Сариевым, уже вошедшим внутрь. До сих пор вижу сцену, как он метался, словно испуганный заяц, между гранатами и пулями. Богатый человек, желающий еще большего богатства, едва не ставший жертвой своей собственной жадности. А что такое жадность? Это когда хочется иметь больше, чем тебе нужно на самом деле. Как говорится: сколько мне заплатят за мою «гражданскую позицию»? Прилипалы присосались к груди родины-матери, и уже терзают ее, высосанную до последней капли молока, но продолжают насыщаться кровью. Кто-то вышел на площадь, чтобы защитить свою мать. Кто-то вышел для того, чтобы еще плотнее, зубами, вцепиться в ее грудь.

Неосторожно говорю будущему депутату: а вы, по какому праву вы пытаетесь командовать народом?! Хорошо его знаю, поэтому не выдержала, спросила. Реакция была столь же незамедлительна, сколь и подла. Он подозвал к себе двух-трех нетрезвых личностей (были и такие, но кто таких привел?!) и что-то сказал им, указав пальцем на меня. Они подошли и злобно потребовали: или говори на кыргызском языке, или мы с тобой разберемся. Стоявшие рядом со мной, совершенно не известные мне люди резко и решительно остановили их. Жестко. Но один все еще стоял, покачиваясь и не сводя с меня мутных от водки глаз. И тогда я ему сказала: убивай, но помни, кровь будет и на твоих руках тоже, а не только на руках того, кто тебя послал. Что ты за это получишь? Еще одну бутылку? И тут, оттолкнув меня в сторону, перед ним предстала худенькая, легкая, как воробышек женщина, она сказала ему только одно – быстро ушел отсюда и затих. На чистейшем кыргызском языке. И он – ушел. Я поискала глазами будущего депутата, встретилась с ним взглядом, он шустро спрятался за спины толпы. Уже после этого ко мне подошли два рослых, совершенно незнакомых мне мужчины и сказали: эжеке, мы были рядом, мы контролировали ситуацию, не поддавайтесь на провокации и дальше.

Но главная наша реалья, буквально выпятившаяся в тот день, это – полная неизвестность – кем точно, кем конкретно, кем реально был возбужден этот процесс и руководился. Тот день был очень длинным. Казалось, что ему не будет конца. И мысли крутились в извилинах, соответственно, медленно и неповоротливо. Наконец, осознаю: мы – массовка. Без нас это театральное действие состояться не может, но, в общем-то, каждый из нас здесь и сейчас никому не интересен и не нужен. Главное, чтобы нас было много, хорошо, если мы будем громко кричать, еще лучше, если нас подстрелят.

...Но сначала нужно было добраться до Бишкека. Кто-то сажает меня в другую маршрутку, уже набитую битком, многие стоят, сгибаясь под низкой крышей, мне молча и очень уважительно уступают переднее место, государственный флаг развивается из окна, парень усиленно дует в какую-то дудку, привлекающая к нашей машине внимание. Мы едем в Бишкек. На остановке шлагбаум все выходит. Мужчины, мужчины, мужчины. От 16 лет

до 60. Но в основном 30-40-летние. Крепкие, сильные, энергичные, решительные. В Бишкек мы входим очень жестко. Горожане, некстати выстроившиеся вдоль обочин, пялились на нас, кто молча, кто что-то говоря. В тот день вообще было не важно, кто и что говорит. Слова уступили место действию. И это действие буквально на моих глазах само организовывалось и самоуправлялось. На каждом этапе, требующем определенных, но быстрых действий, командование на себя брал какой-то один человек, и все подчинялись ему! На другом этапе – командовать начинал другой человек. У меня, помнится, возникло ощущение, что у мужчин буквально в крови воинская организация и дисциплина. Вдруг подумалось: как ловко, как умело действуют эти десятники, сотники. Будто регулярное войско. Будто учились этому годами! Соответственно воинственному настроению возник и идеологический настрой. Зевакам на ходу – а ход был быстрый, стремительный – предлагалось: если ты с нами, пойдем, если ты против нас – уйди, если ты думаешь, что смотришь театральное представление – получи в зубы. Справедливости ради отмечу, что действия были направлены исключительно на кыргызов, никого иного никто даже пальцем не тронул. Никого. Зато кыргызов перед выбором ставили очень жестко: если ты кыргыз, определись с кем ты?

Что-то вроде национально-освободительного движения. Если не принять во внимание, что и во власти были кыргызы. Тогда революция? Когда «низы не могут жить по старому, а верхи не могут управлять по новому»? Но и этот принцип в наших условиях не работал. Те политики, на которых надеялись граждане, и за которыми и пошли вместе со своими ожиданиями и надеждами, оказались, как бы это мягче сказать, не совсем народными, что ли. Еще никто в тот день не знал, что дадут сбежать и этой власти, что и на этот раз деньги, украденные у народа, уйдут из страны, что многие из тех, кто «верой» и «правдой», то есть, из личных, корыстных интересов служил сначала Акаеву, а потом Бакиеву, снова останутся на государственной службе. Что таинственные снайперы растворятся в воздухе, будто и не было их здесь никогда! Но уже часам к 4 стало ясно, что не нам решать, каким будет ход событий, не нам влиять на него, мы – массовка, кстати, в тот день даже не оплаченная. Напрасно не

бывшие на площади утверждают, что по ней передвигались сплошь пьяные и купленные граждане. Весь день без воды, без еды, без сигарет! Огромная толпа мужчин. Энергетика страшная. Будь у нас кто-то вроде Фиделя Кастро или Че Гевары все могло пойти иначе. Но пошло так, как пошло. Омбудсмен Турсунбек Акун пытался «поговорить» - побили. Вероятно, другие политики отлично осознавали, что, то же самое могло бы произойти и с ними. Повторюсь: народ ВСЕГДА умнее политиков. И поэтому, когда к вечеру все они, в общем-то, уже были свободны, никто к народу так и не вышел. В том смысле, что вот он я, и всю ответственность за то, что будет дальше, беру на себя, я отказываюсь от личных интересов, я – вместе с народом, я готов к переменам, и я знаю, что нужно делать. Через какое-то время, не помню, кто меня поправил: будто кто-то все-таки выходил, будто что-то говорил. Может быть. Но что это было за слово, если НАРОД его не услышал?!

Сегодня можно сказать: ага, и эта хочет рассудительного хана, и эта хочет, чтобы народ «построили» и управляли им. А где собственный разум? А где гражданская свобода и независимость? Отвечу. Всегда, если государство хочет быть государством, должно быть системное управление. Иначе – анархия. Повторюсь еще раз: десятичники были, сотники были, тысячников – не было. Как и не было человека, слову которого поверили бы хотя бы большинство, не говорю – все, вышедшие на площадь. И это дает основание утверждать, что крепкие, сильные, выносливые, терпеливые мужчины, вышедшие на площадь, были брошены, оставлены на произвол судьбы. Им так долго, в преддверии революции, говорили об ее необходимости, но в день, когда она началась, рядом с ними не было никого. Повторюсь: чье слово было бы услышано и было бы поддержано. Но – ни кого рядом с ними, то есть, с нами – не было!

События пошли параллельно. Массовка – на площадях и улицах. Политики уже в «Сером доме», о чем-то там договариваются с теми, кого народ вышел свергать. Серый дом власти, давно серый. И оттого, что его никогда не моют и стены давным-давно покрыты городской копотью. И оттого, что вся наша политика, творимая в этом здании серая, то есть, не настоящая, поддельная. Всегда от имени народа, но всегда почему-то – против

народа. Они уже договариваются, мы все еще на что-то надеемся, совершенно, абсолютно не владея никакой информацией. Кровь в Таласе, кровь в Бишкеке и еще предстоящая кровь в Оше. Жертвы, жертвы, жертвы...

Потом погибших назовут героями революции. Да, все они – герои. Но, прежде всего, жертвы. Мы, массовка, все были жертвами. Убитым мог оказаться каждый. А поутру мы все проснулись, и тут выяснилось, что все давно решено, и решено, разумеется, без нас.

Ночью, говорят, был, как это у нас водится после революций, погром. Расхожее мнение общества, в общем-то, оправдывает его: если наши правители сначала грабят страну, а потом сбегают, то почему нам нельзя тоже немножко пограбить?! Эффект безнаказанности решительно приносит свои плоды. Можно – все! И тебе за это ничего не будет! Как Акаеву, как Бакиеву...

Нельзя так же сбрасывать со счетов ту страшную энергию, которая копилась годами, и которая не могла раствориться, исчезнуть в один момент. Сейчас много спорят о том, нужна ли смертная казнь преступникам, или это элемент средневековья? Не знаю. Но бывшие наши правители не ответили ни за что. Зато успели казнить свой народ, что называется, «жон эле» – «просто так». Пройдет ли это бесследно?

Громкий процесс над как бы тиранами революции, а по сути своей, в основном над теми, кто выполнял приказ, соответственно своему должностному положению, также на глазах превращается в фарс. На самом деле, настоящие тираны далеко и живут, ясное дело, не бедно.

...В тот день, к вечеру, проглянуло солнце. Загорелось здание прокуратуры. Кому было выгодно уничтожить массу весьма интересной для общества информации? Не известно. Толпа бесцельно слонялась от одной импровизированной трибуны к другой. Ораторы, сменяя друг друга, кричали что-то о независимости, о свободе, о подлецах - правителях, но, в общем-то, массовка свою роль уже выполнила. Уже были сняты кино и фото кадры, уже были трупы, уже были раненые. Осталось только дожидаться, чтобы народ уgomонился. Ухожу с площади. Почему-то очень бледная. Встречные спрашивают: вы были на площади? Что там? Как? В глазах надежда. Что мне им сказать?! Не знаю.

Утром мне звонят из Таласа. Сейчас мы возвращаемся в Бишкек. А у вас там проходят выборы акима, и ваш мэ́р, который довел город до крайности тоже там, говорят, что хочет теперь стать акимом. Иди туда и скажи: мэром города Кара-Балта буду я. (Вообще, меня в те дни поражало, с какой скоростью по стране распространялась информация!) А мы – подведем. Мы уже в пути. Нет, я тут сижу, бледная, усталая, ни о чем таком не знаю и не ведаю. А они там уже знают. И уже – едут. Поддержать! Категорически отказываюсь, однако внимаю речам. Видно, пружина, заведенная на площади, не раскрутилась еще до конца. Тем не менее, намерение граждан, едущих из Таласа меня так пугает, что я отказываюсь от поддержки. Не надо, прошу вас, не надо, у нас тихий, мирный город, наши люди боятся всяческих революций! Мне не нужна власть, полученная таким путем! Да и вообще мне ничего не нужно. Конечно, хочется порядка в городе. Конечно, то состояние, до которого его довели – ужасно. Конечно, правовое бесправие в городе – отвратительно. Конечно, нужно что-то делать. Но пусть все будет по закону, пусть будут выборы. Однако намерение не остановить. Тогда предлагаю свой вариант: я пойду и сделаю заявление. Одна. Соглашаются, но напоминают: едем и если что...

Я вздыхаю. Соратники все-таки по борьбе с беспределом власти. Плюс – профессиональное любопытство. Неукротимое. Поэт Светлана Суслова рассказала мне много позже байку о том, как лев охотится на лань. Он скрывается в зарослях и лапой осторожно шевелит какой-нибудь кустик. Любопытная лань подходит посмотреть: что там такое шевелится?! Итог ясен. А в тот день я, как любопытная лань, к тому же не утратившая энергии площади, отправляюсь на сходку. И поднимаюсь на трибуну, и заявляю: мэром города буду я. Как говорить: «самозванцев нам не надо, командиром буду я!» Оглядываю зал: жайыльцы в очень немногочисленном количестве были на площади, и поехали туда, когда все, в общем-то, закончилось. Сейчас же с энтузиазмом делят власть. И как раз те, кого на площади и близко не было! Скучно. Сидят руководители организаций. Скулы сведены от страха. Сидят члены ОПГ. А что такого? На сцене – кандидаты во власть. Один нервно сучит ножками, другой столь же нервно

постукивает пальчиками по столу. И только смещенный уже с поста руководитель района с виду очень спокоен.

А тут, здравствуйте вам, я! Зал сначала онемел. Надолго. Потом из первого ряда ко мне подскочили две устрашающего вида личности и открыто сказали: сейчас мы что-нибудь плохое сделаем. Потом подошли хорошие люди, сказали: не бойтесь. Потом зал загудел, зашевелился, словно пчелиный улей, поднялся и повалил на улицу. Словом, сорвала я сходку. Выхожу тоже. Закуриваю и удаляюсь. Пришла одна и ушла одна. И тут звонит группа поддержки: подъезжаем к Сосновскому повороту, куда дальше? На Бишкек, говорю, сворачивайте, на Бишкек! Что обещала, то я сказала. Все. Точка. Потом стали говорить, что я явилась, чуть ли не с ротой автоматчиков и все такое. Не было ничего такого. Просто хотелось завершить эксперимент, начатый на площади. Эксперимент закончился абсолютно логично: грудью на амбразуру – одни, во власть – другие. Что же касается меня, то я свою гражданскую миссию исполнила до конца. Кто может – пусть сделает больше.

Неделю не хотелось ни с кем разговаривать. Мысли, по-прежнему, крутились медленно и тупо. Что это все было?! Революция? Переворот? Чья-то игра? По телевизору уже показывают новую власть. В интернете мысли, подобные моим рассуждениям. Узнаю: тот активист получил эту должность, этот – ту, третий – свою. Однажды встречаюсь с одним из них: глаза горят, кресло сильно греет, решает свои проблемы. О народных интересах уже говорить не хочет. Смотрит на меня, как на странноватую что ли личность, которая бегала под пулями, но не стала ни героем апрельской революции, ни заполучила какой-либо должности. А вы, спрашиваю, вы ходили из-за должности? Уворачивается от ответа. Расстаемся, не поняв друг друга. Будто прокручиваю назад кинолентку, и вижу, что практически все, кто боролся против власти в двух революциях, затем получали должности. Подводили под это «идеологическое» обоснование: имеем право, потому что мы не такие, как те, кто ушел. Увы, далеко, совсем далеко не все из них оказались «не такими» же точно, кого они свергли. Помню антибакиевские митинги, когда Бакиев уже был во власти. Тощие ручейки народа шли сквозь толпы тех, кто был на стороне Бакиева. Им вслед улюлюкали, над ними смеялись, их дразнили. Я

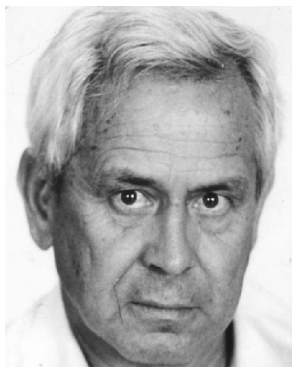
топталась на обочине между теми и другими. И уже тогда, хоть и смутно, хоть еще и не совсем внятно стала припоминаться эта фраза некоего мудреца-китайца: народ всегда умнее политиков. Ведь именно из этих хилых ручейков, подпитанных отсутствием света, подкормленных высокими ценами на продукты, социальным, нравственным и политическим беспределом, потом и возникла вторая революция.

...А тут звонок в дверь, открываю, стоит водитель ...мэра. Что такое?! Он приглашает вас к себе для разговора. Зачем?! Нехотя еду. С места в карьер хамит, разговаривает на «ты». Говорю жестко: мне твое кресло не нужно! Но и ты мэром не будешь. Сменили его потом. Но, говорят, проводили красиво – с тостами и подарками. Впрочем, с почетом отбыл и Бакиев, и ряд других лиц. Многие получили иные должности, или стали депутатами. А у меня перед глазами красные лужи, постепенно, медленно растворяющиеся в дожде, и от того вся площадь – розовая...

Мы уходили с площади кто в одиночку, кто группами, еще то тут, то там вспыхивали перебранки, повсюду валялись осколки гранат, но было ощущение: почка набрала силу и даже лопнула, однако росток так и не выкинула. Энергия растекалась по площади, уходила по улицам города, растекалась по дорогам, ведущим на окраины республики. Ушла совсем, растворилась, вернется? Какой силы, когда, почему?

Хоронили героев в сырую, мокрую, еще не прогретую солнцем землю. Ноги утопали в грязи. Но было много цветов, и много молитв. И здесь уже плакали, не скрывая горя, не в силах преодолеть утрату, не имея возможности остановить время, повернуть его вспять. Все кончено. Какое слово хотели услышать эти мужчины, павшие во имя родины-матери? Не знаю.

КУЛЬТУРА

Вилор АКЧУРИН

ИСКУССТВО БЫТЬ ДОБРЫМ

Новая рубрика в нашем журнале «Меценаты культуры» / «ЛК» 1/12 / наводит на многие размышления, приглашает ответить на казалось бы очень очевидные вопросы... И тут я вспоминаю недавние мысли известного кинорежиссера Вадима Абдрашитова, которыми он откровенничал с одной из российских газет. Да, в мире существуют меценаты и это посыл их собственной души, стремление способствовать развитию искусства и культуры. Их благотворительство располагает правовым пространством и охраняется законами, которые и стимулируют эту гуманитарную деятельность. Поезжайте в ту же Англию и вы увидите массу магазинов, принимающих пожертвования от спонсоров как деньгами, так и товарами. И все это защищено законом!

В бывшем СССР таких законов не было, но люди-то, организации, которые могли позволить себе заниматься меценатством, существовали! Только на их ли стороне был закон? И служил ли он тому же меценату?

С какой стати, спросите вы, я заговорил об этом? А с той, с которой хочется напомнить очевидный период нашей жизни. Давайте повспоминаем: новое время, новые эпохальные подходы, перестройки-перестрелки и чуть позже – меценатство во всей своей реальности.

Оно набирало силу, обеспеченные люди помогали боль-

ным, забытым и бедным... Но потом благотворители просто устали, устали помогать вещественно, устали отвечать на вопрос: нужна ли нам Культура или то же искусство?

Поредели, поредели ряды истинных меценатов. Вышли из строя, даже очень богатые люди, и сегодня благотворитель – явление редкое, но существующее.

И об одном истинном меценате искусства и культуры позвольте мне рассказать.

А познакомились мы с Дамиром Акмановым «не по теме»... В кабинет редакции газеты «Слова Кыргызстана», где я работаю, зашел человек с внешностью боксера-тяжеловеса и положил на стол подборку стихотворений.

- Не пугайтесь, это не мои стихи. Их написал большой художник Давид Флекман, он болен, и я бы очень хотел, чтобы они были напечатаны в вашей газете. Флекману будет это как лекарство.

Вот так мы познакомились с Дамиром Акмановым, как оказалось, «болеющим» подвижничеством, заряженным благотворительностью с юных лет.

Пришел в редакцию Дамир и тогда, когда Давид Флекман покинул мир. Друзья-художники забыли дать некролог в газете, вот и мы, журналисты, узнали о кончине художника и поэта только от Дамира.

И 7 февраля 2003 года вся страница выпуска в «Слове Кыргызстана» была целиком посвящена поэтическому дару Давида Нафтуловича Флекмана.

Вся жизнь 60-летнего Дамира Акманова – этажи каких-то неожиданных совпадений. Мальчишкой ездил с соседом-киномехаником и помогал «крутить» кино в самых дальних кишлаках забытого Богом южного побережья Иссык-Куля. Прошло годков десять, и экс-солдат Советской Армии становится осветителем на «Киргизфильме», а чуть позже – мастером по свету. Пренебрежительно отзываться о своей работе Дамир категорически запрещал, так как был уверен: свет – это объем, и состояние, и даже философия будущего фильма.

Самостоятельность многих взглядов мастера по свету обращала внимание кое-кого из творческого цеха, и Акманова нередко приглашали посоветоваться мэтры: Толомуш Океев, Геннадий Базаров, Усен Кудайбергенов, Стас Давыдов, Кадыржан Кадыралиев... Спустя какое-то время они убедились, что Акманов может быть и надежным пиротехником, и администратором, и директором кино...

И действительно, какой-то пласт надежности вложен в этого человека. Через много-много лет Геннадий Базаров снимет фильм о Дамире Акманове и заметит, между прочим, что герой его ленты не солист удачи, а крепко слеplенный человек, сумевший возвыситься и над «привычкой», которой страдали и страдают, увы, многие киношники. Да только ли они?

И тут, наверное, подоспело время сказать о симпатичном и улыбающемся человеке по имени Таня. Если разбить акмановскую жизнь на эпохи, то Татьяна – его эпоха эпох, подарок от Бога, как утверждает сам Дамир.

И опять ведь те самые этажи совпадений! Снимали фильм «Вся жизнь впереди» Джали Сооданбека. Лето. Юг. Зброшенный к черту на кулички Хайдаркан. Тяжкая работа...

И «артобстрел» взглядами костюмера Тани. Юна, подвижна, улыбчива, красива...

Мужики млели, и это очень не нравилось мастеру по свету Дамиру Акманову. «Пора!», - решил он и пробормотал Татьяне несколько слов «о погоде». Татьяна приняла «сводку», и после съемки фильма, когда Дамира во Фрунзе из-за пустяка положили в больницу, появилась в его палате. Отсюда они ушли вместе.

Став семьей, они еще проработали какое-то время на «Киргизфильме». Он – директор, она – художник-гример, двух-летний Тимур – первый зритель...

А потом та самая перестройка-перестрелка, тот разлом, под обломками которого, не будь Акманова, навсегда остались бы многие друзья-товарищи. Запас прочности Дамира и Татьяны помог им победить и прочно встать на ноги, и заставить обрушившуюся новизну работать на них.

Не чурались ничего и никого. Брали в руки те самые клетчатые безразмерные кошелки, в тесных вагонах доезжали до больших городов и не стыдились потом «ловить» покупателя на «толчках»... Но и тут Дамир действовал по формуле «один пишем – два в уме» и успешно обрастал связями с деловыми людьми, «прочитывал» навороченные ситуации...

Да, он не «солист удачи», но однажды ему так повезло, что семья в счастливой растерянности задумалась: как распорядиться этим свалившимся с неба подарком?

А случилось вот что. Попал в тупик украинский автокараван с грузом из Китая. Российские таможенники наложили запрет на проезд по российским просторам, и груз, который с нетерпением ждали украинские хлопцы, что называется, «заторчал».

К тому обратились, туда звонили, того попросили – пустой номер. Вот тогда и вышли на киргизского татарина Дамира Акманова. К тому времени он был уже авторитетом в предпринимательских кругах. Его знали и уважали в соседних республиках, на Кавказе, в Турции, Сирии.

Дамир предложил украинцам добраться до Киргизии, а уж в родных пенатах Акманов разберется что к чему. И разобрался! По крайней мере где-то через месяц злополучный груз был доставлен в Одессу...

Вот тогда-то и получил Акманов тот гонорар, который круто изменил жизнь не только его семьи, но и многих друзей, а им нет-нет да и перепадает кое-что от Дамировских и Татьянинных щедрот. Без кола и двора остался знакомый музыкант – вот тебе немножечко «зеленых» – вставай на ноги; замаячил шанс потерять жилье родственнику из другого города – возьми деньги, заплати и живи спокойно; проводит газета шахматный турнир – ну как не помочь журналистам? Вот и лектору, читающему курс по искусствоведению и истории столицы в Академии МВД, платит Акманов.

Да, но куда вложить основную часть того украинского гонорара? Думали, предлагали, соглашались, отвергали... И остановились на варианте создания в столице художественного салона, галереи – такого многофункционального центра высокой эстетики, красивых деяний, запоминающихся встреч, знакомств и...прозы жизни: здесь бедствующие в основной своей массе художники будут не только показывать свои работы, но и продавать то, что понравится ценителям искусства...

Итак, решено: создаем арт - салон!

Помню тогда Дамир доверительно шепнул мне на ухо: «Я не знаю, каким конкретно будет мой салон, но мечтаю и буду мечтать о том, чтобы сюда тянуло людей светлых, умных, добрых...»

Дамир не ошибся. «Аль Хаят» обрел надежный тыл завсегдатаев. Художники, деятели кино, писатели, поэты, журналисты... - всем здесь уютно и интересно.

«Аль Хаят» заряжен и интернациональной энергетикой. Тут говорят на русском, кыргызском, татарском, английском, итальянском, французском, корейском... И все языки в какой-то момент суммируются в один – язык великого искусства.

Но до этого еще далеко. Акмановым надо купить, прежде всего, помещение под салон и, конечно же, все переделать, отреставрировать. Бог помог: на улице Московской продавалось несколько комнат общежития, и Дамир выложил деньги, почти не раздумывая. Сразу же попытался начать ремонтно-реставрационные работы, но грянула революция, а это не только благие дела и намерения. Грабили, рушили, жгли... Все было, и друзья, естественно, охлаждали как могли пыл Дамира. Но надо знать Акманова! На улице – сплошной ад, а в купленном помещении начинается ремонт...

И вот ноябрь 2005 года, художественная галерея открыта! В отношении названия разномнений быть не могло: Таня сказала «Хаят», и все согласились. А так звали маму Дамира, для которой делать добро тоже было стилем жизни и у которой многому хорошему научилась сноха.

«Хаят»...Но коли уж есть в столице гостиница с таким названием, давайте добавим священную приставку «Аль». Вот так: художественная галерея «Аль Хаят».

О светлых вечерах в «Аль Хаяте» газеты писали много.

Людам светлым, умным, добрым здесь интересно, тепло и уютно. Художники, деятели кино, писатели, поэты, музыканты, журналисты... Завсегдатаями салона стали и дипломаты. На выставки приходили послы зарубежных стран, не скрывали своего восторга, покупали наиболее понравившиеся картины. Примечательно и то, что «Аль Хаят» стал местом приятных свиданий с искусством иностранных студентов, обучающихся в Киргизии.

За 7 лет мы увидели более 60 художественных экспозиций, услышали прекрасных солистов и музыкальные ансамбли, повстречались с интересными зарубежными гостями, вникали в суть выступлений профессиональных искусствоведов. Свои работы выставляли и молодые мастера, и аксакалы резца и кисти, и, что очень благородно со стороны организаторов, те, кого мы, увы, незаслуженно забываем.

Дамиру и Татьяне жмут руки и советуют отдохнуть. Ведь все, о чем мечталось, кажется, сделано. Акмановы улыбаются: да, кое-что сделано, но и это только начало! Хочется расширить пространство для созданных мастер-класса и класса по подготовке одаренных подростков к поступлению в художественные учебные заведения. Во имя этого Дамир при первой же возможности купит по соседству одну, а может, и несколько комнат.

Идеи, идеи... Но одна побеждает! И об этом особый разговор.

Итак, галерея рождена. Но чувствуется здесь какая-то недоговоренность. Да, галерея, ну а где же студия, Дом творчества – эта традиционная триада творчества?

Этим «домом» Акмановы «болели» давно. Южный берег Иссык-Куля, небольшая, но уютная территория, где царит творческая атмосфера, куда приезжают не только наши художники, но и зарубежные. Впрочем, в мир творчества здесь будут погружаться и артисты, музыканты, поэты...

Решено. Дамир покупает в окрестностях Каджисая на берегу Иссык-Куля кусок земли и сносит на ней все лишнее, что мешает ему строить свою мечту по-своему. Хорошо сказал об этом репортер Владимир Михайлов: «У него был вполне сформировавшийся образ творческого дома, в котором люди смогли бы спокойно и комфортно работать. И он создал такой Дом!»

- Мне хотелось, - говорил Дамир, - чтобы этот дом окружала аура тепла и заботы о людях, потому что именно такая обстановка дает толчок творческим порывам.

Я был в этом Доме творчества, был, когда он еще только строился. Едем целой командой. Незнакомцев с нами нет, тут только друзья и сподвижники Акмановых.

Художники Жылдызбек Молдахматов, Сапар Торобеков, кинорежиссер Болот Алимбаев со своей женой Жыпарой, искусствовед Айна Молдахматова, известный фотомастер Александр Федоров и его верная спутница Галина, автор этих строк, ну и Дамир с Таней, естественно.

Так вот, едем мы в этакий Коктебель для художников, писателей, поэтов, журналистов, музыкантов...- для всех, кто нуждается в уединении и общении, в беседах то с говорливым, то замолкающим Иссык-Кулем, с дарящими глазу необыкновеннейшие сюжеты горами, а то и просто для тех, кому просто необходим элементарный отдых от кисти, резца, пера и бумаги...

В автобусе много говорим о том, о сем. Но вот заголубела полоска Иссык-Куля, и беседы враз стихли. Это творение природы, эту божью каплю на лике земли Дамир любит с детства. Мокроносый мальчишкой убегал из дома и застывал на берегу чуть ли не на весь день. Он и сейчас, уже не молодой, вечно обремененный заботами человек, может на несколько часов застыть на берегу и думать о великом чуде, отпущенном в дар человеку...

Горное море дарит Дамиру в ответ и любовь, и помощь. Прицепилась болезнь к Акманову, нет-нет да и «разоружит» слабость, заставит бросить все дела сильное головокружение... едет Дамир на Иссык-Куль, и хвори остаются в городе. На побережье и даже в горах он бодр, весел, работающ. И, как всегда, весь в идеях и намерениях.

А намерение те же: помочь обедневшим художникам или музыкантам, подлечить кого-то из них от известной людям творческого труда болезни, создать условия для успешных выступлений артистам, вникнуть в дела той же родной татарской диаспоры и не поскупились на помощь, организовать выставку картин мастеров, несправедливо забытых сегодня...

Акмановы все чаще и чаще стали предоставлять свою территорию творчества иногородним мастерам, проводить персональные выставки известных художников-южан, чтобы эти выставки стали ярким событием в культурной жизни столицы...

Кроме того, задумываются они, почему бы не возродить забытые практикумы передвижных выставок?

Акмановский Коктебель – это, конечно, не только работа. Концертные вечера, художественные выставки, встречи... Не угасает мысль пригласить сюда художников из зарубежных стран, приезжали уже сюда издалека и певцы, и танцоры...

- То, что искусство облагораживает, как-то приподнимает человека, я убедился еще на строительстве Дома творчества, - рассказывает Дамир. - Рабочих не из Бишкека привозили, а взяли местных, почти опустившихся из-за безработицы и бедности. Идет время, знакомятся строители с художниками, видят процесс рождения картин и, ей-богу, медленно, но верно преобразуются, светлеют, что ли...

- Дамир, ты открыл в столице художественный салон, Дом творчества на Иссык-Куле, благотворительствуешь направо и налево... Когда же наступит время Акмановым собирать какой-то урожай, задумываться о завтрашнем дне?

- Вот-вот подходит время исполнения основных наших намерений. Тогда, быть может, и будет позволительно подумать о каких-то собственных устремлениях.

- Но ты говорил так и тогда, когда открывал «Аль Хаят».

- Каждый раз рождаются новые идеи. У меня собрана экспозиция прекрасных картин, так вот, думаю пополнить ее и подарить все какой-нибудь молодежной организации. И, быть может, найдутся деятельные организаторы, создадут в столице первый юношеский художественный музей. Разве плохо?

- А может, хватит дарить и благотворительствовать? Ведь у тебя сын, который вот-вот, наверное, начнет создавать свою семью.

- Тимур работает с нами в «Аль Хаяте» и, мне кажется, понимает нас с Татьяной. А это главное. Главное и то, что у нас есть, наверно, еще время помочь ему сделать верные шаги в жизни. Эти шаги сын делает все тверже и тверже. И очень серьезно относится к такому понятию, как меценатство.

Замечательно, что в республике вновь и вновь появляются люди, помогающие деятелям культуры, искусства, литературы. И среди них – Акмановы во главе с Дамиром Акмановым, который такому понятию, как духовное состояние тех, с кем живешь и работаешь, придает огромное значение.

P. S. В одном из фрагментов этого очерка мы упомянули о мечте Дамира Акманова возродить в республике передвижные выставки. И что вы думаете: мечта стала явью! Команда из тринадцати бишкекских художников выехала в Ош и пригласила южан на художественную выставку «Жизнь прекрасна». И все получилось действительно прекрасно – ярко, памятно, высокопрофессионально.

В беспокойном и «замитингованном» Оше таких зрелищ не было давно. 140 работ выставили не только столичные художники, чьи имена известны сегодня во многих городах Содружества, но и молодые живописцы, которые конечно же получают много полезного в профессиональном плане, если такие передвижные выставки станут в нашей республике обыкновением.

Почетными гостями этого прекрасного действия были, конечно же, и старейшие художники Оша, Джалал-Абада, Узгена, Науката, которые в советское время радовали поклонников художественного искусства интересными работами. Так вот, все они благодарили главного организатора нынешнего вернисажа Дамира Акманова, не пожалевшего ни средств, ни времени, которое всегда в дефиците у делового человека, и в один голос говорили, что столичные художники этой акцией вдохнули надежду в тех, кому дорого искусство.

Александр ИВАНОВ

ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ?

Если у человека множество увлечений, если велик круг его интересов и он к тому же стремится постоянно расширять сферу своего познания мира, прикоснуться к доселе неведомому, вызывающему размышления или всплеск эмоций, это, безусловно, прекрасно. Но если такой человек еще и писатель, способный приобщить ко всему, что затронуло его чуткую душу, сотни, тысячи читателей, то это прекрасно вдвойне.

Передо мной очередная, пятая, книга Виктора Кадырова «Иная планета». Надо признаться, поначалу, когда только пролистаешь ее, возникает странное ощущение, будто человек, собравшийся в поход, складывает в рюкзак все подряд, опустошив холодильник, другие места с припасами. Он уезжает надолго и ничего не оставляет на потом. Да и рюкзак должен быть заполнен под завязку. Слово само возвращение под вопросом. Мало ли как все обернется в походе, весьма и весьма рискованном.

Не перегибаю ли я в своих ощущениях? Ничуть. Книгу среднего объема распирает от разножанровости. Тут и небольшие художественные рассказы, и очерки, и зарисовки, и публицистические размышления, и путевые заметки, и классический детектив, и даже пьеса мистического характера. (Только стихов пока не хватает). Под одной обложкой собрано все, что сотворено автором за последние два года. Все, что он увидел, узнал, вообразил и, пропустив через себя, свою душу, написал. Книга

выпущена, чтобы сбросить накопленный груз и жить дальше – с чистого листа.

Впрочем, на это обращаешь внимание лишь при самом общем просмотре «Иной планеты». Приступив к чтению, забываешь о несовершенстве ее составления. Существует некая внутренняя объединенность столь разных произведений заметным присутствием автора, его взглядом, вкусом и пристрастием, ненавязчивой, лишь пунктирно обозначенной позицией. Он словно берет читателя за руку и ведет сквозь воображаемые и реальные события, знакомит с реальными и придуманными героями, предлагает свое толкование происходящего в их жизни, но вместе с тем готов выслушать и противоположное.

Мало кто из нас, родившихся в СССР, не ностальгирует в трудные минуты по советскому прошлому. Издалека все видится, как правило, в желанном свете. Нечто подобное происходит и с героями небольшого рассказа «Машина времени». Встретившись случайно в Дубовом парке, они, когда-то друзья – вместе учились в институте, рассказывают друг другу о своем житье-бытье, о навалившихся в рыночной сумятице проблемах, о том, как запросто хоронятся их чистые устремления. Вот в Советском Союзе наверняка все бы сложилось иначе, все бы у них сбылось, они бы достигли того, чего хотели.

Кадырову ничего не стоит перебросить их в прежнюю эпоху. Для этого рядышком, по Старой площади, он пускает массу народа – первомайскую демонстрацию трудящихся. Друзья слышат полужабытые коммунистические лозунги, бодрые марши духового оркестра и торопятся на этот заманчивый зов. Оказавшись в рядах демонстрантов, обуреваемые разными мыслями, они намерены сделать нечто такое, что предотвратит распад Союза, оставит все в привычной на данный момент колее. Но их с треском выгоняют из общего строя, ибо это не вписывается в сценарий фильма, который снимается на площади. Но даже короткого пребывания в «советской действительности» было достаточно, чтобы иллюзии у друзей развеялись, чтобы им расхотелось возвращаться в прошлое...

Кадыров убежден: если идти вперед с повернутой назад головой, толку не будет. Возникает расслабленность, сознание рисует ориентиры, сбивающие с пути к сегодняшней цели.

И все-таки мысли о прошлом, о том, что в советскую пору жизнь была куда определенной, понятней, чем ныне, что она тогда вселяла уверенность в завтрашнем дне, объединяла людей, подвигала их на грандиозные дела, не дает, судя по всему, покоя автору книги. Герой рассказа «Гадкие утята», находясь в духовном кризисе, видит окружающую реальность лишь в мрачных тонах. И когда из небытия вдруг появляется дух давно ушедшего отца, который пытается как-то ободрить его, сын в запальчивость бросает: «Вы жили при Союзе. У вас было запланированное будущее, обеспеченная старость... Вместе со званием профессора, доктора наук ты имел приличные по тем временам деньги. Вам все давало государство. Теперь мы его потеряли...»

Не в укор сыну, а в назидание отец, испытавший на себе и чудовищность репрессий, и гибельную тяжесть военных лет, просто, буднично рассказывает о том, что ему пришлось пережить. И сын, в конце концов, осознает, насколько мелки, а порой и надуманны мучавшие его сомнения и опасения. Впрочем, если они опять возьмут его за горло, раздастся телефонный звонок и хрипловатый голос, такой родной и далекий, произнесет из потустороннего мира: «Ну, здравствуй, это я!»

Часто Кадыров обращается в своих произведениях к образу Сталина. И всегда он у него неоднозначен, сложен, многолик и противоречив. Таким же предстает и в опубликованном здесь рассказе «Голова вождя», действие которого разворачивается в предгорье на фоне сооруженной для киносъемок огромной головы генералиссимуса. Всякое прикосновение к теме об этой личности вызывает самые жаркие баталии, дело порой доходит до рукопашной. Обычно Сталина пытаются представить в виде дракона, пожирающего свой народ, особенно его элиту, доставившего ему неисчислимые беды. А разве, скажем, иной настрой рождают недавние значительные по масштабу фильмы о Екатерине Фурцевой и Георгии Жукове?

Любопытны сделанные под занавес рассказа рассуждения автора: «Кто же на самом деле виноват в тех жертвах? Сталин, который сумел объединить народы великой империи и победить фашизм, смог вытащить страну из послевоенной разрухи, вдохновить народ на подвиги, или народ, который не может жить без веры и почитания, без обожествления своих вождей, не подличая и не предавая ближних своих в угоду своей безопасности?»

Кто вершил суд на местах? Кто ненавидел интеллигенцию, всех мыслящих нестандартно и имевших свое мнение?.. Конечно же, не Сталин. Все это на совести многих и многих людей, которые с великим облегчением всю вину свалили на своего вождя. Что бы они сказали, если бы Иосиф Виссарионович встал из могилы и окинул страну своим знаменитым прищуренным взглядом? Вновь затянули бы свою сладкоголосую песню?»

Как ни печально, но так бы, скорее всего, и было. Сам человеческий материал, из которого строится общество, огромная страна, тоже далеко не всегда лучшего качества. И воздавая вождям по заслугам, нельзя сбрасывать этого со счетов. К тому же, как известно, судить о поступках исторических личностей нужно по законам того времени, когда эти поступки свершались. К этому, кстати, и призывает нас автор «Иной планеты».

Здесь, чувствую, необходим поворот к нему самому. Знающие Кадырова поражаются, сколь сильна его страсть к походам, путешествиям, ко всему, что привносит свежесть, новизну в само течение жизни. Он измеряет ее не количеством прожитых лет, а количеством и качеством впечатлений, творцом которых является сам. Для него запросто: сесть ранним весенним утром в машину и погнать в сторону Каракола, с наслаждением лова взглядом и фотокамерой разноликие краски весны на протяжении всего пути. Наплававшись в еще ледяном Иссык-Куле (благо, гидрокостюм под рукой), он поднимается затем на горнолыжную базу и вихрем мчится, вздымая снежную пыль, по крутым, почти отвесным склонам; возвращаясь, успевает заехать к знакому кладоискателю, который, поверив древней легенде, роет котлован в скальном грунте близ Курменты, и к вечеру, отмахав тысячу с гаком километров, уже оказывается в семейном кругу и ведет разговор о книжных новинках, что регулярно поступают по его заказу из Москвы для читателей Киргизии.

Об увлечении Кадыровым подводным плаванием, альпинизмом и горными лыжами говорят маршруты его путешествий – Сары-Челек, Красное море и Тихий океан; Тянь-Шань, Альпы и Гималаи... В каждом мгновении жизни он стремится уловить что-то необычайное, будь то человеческий поступок или явление природы. Уловить и рассказать об этом с помощью текстов и фотографий. Все книги, «Иная планета» не исключение, проиллюстрированы им же самим.

К чему он пылает большей страстью -
к писательству или путешествиям?
На это, пожалуй, не ответит сам Виктор Кадыров.

Его встречи с интересными людьми, которые умеют вкусно рассказывать, его удивительное погружение в наполненный острыми сюжетами подводный мир, его попытка проникновения в тайны Тибета волнуют автора, мне кажется, не столько с познавательной, сколько с чувственной стороны. Боясь, что со временем эмоции угаснут, он торопится за компьютер и выплескивает все, чем напивалась душа. И больше, как правило, к тексту не прикасается. В результате далеко не всегда текст совершенен, что-то в нем не прописано, что-то, наоборот, растянуто. Зато в любом повествовании все пульсирует, пружинит, везде ощущается живая жизнь, его интерес передается читателю, и это, пожалуй, самое важное.

Помимо книг, подобных по характеру «Иной планете», Виктор Кадыров создает книги по мотивам киргизских легенд и сказаний, по обычаям киргизов и национальному прикладному искусству, он обрабатывает и выпускает на русском языке киргизские народные сказки, его фотоальбомы о Киргизии, Иссык-Куле говорят о великой любви автора к природе этого края.

Кажется, еще в воздухе не растворились слова, произнесенные собравшимися на презентации «Иной планеты», как уже вышла красочно проиллюстрированная им самим книга «Сайма», в которой рассказывается о древнем искусстве киргизов – художественной вышивке.

– Виктор, – говорю ему, – а чем вышивка приманила тебя, каким образом она-то вписалась в пространство твоих интересов?

О! – на смуглом лице Кадырова блуждает улыбка, его взгляд быстр и упруг. – Издревле узоры были не просто декором для украшения вещей. Орнамент – еще и магия, призванная обеспечивать защиту от злых духов, притягивать расположение высших существ, способствовать благополучию и счастливой жизни. Представь, насчитывается около 200 элементов киргизского узора, их комбинации дают более 3500 различных орнаментов! Это же потрясение возможности! Дух захватывает...

– Прости, – прерываю его, – но ведь нельзя объять необъятное.

– Объять-то, конечно, нельзя, но постараться сделать это можно, – продолжая улыбаться, отвечает он.

И тут трудно что-либо возразить.

Марина САВИНА

СЮР В ПОСТПРОЛЕТАРСКОМ РАЙОНЕ

Изменение жанрово-тематической направленности в современном литературном пространстве Кыргызстана связано с процессом качественных изменений, вызванных новыми социально-культурными реалиями.

Эпоха массовой культуры порождает и соответствующие тексты массовой литературы. Возникают новые для кыргызской литературы жанровые разновидности прозы. Среди них все чаще доминирует детективный роман (повесть, рассказ), формат которого активно разрабатывается современными писателями Кыргызстана. Примеров тому много. Мне же в этой связи хотелось бы остановиться на творческом поиске одного из наших молодых прозаиков – Дмитрия Ащеулова. В новом детективном жанре триллера им создано немало рассказов, наиболее характерный из них – «Оборотень».

Жанровая модификация этого детективного рассказа, относящая его к триллеру, обусловлена эмоциональным настроением всей художественной структуры повествования. Начиная с заглавия, в сознание читателя последовательно и хладнокровно авторской волей вводятся все более устрашающие детали и подробности. У адресата возникает ощущение необъяснимого страха и тревожного ожидания ужасающей развязки. Именно эта особенность триллера – держать в постоянном эмоциональном напряжении читателя обозначается понятием «suspens» (от лат. suspendere — подвешивать).

Художественный эффект «suspens», как состояния замедленного, замороженного внимания, влечет за собой навязчивое

желание преодолеть иллюзию вторичной действительности, каковой является текст. Но наличие огромного количества достоверных, реалистических деталей, как бы взятых из обыденной жизни и очень узнаваемых, держит читателя на ментальном крючке. В триллере, благодаря эксплуатации деталей вещного мира, проявился модернистский метод сюрреализма (от фр. *surrealisme* — сверхреализм).

Жорж Батай цитирует отрывок из знаменитой декларации 1925 года: «Сюрреализм — это не новый или более простой способ выражения, это даже не метафизика поэзии. Это средство полного освобождения духа и всего, что на него похоже. <...> Сюрреализм — это вопль духа, который вечно обращается к самому себе и готов отчаянно крушить всякие преграды на этом пути¹».

В рассказе Д. Ащеулова «Оборотень» сюжет развивается по закону обратного хронотопа детективного жанра: убийство — расследование — развязка, в которой раскрывается личность преступника. Ряд убийств, произошедших в социально и экономически неблагополучном поселке «Коммунар», некогда бывшем образцово-показательным населенным пунктом, становится причиной возникновения слухов, усиливающих психологическое напряжение среди жителей. За всю свою историю поселок знал единственного руководителя — вождя местных рабочих и крестьян по фамилии Коржедуб.

По представлениям старожилов дух грозного вождя, отошедшего в мир иной, и выходит в ночные улицы и расправляется с теми, кто нарушает устои общества, которому Коржедуб посвятил жизнь. Художественной реализации основного понятия сюрреализма — неразрывного соседства сна и реальности способствует совмещение двух уровней: реалистической картины жизни в поселке, сопутствующие ей детали узнаваемой повседневности поскоммунистической истории многих городов, и мистические слухи, обнажающие катастрофу в сознаниях жителей, трагические сдвиги в их психологии. Подспудно, как бы нехотя, в восприятии адресата сгущается мистическое ощущение. Абсурд-

¹ Батай Ж. Сюрреализм день за днем. Пер. С. Дубина // Иностранная литература. — 1997. — № 4. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1997/4/arto06.html>

ное и противоречивое соседство натуралистических образов, внимание к физиологии и, вскрывающей потайные стороны сознания, ирония, эксплуатация таких доминант подсознания, как секс и насилие – все это пришло в текст «Оборотня» из предшествующего опыта сюрреализма.

Таким образом, автор продемонстрировал силу теории психоанализа З. Фрейда. Фантазмагорический образ главного героя – Анатолия – становится средством реализации самой главной глубинно-психологической установки сюрреализма, основывающейся на выражении автором внутренней экспрессии, бессознательных фантазий, сексуальных страхов и комплексов, берущих начало с момента осмысления собственной индивидуальности, многих и многих болезненных, подсознательных реакций, чей след тянется из детства, и в дальнейшем, возможно, как-то связано с личной биографией автора. Недаром Д. Ащеулов избрал способ несобственно-прямой речи от лица своего героя. Он, этот горбун – личность духовная, единственный из целой галереи персонажей оказывается способным совершить высокий поступок, его недостатки – это его скрытые достоинства.

Облик героя, являющегося психологическим alter-ego автора, претерпевает метаморфозы. Физический недостаток становится символом его духовной свободы: «Моя история была странной и почти фантастической. <...> в юности у меня без всяких на то причин стал расти горб. <...> В нем накапливался гной обид, разочарований, усталости от общения с людьми»². В личностном конфликте духовного облика героя и его внешности просматривается влияние эстетики сюрреализма, в котором посредством аллегорического иносказания, достигается важнейшая цель искусства – освобождение духа от материи, духовное возвышение.

Основная идея всего рассказа выражена в высказывании Анатолия о внутренней свободе: «Мы такие, какими выглядим внутри, ну а внешняя оболочка – это все ерунда, мимикрия. <...> Жизнь заставляет нас идти против наших чувств и нравов. Делать то, что, быть может, мы никогда бы и не стали делать <...> мы сможем быть счастливы и свободны»³.

Наивысшая степень свободы – полет, свободное парение.

² Ащеулов Д. Оборотень: Рассказ // Литературный Кыргызстан. – 2011. - № 3. – С. 33.

³ Ащеулов Д. Оборотень: Рассказ // Литературный Кыргызстан. – 2011. - № 3. – С. 29.

Д. Ащеулов, в сюрреалистической манере, наделяет своего героя способностью летать, превращая нарост на позвоночнике героя в крылья: «Горб ныл и разбухал, мешал передвигаться и спать. А потом однажды он лопнул <...> у меня за спиной были крылья <...> я понял, что могу летать. Крылья росли, становились мощнее <...> Я летел в темноте! Над головой были ясные звезды, тихие, торжественные, единственно близкие в этот миг мне существа <...> я был свободен»⁴.

Любовь к книгам, качество, презираемое маргиналами, среди которых живет Анатолий, – способ сохранить культурный, интеллектуальный облик своей личности, вопреки обстоятельствам. И. Бродский в Нобелевской лекции сказал: «В истории нашего вида книга – феномен антропологический <...> Книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью перево-рачиваемой страницы. Перемещение это становится <...> бегством от общего знаменателя <...> в сторону личности, в сторону частности». Анатолий, в своей привязанности к книгам сопротивляется давлению массы, пытается преодолеть трагедию своей судьбы: «С каким бы пренебрежением мы не относились к книгам, они переживут нас. Мы умрем, а они останутся. Пускай мир рушится, пускай их сжигают, выбрасывают, вытесняет интернет. Но кто-нибудь такой же, как и я, обязательно будет собирать их, пускай даже втайне от всех. Сохранит и передаст тем другим, которые придут на эту Землю после нас. И авторы, и их мысли будут жить и дальше, пережив это ужасное время»⁵.

Наше «ужасное время» – получило особое, в духе нонконформизма, освещение. Автор использует прием аллюзии, свойственный поэтике сюрреализма, выстраивая сюжетную линию о судьбе семьи Коржедуба. Балтийский матрос, свято веривший в революционные идеи, посвятивший свою жизнь построению счастливого общества в поселке «Коммунар», был лишен личного счастья. Его родная внучка Клара – здесь возникает интертекстуальная отсылка к прецедентному имени Клары Цеткин, пламенной революционерки – сдала собственного сына в детский дом. В новом русском, Эдуарде Мясницком, владельце частной

⁴ Ащеулов Д. Оборотень: Рассказ // Литературный Кыргызстан. – 2011. – № 3. – С. 33.

⁵ Ащеулов Д. Оборотень: Рассказ // Литературный Кыргызстан. – 2011. – № 3. – С. 8.

строительной компании, который приехал разрушить поселок, Клара безошибочно узнает сына. Жажда мести за погубленное в детдах детства еще более разжигает хищнический настрой бизнесмена.

Возникает ситуация встречи трех поколений семьи. Самый старший среди них – Коржедуб, строитель поселка, его скульптура стоит в поселковом парке, а его тень-фантом незримо и постоянно присутствует среди прочих персонажей рассказа, усиливая элемент «suspens» – психологического напряжения. Клара, внучка Коржедуба, полусумасшедшая старуха, отвергнутая своим дедом в молодости за любовь к цыгану Мише, что можно интерпретировать в широком контексте – к свободе, двадцать лет где-то блуждавшая и работавшая после возвращения на самой низкоквалифицированной работе – посудомойщицей. И Эдуард Мясницкий, младший представитель семейства, правнук Коржедуба, мечтающий разрушить детище своего прадеда, и это желание становится его кровной мезтью – самому себе.

Поистине – «O tempora! O mores!». И «ужасное время» становится зловещим Кроносом, пожирающим своих детей. Огромная водонапорная башня, орудие возмездия Кроноса – обрушется и погребает под собою кабину бульдозера, в которой находится Мясницкий. Свершается катастрофа, показанная на примере одной семьи – полностью уничтожается генетическая информация о нескольких поколениях.

Нонконформистская позиция автора проявилась и в сюжетной линии охотника Маркуса. Он, рациональный немец, экипированный охотник за отмеченными аномалиями – знаками ужасного времени, представителями вида Homo sapiens, терпит смертельное поражение от чудовищного урода, гермафродита Нинона, которого он не распознал. И освобождение духа охотника, живущего адреналином погони, наступает с осознанием своего комплекса: «Больше всего я боюсь смерти».⁶ Автор в фигуре Маркуса, стремящегося преодолеть «человеческое в душах», отрицает жесткий рационализм, противопоставляя ему ценность человеческих слабостей. В адрес таких безжалостных хозяев жизни, обращено риторическое восклицание Монахова из пьесы

⁶ Ащеулов Д. Оборотень: Рассказ // Литературный Кыргызстан. – 2011. – № 3. – С. 35.

М. Горького «Варвары»: «Что же вы сделали, а? Что вы сделали?». Маркус становится жертвой своей игры – погони за добычей. И лежа с распоротым животом, он осознает, что этот финал он сотворил собственными руками.

Аналитическое рассмотрение характерных особенностей детективного триллера «Оборотень» обнажает скрытые механизмы воздействия на сознание читателя. Автор последовательно создает «suspens» – ситуацию психологического напряжения, и сам же ее разрушает. Освобождение от страха, ставшего характерным свойством триллера, в жанре которого написан рассказ, наступает с осознанием превосходства духовного над материальным. Эстетика сюрреализма, воплотившаяся в аллегорическом иносказании, способствует обретению свободы сознания как высшей ценности человеческой личности. Д. Ащеулов воплотил один из программных принципов сюрреализма: «Искусство – основной инструмент освобождения сознания».

Коротко об авторах

Вилор АКЧУРИН

Родился в Самарканде в 1939 году.

Закончил в Казани Спортфак, затем в Алматы факультет журналистики государственного университета. Работал в органах печати Киргизии, Узбекистана, Казахстана и России.

Сейчас член редколлегии газеты «Слово Кыргызстана». Заслуженный деятель культуры КР.

Людмила ЖОЛМУХАМЕДОВА.

Родилась – не знаю когда и где. Живу вне гороскопа. Получила два высших образования – журналист и политолог. Была гл. редактором парламентской газеты «Свободные горы» и шеф-редактором газеты «МСН». Занималась политикой. Много писала. Еще больше размышляла. Никаких наград не имею. Ныне живу в гор. Кара-Балта. Написанные книги лежат в столе.

Анэс ЗАРИФЬЯН

Родился в г. Фрунзе в 1946 г. Окончил Киргизский гос-мединститут. Учёный-физиолог, профессор. Работал преподавателем, научным сотрудником в КГМИ, проректором – в КГИФК, МУК, КРСУ. В настоящее время – декан медицинского факультета КРСУ.

Поэт, бард. Автор 10 поэтических книг, песенника, двух пластинок песен, выпущенных ещё в советские времена всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», и компакт-диска «Выше голову!».

Лауреат, член жюри, ведущий творческих мастерских на многих региональных и всесоюзных фестивалях авторской песни. В 80-х годах вёл в нашем журнале рубрику о творчестве бардов «Стихи, что с музыкой слились...».

Песенно-поэтическое творчество представлено, помимо изданий, на сайтах: www.stihi.ru, www.bards.ru, www.glavmedinfo.ru.

В 1989 г. был принят в Союз писателей СССР, в настоящее время – член Союза писателей Кыргызстана.

Александр ИВАНОВ

Родился в Казахстане, в г. Чимкенте в 1938 году. Окончил Киргизский Государственный Университет, филфак. Работал в молодежных газетах Кыргызстана и Таджикистана, во Всесоюзной «Литературной газете». С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», а также издательства «ЖЗЛК». Автор пятнадцати книг документальной и художественной прозы. Заслуженный деятель культуры КР.

Ульяна КОПЫТИНА

Родилась 14 января 1980 года в городе Фрунзе Киргизской ССР. Образование высшее, закончила Кыргызский государственный национальный университет, по профессии журналист (1996 – 2001гг). Диплом с отличием. Стихи пишу с 15 лет. Официальных публикаций нет, стихотворения «живут» в сети на Самиздате www.lib.ru, www.diesel.elcat.kg, www.literatura.kg.

Не так давно попробовала силы в написании коротких фантастических новелл.

Увлекаюсь рок-музыкой, пишу и исполняю песни в стиле «сибирский панк», фолк – панк.

Александр КНЯЗЕВ

Доктор исторических наук, действительный член Русского географического общества, координатор региональных программ (старший научный сотрудник) Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Российской академии наук.

Сфера научных интересов охватывает современную политическую историю Афганистана и стран Центральной Азии и Среднего Востока, проблемы геополитики и геоэкономики, региональной безопасности, взаимоотношений ислама и политики, международные конфликты и положение этнических меньшинств, освещение конфликтов в средствах массовой информации и вопросы современных информационных войн.

Автор книг «Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии», «История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии», «К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии», «Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало

XXI вв.)», «Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии», а также множества разнообразных публикаций в России, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Армении, Индии, Китае, Швеции, на Украине, в Турции, Иране, Франции.

В 2009 году награжден золотой медалью международного благотворительного фонда науки и культуры «Мустафа Кемаль» («Ататюрк») в номинации «Лучший историк Центральной Азии».

Александр КРЯЧУН

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Санкт-Петербурге. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

Владимир МЕДВЕДЕВ

Родился в 1944 году в Забайкалье, на озере Кинон и в малом возрасте переехал с родителями в Таджикистан, где прожил большую (на настоящий момент) часть жизни. Работал монтером ПТС, сезонным рабочим в геологических и гидрологических отрядах, учителем в кишлачной школе, репортером и фотокорреспондентом в молодежной и вечерней газетах, тренером, инженером-патентоведом в КБ... Сейчас заведует отделом в журнале «Дружба народов». В 2007 году в издательстве «Лимбус Пресс» вышла книга его рассказов «Охота с кукуем».

Александр НИКИТЕНКО

Родился в 1948 году в Душанбе. С 1951 года живет в Бишкеке. Окончил Киргосуниверситет. Работал редактором в Госкомиздате, ответсекретарем в «Литературном Киргизстане», газетах «Вечерний Бишкек», «Моя столица». Александр Никитенко публикуется в нашем журнале с 1967 года. В этом году он выпустил в свет свою четырнадцатую поэтическую книгу.

Мария САВИНА

Родилась в 1975 г. Доцент кафедры истории и теории литературы КРСУ, кандидат филологических наук. Преподает историко-литературоведческие, теоретические дисциплины: «Введение в литературоведение», «Основы филологии», «Русская литература Кыргызстана», «История русской литературы XX века», «Поэтика и прагматика рецензии», «Русскоязычная проза кыргызских писателей-билингвов», «Современная русская литература». Круг научных интересов связан с изучением творчества билингвальных писателей, тенденций литературного процесса XX-XXI века, проблемой авторского сознания в художественном тексте. Автор более 30 научных публикаций.

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Вячеслав Иванович Шаповалов родился в 1947 году во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызская Республика). Народный поэт Киргизии, лауреат государственной премии КР, заслуженный деятель культуры КР. Автор многих поэтических сборников, книг переводов киргизской поэзии и поэзии Запада и Востока. Стихи публиковались в ряде стран Европы и Азии. Доктор филологических наук, профессор.

Ф.ШАРИП (Кензина Файруза Шайхл-Исламовна)

Родилась 15.11.1960 г.р., г. Куйбышев, Россия.

Окончила Казахский Государственный Университет им. Кирова, филологический факультет.

Работа: В комсомоле, воспитатель детского сада, в настоящее время имею небольшой семейный бизнес.

Семейное положение: замужем, трое детей.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 23.05.2012 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 13,375 Заказ 32.